

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

**ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Сборник статей

Москва — 1993

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Сборник статей

Москва 1993

Книга издана при содействии
Международного рекламного-информационного агентства
"РУССКАЯ ПРЕСС СЛУЖБА"
и Банка "ДЕЛОВАЯ РОССИЯ"

В сборнике освещаются существенные стороны современной языковой ситуации в Болгарии, Сербии, Хорватии и у лужичских сербов; рассматриваются проблемы нормы, кодификации, языковой политики и языковой культуры, а также вопросы истории отечественной социолингвистики; исследуются социально обусловленные явления и процессы в лексике, словообразовании и фонетике современных славянских языков. В ряде статей анализируется новый языковой материал, ещё не получивший нормативной лексикографической и грамматической обработки.

Редакционная коллегия:

ответственный редактор
доктор филологических наук
Л.Н.СМИРНОВ

кандидат филологических наук
Ю.Е.СТЕМКОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор филологических наук
Г.К.ВЕНЕДИКТОВ
доктор филологических наук
В.К.ЖУРАВЛЕВ

ISBN 5-201-00763-5

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей является продолжением серии трудов социолингвистического характера, подготовленных в последние годы языковедами Института славяноведения и балканистики РАН. Он посвящен актуальным проблемам, связанным прежде всего с характеристикой экстралингвистических условий функционирования современных славянских литературных языков, с изучением теории и практики языковой политики и языковой культуры в славянских странах, с анализом некоторых инновационных явлений в лексике, словообразовании и фонетике, оказывающих определенное влияние на динамику литературно-языковых норм и на процессы коммуникации. Серьезное внимание уделяется в сборнике теоретическим проблемам социолингвистики, в частности соотношению узуса, нормы и кодификации, а также взаимосвязи литературного языка с другими разновидностями национального языка данного социума (с некодифицированной разговорной речью, с территориальными диалектами и др.).

Несомненный научный интерес представляют статьи, в которых освещаются особенности современной языковой ситуации в ряде славянских стран и у лужицких сербов. В статье Е.И. Деминой "К вопросу о современной литературно-языковой ситуации в Болгарии" в центре внимания находится сложная социолингвистическая проблема, касающаяся современного состояния и перспектив дальнейшего функционирования литературного болгарского языка. Глубокие изменения в общественно-политической жизни Болгарии, происходящие в последние годы, находят определенное отражение в процессах языковой коммуникации, в употреблении литературного болгарского языка, в частности, в стихийных а иногда и сознательных нарушениях его норм в устной и письменной речи, в отступлениях от принятых правил коммуникативно-стилистического

распределения выразительных средств литературного языка. Некоторые представители общественности и научных кругов Болгарии рассматривают подобные явления как своеобразный протест против ограничения свободы личности, против стереотипов речевого поведения, характерного для прежнего тоталитарного общества. Исходя из этого, часть болгарских лингвистов поднимает вопрос о создании нового болгарского литературного языка, полагая, что существующий литературный язык уже не отвечает в полной мере потребностям общества. Рассматривая данную проблему в теоретическом аспекте, Е.И. Демина доказывает, что нет серьезных оснований говорить о становлении нового болгарского литературного языка. П.А. Дмитриев в статье "О некоторых особенностях языковой ситуации в Сербии и Хорватии" детально анализирует общественные и научные дискуссии, уже давно ведущиеся в Югославии по вопросу о едином сербохорватском литературном языке, основы которого были заложены в середине XIX в. благодаря реформаторской деятельности В. Караджича, Л. Галя и их последователей. Автор убедительно показывает, что в зависимости от изменяющейся общественно-политической обстановки в Югославии и от характера межнациональных отношений менялись и позиции сербских и хорватских лингвистов по проблеме единства сербохорватского литературного языка, а в языковой политике в связи с этим преобладали то центробежные, то центростремительные тенденции. В последнее время в условиях политической дестабилизации, резкого обострения отношений между сербами и хорватами, распада Югославии преобладающими стали тенденции центробежные, стремления к языковому плюрализму, что в свою очередь способствует национальному размежеванию и политической дестабилизации. Как хорваты, так и сербы стоят в настоящее время на позиции признания двух отдельных и самостоятельных литературных языков — хорватского и сербского. Прежняя концепция единого сербохорватского/хорватосербского литературного языка (функционирующего в двух вариантах) практически не находит поддержки ни у одной из сторон. К указанным статьям примыкает и исследование М.И. Ермаковой "Проблемы нормы и кодификации в современном верхне-лужицком литературном языке". Автор отмечает, что особая ак-

туальность данной проблематики при рассмотрении истории верхнелужицкого литературного языка и изучении его функционирования в современный период объясняется сложностью и специфичностью языковой ситуации в Лужице, необходимостью тщательного анализа новейших тенденций развития верхнелужицкого литературного языка. Большое внимание при этом уделяется освещению нормализаторской и кодификаторской деятельности лужицких лингвистов, а также дискуссиям по вопросам демократизации литературного языка, его сближения с народным языком.

Известно, что в настоящее время в силу ряда объективных и субъективных причин в славянских литературных языках заметно возрастает роль заимствованных (по преимуществу интернациональных) слов и морфем, а также элементов спонтанной разговорной речи, сленга и т.п. Связанная с этим проблематика также нашла свое отражение в сборнике. В статье М.А. Осиповой "К словообразовательной адаптации заимствований в современном польском языке: речевые ошибки" убедительно доказывается, что процесс освоения заимствованных слов сопровождается возникновением в речи определенного типа ошибок и отклонений от существующей литературно-языковой нормы. Избранный автором аспект исследования имеет существенное значение с точки зрения языковой культуры. Статья Ю.Е. Стемковской "О взаимодействии исконных и иноязычных словообразовательных морфем в современном чешском языке" посвящена характеристике одного из проявлений процесса интернационализации словарного состава современного чешского литературного языка. Подробно анализируя производные имена существительные со значением 'лица', при образовании которых могут использоваться исконные и иноязычные (интернациональные) морфемы, автор раскрывает важную функциональную роль последних в словообразовательной системе чешского языка, показывает их деривационные свойства и потенции, в частности их участие в словообразовательных синтагмах, цепочках и парадигмах. На материале словацкого и украинского языков Е.Н. Сидоренко в статье "К вопросу о мотивационной базе универбов" рассматривает важный аспект изучения универбизации. В славянских языках это явление особенно характерно для разговорной речи и сленга. Вме-

сте с тем универбы – однословные наименования, возникающие на основе уже существующих в данном языке дву- или многословных наименований – играют заметную роль в развитии словарного состава литературного языка, проходя стадию "олитературирования", они пополняют состав общелитературной лексики.

В статье Л.И. Масленниковой "Влияние литературного языка на польский говор в Белостокском воеводстве (к социолингвистической характеристике говора деревни Студзянки)" характеризуется ряд существенных социолингвистических признаков конкретного польского говора, функционирующего в условиях белорусско-польского двуязычия, и на примере явлений вокализма в данном говоре описывается широкая вариативность элементов его фонетической системы, которую автор объясняет влиянием комплекса социальных факторов, в том числе высоким социальным престижем польского литературного языка.

Завершается сборник статьей Л.Н. Смирнова "Из истории отечественной социолингвистики". В ней анализируются труды советских языковедов 20–30-х годов, в которых закладывались основы социологической лингвистики, рассматривались проблемы социальной природы языка, социальной обусловленности его развития и функционирования, разрабатывалась теория национального языка, языка города, предлагались опыты оригинального теоретического осмысления вопросов языковой политики и языковой культуры. Эта проблематика, естественно с новыми подходами к ее решению, остается актуальной для современной социолингвистики и славянского языкознания, особенно в аспекте изучения истории славянских литературных языков и их функционирования в современный период.

Л.Н. Смирнов

Е.И. Демина

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В БОЛГАРИИ

Бурные общественно-политические события последних лет в Болгарии нашли свое отражение и в некоторых сдвигах в сфере употребления современного болгарского литературного языка (СБЛЯ), в отступлениях в устной и письменной речи определенного круга его носителей от ряда присущих ему норм и принятой коммуникативно-стилистической дистрибуции его выразительных средств. Наличие этих сдвигов, воспринимаемых некоторыми как своеобразная форма протеста против мешавших свободе личности литературно-языковых догм, дало основание некоторым болгарским лингвистам поставить несколько неожиданный, на наш взгляд, вопрос о становлении нового литературного языка и, следовательно, о "начале конца" СБЛЯ.

Так, например, по мнению одного из авторитетных специалистов по истории СБЛЯ Вл. Мурдарова болгарское общество в настоящее время переживает "особый вид возрождения, которое всегда связывается с созданием нового литературного языка. Он, очевидно, будет отличаться от существовавшего до настоящего времени и включит в себя значительное количество элементов жаргона"¹. Наблюдая над разговорной речью молодежи и пожилых, интеллектуальной элиты, технической интеллигенции и рядовых граждан, В. Мурдаров приходит к заключению, что они "даже умышленно ставят перед собой задачу разрушить границы того языка, который мы называем литературным"², связывая свои представления о демократизации и свободе с идеей вседозволенности в выборе средств речевого общения. Особенно широко при этом используются средства жаргона, как характерного в свое время для словаря ныне старшего поколения, так и свойственно-

го современной молодежи. Эта своеобразная "мода", как отмечает Мурданов, особенно характерна для средств массовой информации, "которые прибегают к подобному словесному хаосу в своем стремлении к открытию некоего подходящего для них нового языка (не: новоговора)"³. Создание этого языка, по мнению Мурдарова, потребует времени, необходимого прежде всего для того, чтобы утихли страсти и стало понятным, что язык не может существовать без принятых и соблюдаемых всеми правил, чтобы быть тонким инструментом и выражения мысли, и ее восприятия.

Как аналогичную возрожденческой, "когда народ осознает, что дальше так жить нельзя", рассматривает современную языковую действительность и известный специалист по грамматике СБЛЯ П. Пашов⁴. Необходимость демократизации общества, отказа от тоталитарной системы, сковывавшей свободу и волеизъявление личности, от права ничтожного меньшинства или даже отдельной личности распоряжаться всем, в том числе и нормами литературного языка, освобождения от идеологии какой-бы то ни было партии или группы партий как абсолютно обязательной для образования и науки он непосредственно связывает с задачей "демократизации языка" (избегая, впрочем, называть его "литературным"). Поставив в качестве первоочередной задачи "демократизации языка" освобождение его "от всего, что уже устарело, что преодолено в процессе естественного развития языка, от всех искусственных правил, созданных в различное время и с различными целями, иногда в силу групповых интересов"⁵, Пашов предлагает часть этих вопросов, не дожидаясь затянувшихся кодификаторских усилий (все эти вопросы активно обсуждались в лингвистической литературе последнего десятилетия), решить, так сказать, "явочным порядком", на уровне практики. Так например, он предлагает школьным учителям не исправлять в учебных тетрадях ошибки, связанные с необходимостью разграничения полной и краткой членной формы существительных мужского рода ед. числа на согласный в зависимости от их синтаксической позиции в предложении (субъект ~ несубъект), подчеркивая, что это "искусственное" правило предлагала исключить из нормативного комплекса еще компетентная комиссия по обновлению орфографии в 1945 г., но что оно было оставлено в окончательном тексте принятых тогда правил по решению правитель-

ства⁶. Приведя несколько примеров "постепенной демократизации правописания и произношения" с учетом особенностей живой разговорной практики, П. Паиров в заключение выступает против распространившихся в настоящее время в речи различных кругов общества, в том числе, интеллигенции, грубых произносительных и стилистических ошибок. Он подчеркивает, что "язык всех болгар, всех культурных граждан"⁷ должен быть правильным и единообразным на письме и в разговоре, чему, по его мнению, должен способствовать примат произношения над правописанием при установлении тех или иных орфографических норм в процессе их демократизации.

Расценивая некоторые явления в речевой практике болгарского радио и телевидения как стремление к отказу от "тоталитарного речевого поведения, при котором обязательная цензура или самоконтроль, сохранение ритуальности вербальной части становились препоной к достижению адекватности между мышлением, социальным поведением и языковым выражением"⁸, Е. Георгиева вместе с тем в распространении весьма фамильярного разговорно-бытового языкового стиля не только в передачах более общего, но и специализированного характера, в отличие от Вл. Мурдарова, напротив, видит возврат к старому, к практике и языковому поведению полувековой давности, к своеобразной "байганювщине". Признавая необходимость создания модели языкового общения, соответствующей современности, в частности, преодоления контраста между разговорно-бытовым и сверхинтеллектуализованным языком ряда передач, решение этой задачи она связывает с необходимостью сохранения при этом существующих норм литературного языка. Отождествление требования соблюдать литературно-языковые нормы с тоталитарным характером общественной и культурной жизни, отказ в силу этого от норм СБЛЯ, по ее мнению, может только отбросить общество назад, после чего неизбежно вновь встанет вопрос об огромном культурном значении литературного языка в духовной жизни нации.

Глазами социолингвиста оценивает современную литературно-языковую действительность в Болгарии М. Виденов⁹. Исходя из известного в социолингвистике тезиса о том, что периодам усиленной общественно-политической динамики соответствует динамика процессов на различных языковых уровнях, причем, как правило,

быстрее всего реагирует лексика, он анализирует некоторые современные тенденции развития лексического состава СБЛЯ. Речь идет о таких процессах, как появление новых общественно-политических терминов типа *плурализм, десетоноемриец, экогласност, живковизъм, митингуващ, неформал, командно-административна система, "выход из нелегальности"* терминов типа *тоталитаризъм, дестабилизация, демократичен социализъм, корупция, апаратчик, екстремизъм, девалвация, криза, господин*, конкретизация значения некоторых терминов и терминологических сочетаний, таких как *независимо сдружение (дружество), екстремизъм (ляв екстремизъм, десен екстремизъм), самиздат, диалог, политическа култура, политическо бескултурие, консенсус, демокрация, гласност* и под. В этой же связи рассматривается отеснение на периферию модели литературного языка терминов типа *дисидент, ревизионизъм, пръв партиен и държавен ръководител, социалистическа общност, развит социализъм* и под.

✓ Подробно исследуя социолингвистические условия, связанные с проникновением в язык общественной коммуникации трех терминов (*плурализм, митингуващ, господин*), М. Виденов подчеркивает, что отсутствие такого подхода к современным процессам создает предпосылки для все шире распространяющегося убеждения в стихийности и немотивированности языковых процессов.

К числу характерных для современной литературно-языковой действительности процессов Виденов относит то, что из активного употребления снимается официальный стиль с его общими формулировками, шаблонными словосочетаниями и другими особенностями, создававшими облик публицистики. За короткое время осуществлен резкий поворот от так наз. "антиязыка", вызванного к жизни тоталитарной системой. Сходит со сцены стиль общих фраз, призванных скорее не сказать ничего. Тем самым подтверждается вывод, что стиль общественной жизни находит свое отражение в языковом стиле, т.е. в организации выразительных средств¹⁰. Иными словами, Виденов рассматривает отрицание "антиязыка" в русле отказа от шаблонного официального стиля, отнюдь не связывая это явление со становлением некоего нового литературного языка.

Поскольку неоднозначные оценки современной литературно-языковой ситуации в Болгарии и тенденций ее развития, сформулированные в рассмотренных выше работах ведущих болгарских языковедов, в целом охватывают амплитуду отраженных в лингвистической литературе мнений, представляется целесообразным попытаться осмыслить их в чисто теоретическом аспекте, учитывая в то же время при этом и собственные впечатления от языка радио, телевидения, прессы, сложившиеся во время командировок в Болгарию в 1990–1992 гг.

Итак, действительно ли и в какой мере можно говорить о становлении нового болгарского литературного языка, т.е. о "начале конца" СБЛЯ? Можно ли, в частности, рассматривать в этом ключе процесс назревшей демократизации СБЛЯ, отказа от некоторых его устаревших норм? В каком отношении между собой находятся такие явления, как своеобразная "байганювщина" в языке средств массовой коммуникации и факт существования общепринятого кодифицированного национального болгарского литературного языка? Как могут быть расценены происходящие на тех или иных уровнях СБЛЯ изменения?

На наш взгляд, при решении этих вопросов прежде всего следует исходить из достаточно четкого разграничения двух феноменов, связанных с функционированием литературных языков. Речь идет, с одной стороны, о феномене динамики нормы как одной из важнейших характеристик онтологии литературного языка, с другой стороны — о феномене особого рода "лингвистической относительности"¹¹, связанной с фактором специализации употребления литературного языка в зависимости от определенных социокультурных намерений той или иной группы его носителей в той или иной коммуникативной ситуации, возможности резкого изменения этих намерений при смене социолингвистической ситуации.

Действительно, с одной стороны, каждый литературный язык постоянно развивается, причем в некоторые периоды это развитие может принять ускоренный характер. Идет уплотнение принятой (кодифицированной) литературно-языковой модели новыми выразительными средствами, прежде всего, лексическими. Именно такого рода уплотнение литературно-языковой модели (а вместе с тем — одно из проявлений динамики нормы) хорошо иллюстрирует приведенный выше материал наблюдений М. Виденова

над происходящими в наши дни сдвигами в лексике СБЛЯ: появлением и активизацией одних слов, переходом на периферию употребления других.

Нормативный комплекс литературного языка постоянно пополняется рядом правил в связи процессом его интеллектуализации и необходимостью отражения в нем относительно новых языковых особенностей. Ср., например, круг сложных и недостаточно разработанных проблем СБЛЯ, связанных с системой транскрипции широко проникающих в него иностранных слов, чужих собственных имен и названий, которая, с одной стороны, основывалась бы на максимальном приближении к живому произношению в языке источнике, не нарушая в то же время систему орфоэпических, орфографических и грамматических норм СБЛЯ, с другой стороны – соотносилась бы с системой ранее вошедших в литературно-языковую практику традиционных написаний, основанных на транслитерации или заимствованных из других языков, в частности, русского¹².

Необходимость принятия ряда новых орфографических правил возникает в связи с бурной активизацией композиции как одного из современных способов словообразования. Встает вопрос о написании (слитном, полуслитном, раздельном) некоторых трехкомпонентных сложных слов, связанных с обозначением относительно новых реалий (*кино видео клуб*, *кино-видео клуб*, *кино-видео клуб*, *киновидео клуб* и даже *кино "Видео клуб"*)¹³, который еще не нашел адекватного кодификаторского решения.

Динамика нормативных правил связана с характерной для современности тенденцией к аббревиации как одного из наиболее живых и активных, но слабо разработанных способов пополнения словарного состава СБЛЯ. Речь идет о необходимости разработки самих принципов аббревиации (инициальный или слоговой), а также орфоэпических, орфографических, грамматических и стилистических норм употребления различных видов сокращений, их включении в парадигмы по роду, числу, особенностях согласования и употреблении членных форм от буквенных аббревиатур¹⁴.

В грамматиках СБЛЯ не разработан вопрос о согласовании существительных мужского рода, когда они называют по профессии *лицо* женского пола, как и сам вопрос о границах допустимости такого вызванного во многом новыми реалиями употребления (*уважаема профессор Петрова* или *уважаеми профессор Петро-*

ва; министърът беше посрещнат на летището или министърът е била посрещната на летището и под.)¹⁵.

Ряд сдвигов в норме СБЛЯ как саморегулирующей системы с реализацией заложенных в ней потенциальных возможностей является результатом действия внутренних тенденций его развития. Так, например, под влиянием разговорного языка широких кругов болгарской интеллигенции в СБЛЯ исчезло употребление одного из остатков падежных форм имени – формы вин. падежа личных имен мужского рода: *чакам Иван, писмо от Петко, стихотворение от Вазов* вм. *чакам Ивана, писмо от Петка, стихотворение от Вазова*¹⁶. Отмечается тенденция к преодолению некоторых нормативных правил, недостаточно четко, без должного учета особенностей языковой системы и литературно-языковой практики сформулированных в свое время или подвергшихся изменению в процессе этой практики (ср., например, сложную проблему согласования при так наз. формах учтivosti¹⁷). Наконец, в нормативный комплекс постепенно проникают и нередко кодифицируются ранее несвойственные ему особенности, возникшие на уровне живого (устного или письменного) употребления и закрепившиеся в узусе достаточно представительного литературно-языкового коллектива, что делает какие-либо предписывающие усилия устроителей литературного языка запоздалыми.

Так, например, в самое последнее время в нормативный комплекс были включены написания *летящ* (вм. *летещ* по нормам 1945 г.), *учителствам, представителствам* вм. обязательных до этого *учителствувам, председателствувам*; формы числительных *дванайсет, двайсет*, а не только *дванадесет, двадесет*; написание и произношение *присъствам* наряду с *присъствувам* и др.¹⁸. Примером того, как сложившиеся в литературно-языковом узусе явления постепенно закрепляются в норме СБЛЯ и учитываются в дальнейшем в нормативных грамматиках, т.е. кодифицируются, может послужить развитие так наз. счетной формы мн. числа существительных мужского рода, оканчивающихся на согласный, которая активно выходит из употребления при нарицательных существительных, обозначающих лицо: вм. ожидаемого после количественного числительного (и в других случаях, когда имеется в виду определенное количество предметов) употребления счетной формы типа *пет войника* все чаще встречается в устной и

пись менной речи обычная форма мн. числа *пет войници*, что нашло свое отражение в академической грамматике СБЛЯ¹⁹.

Вместе с тем, ряд распространенных в той или иной мере в узусе явлений, отклоняющихся от кодифицированной нормы, не находят себе отражения в нормативном комплексе. Именно эти явления, противоречивое отношение к которым широко обсуждается в лингвистической литературе, создают зоны напряжения нормы. В потенции (в зависимости от того, будут они кодифицированы или нет) они и определяют дальнейшую динамику нормы СБЛЯ.

Речь идет прежде всего о появлении в литературно-языковой практике даже образованных слоев общества некоторых вариантов по отношению к норме явлений на фонетическом, грамматическом и лексическом уровне, связанном с возрастанием влияния различных субстандартных образований, в свою очередь находящихся под воздействием тех или иных диалектных ареалов, выходцы из которых нередко определяют "языковую моду".

Напомню в связи с этим острую дискуссию по проблеме произношения и написания гласного на месте этимологического **ѣ** в позиции перед твердым слогом под ударением (особенности, разделяющей болгарские говоры на восточные: *бял, бѣли* и западные: *бел, бѣли*), поводом для которой служит широкое распространение в разговорной речи даже носителей литературного языка явлений "сверхъякания" (*бял, бяли*) или/и "екания" (*бел, бѣли*), наряду с преобладающим нормативным "яканием" (*бял, бѣли*)²⁰. Ср. также широко отмечаемую в литературно-языковой практике вариантность окончаний I лица мн. числа глаголов I и II спряжений в настоящем времени: *-м* (в соответствии с принятой нормой) и *-ме* (под влиянием западных говоров): *четем и четеме, говорим и говориме*; произношение членных форм существительных женского рода на согласный: *та* (согласно норме) и *тѣ*: *мисълтѣ, благодарностѣ, ноштѣ* и *мисълтѣ, благодарностѣ, ноштѣ* или, например, противоречащее принятой норме затверждение согласных перед окончанием глаголов II спряжения в I лице ед. числа и в 3 лице мн. числа настоящего времени типа *вървѣ, вървѣт* и др.

В известной мере, в этом же контексте может быть отмечено противодействие некоторым ранее принятым без достаточной опоры на диасистему "болгарский язык" во всей разновидности ее говоров нормам. Ср., например, уже упоминавшееся правило

о противопоставлении полной и краткой членных форм имен существительных мужского рода на согласный и относящихся к ним имен прилагательных в зависимости от синтаксической позиции слова в предложении: подобное распределение полной и краткой членных форм не наблюдается ни в одном болгарском говоре.

Авторы одной из недавно опубликованных работ описывают 43 случая отклонений от нормы СБЛЯ на фонетическом, акцентном, морфологическом и лексическом уровнях, более или менее часто встречающихся в речи "образованных слоев общества, которые работают со словом и о которых принято считать, что они в наибольшей степени усвоили нормы литературного языка или же плотно приблизились к ним"²¹, выявляя диалектные истоки появления этих отклонений в речевой практике. Однако, лишь по отношению к части из них (ср. названные выше случаи вариативности) обычно выдвигается требование включения их в нормативный комплекс, что рассматривается как необходимая демократизация литературного языка. Это, в основном, варианты, отражающие основное диалектное членение болгарского языка и связанные с возрастанием роли западноболгарского диалектного ареала, в котором находится столица Болгарии г. София.

Так по наблюдениям И. Дуриданова "процесс расширения употребления екавых форм вместо якавых в устной языковой практике (узусе) городского населения Западной Болгарии в настоящее время принял такие размеры, что уже не может быть остановлен никакой принудительной кодификацией. Нельзя не считаться с тем фактом, что екавые формы сегодня не являются ограниченным явлением, присущим только нашим сельским говорам, что из-за своего широкого распространения в языковом узусе городской интеллигенции западноболгарских областей они получили характер наддиалектного явления"²². Выход из этой ситуации, которая "обрекает на неграмотность всю нашу интеллигенцию из Западной Болгарии", Дуриданов, как и ряд других языковедов²³, видит в том, что "екавые формы должны быть допущены без исключений в кодифицированную норму наряду с якавыми"²⁴. Высказывались также предложения включить в нормативный комплекс широко распространенное "сверхъяканье"²⁵ или признать нормативными все три варианта произношения бывшего

ѣ (*бял-бѣли, бял-бѣли, бел – бѣли*), а затем, через известное время, сопоставить их употребление в узусе и оставить в качестве нормы один из вариантов²⁶. В вышедшем в свет в 1983 г. нормативном словаре болгарской орфографии записано: "В устной норме литературного языка в случаях меняющегося ("променливо") я допускается произношение *е*"²⁷, что вводит еkanie в число орфоэпических норм.

Выступая против этого решения, П. Пашов в качестве аргумента указывает на чрезмерную перегрузку звуковых функций буквы *я*. Уже сейчас она означает гласный [а] и гласный [ѣ] после мягкого согласного или [й], что дает четыре варианта: 1. *поляна* /пол'ана/; 2. *маяк* /май'ак/; 3. (аз) *вървя* /върв'ѣ/; 24. (аз) *стоя* – /стой'ѣ/. Содержащееся в орфографическом словаре допущение вводит функцию 5. *бял* /б'ал/ и /бел/, т.е. при написании *я* можно, не нарушая норму, произносить и *е*. Указывается и на то, что это предложение было принято последней орфографической комиссией фактически по распоряжению Президиума БАН под сильным давлением академических и околоакадемических кругов²⁸. В то же время П. Пашов предлагает "полностью в духе демократизации языка и правописания" узаконить формы I лица мн. числа глаголов настоящего времени типа *четеме, говориме*, которые могли бы допускаться как варианты наряду с нормативными *четем, говорим*, поскольку "формы с *-ме* часто употребляются в разговорной литературной речи высокообразованных и культурных деятелей, которых мы не можем объявить невладельцами нормой" (в тексте – "правоговора").²⁹

Исходя из требования "следить за процессами в языке и – не вызывая смущений в языковой практике общества – своевременно вносить изменения в нормы литературного языка и правописания"³⁰, некоторые болгарские языковеды подчеркивают, что демократизация литературного языка не должна восприниматься как освобождение от всяких усилий "изучать" литературно-языковую систему и ее нормы³¹. Дальнейшее развитие покажет, какие из потенциальных возможностей литературного языка как динамичной системы найдут свое закрепление в его нормативном комплексе.

Таким образом, динамика нормы как естественное явление в жизни любого литературного языка, в том числе болгарского, отнюдь не всегда свидетельствует о его кризисе. Как известно, "с эпохи существования любого литературного языка различные типы его "обработки" неизбежны, а часто и необходимы. Это вызвано об-

ществленным стремлением либо сохранить известное единство литературного языка, либо способствовать его же дальнейшему развитию, либо и тем и другим одновременно (изменяясь, литературный язык в каждую эпоху не лишается и некоторой целостности)"³². Наличие определенных сдвигов в нормативном комплексе, если оно существенно не затрагивает основных характеристик данного исторического типа литературного языка³³, совокупности особенностей его грамматического строя и словарного состава само по себе вряд ли дает основание поставить вопрос о становлении нового литературного языка. Тем более это очевидно, если речь идет о тех или иных спонтанных изменениях на уровне речевой практики (о намеренной неряшливости речи, обращении к средствам жаргона), не только не перешедших на уровень кодифицированной нормы, но и не закрепившихся в узусе достаточно широких и престижных слоев общества. Законная тревога болгарских языковедов, наблюдающих явный спад в культуре речевого поведения, требует от них ускорения работы по выявлению происходящих в литературно-языковом узусе изменений, их оценке, принятию соответствующих решений о их включении/невключении в нормативный комплекс и мер по внедрению принятых решений в литературно-языковую практику с помощью службы культуры речи и языкового обучения. Нет оснований сомневаться в том, что лучшие представители болгарской культурной общественности постепенно создадут образцы публицистического стиля и форм речевого общения в средствах массовой информации; соответствующие требованиям современности, при ориентации как на установившийся в СБЛЯ нормативный комплекс, так и на то новое в речевой практике, что обогащает литературно-языковую модель, уплотняя ее новыми выразительными средствами, а отчасти и изменяя или уточняя систему ранее принятых нормативных решений. Именно на этом пути можно избежать такого разрыва между принятым нормативным комплексом и общественно-речевой практикой, который, действительно, может выдвинуть на первый план задачу возрождения литературного языка.

Обратимся теперь к тем изменениям в функционировании СБЛЯ сегодня, которые, на наш взгляд, связаны не столько с динамикой его нормы и отступлениями от нее в речевой практике, сколько с изменением социокультурных намерений, определяющих употребление литературного языка теми или иными его носи-

телями в различных коммуникативных ситуациях. Именно эти явления (не приводя, впрочем, конкретного материала) по-видимому прежде всего имеют в виду в рассмотренных выше работах Вл. Мурдаров и Е. Георгиева.

Еще Ш. Балли заметил, что понятие "разговорный язык есть тоже абстракция. Он не един; имеется столько разговорных языков, сколько общественных групп, центров общих интересов и даже отдельных индивидуумов"³⁴. Более того, добавим, язык одного и того же индивидуума, одной и той же общественной группы, безусловно, неодинаков в разных условиях общения, в тех или иных коммуникативных ситуациях.

В своей статье "Еще о теории литературных языков" М. Виденов отмечает, что последние 50 лет в Болгарии характеризуются появлением множества сфер, для которых литературно-языковая норма не только обязательна, но и единственно возможна. Каждая сфера, однако, стремится к специализации и дифференциации литературного языка, активизируя определенные его варианты, что приводит к созданию целой цепочки функциональных организаций выразительных средств. Если обратиться к метафоре, — пишет Виденов, — "можно сказать, что носитель литературного языка вынужден иметь в своем гардеробе не один, а несколько костюмов, чтобы успешно выполнять свои различные социальные роли, навязанные ему средой, в которой он функционирует"³⁵. Так, например, среди широких кругов болгарской интеллигенции широко употребляется особый повседневный разговорный литературный язык, предназначенный прежде всего для бытовой сферы. Воспользовавшись метафорой Виденова, можно сказать, что обоснованно вызывающие тревогу у болгарских языковедов явления в современной речевой практике, особенно в сфере средств массовой информации, связаны не только с небрежностью самого "костюма", но главное с тем, что он нередко сознательно "надевается" в неподходящих случаях, не соответствуя сложившимся в социально-языковом коллективе экспектациям.

Иными словами, речь идет о сдвигах в употреблении СБЛЯ, обусловленных в частности своеобразно понятым представлением о свободе волеизъявления личности, протестом по отношению к стереотипам недавнего прошлого. Затрагивая функциональную сторону нормы как регулятора экспектаций, "ожиданий"

ний" социально одобренных речевых и неречевых действий в конкретных ситуациях вербального и невербального поведения коммуникантов»³⁶ (в чем проявляется социолингвистический аспект нормы, непосредственно связанный с социальной установкой говорящего), эти сдвиги сами по себе также вряд ли могут свидетельствовать о тенденции к становлению какого-то нового литературного языка. Скорее можно говорить о снижении уровня языковой культуры, объясняемом (если, конечно, не учитывать возросшую роль в общественной жизни и средствах массовой информации лиц, просто недостаточно владеющих литературным языком) безусловно оправданным, но не всегда удачным стремлением вырваться за рамки устаревших стереотипов официального стиля в условиях отсутствия соответствующей современности модели языкового поведения и образцов речевого общения в разных типах коммуникативных ситуаций.

Само по себе такое состояние, безусловно, является временным. Коллективный общественно-языковой разум постепенно внесет необходимые коррективы в этот, по выражению Вл. Мурдарова, "словесный хаос". Нельзя, однако, забывать одно из важных наблюдений Д.Х. Хаймса: "Социолингвистические системы исчезают раньше соответствующих языков, может быть за несколько поколений. Если необходимо срочно спасти остатки языков, то вдвойне необходимо срочно спасти остатки социолингвистических систем"³⁷.

Примечания

- 1 *Мурдаров Вл.* Словесният хаос // Вестник АББ, София, 11 юни 1991, бр. 15. С. 5.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 *Пашов П.* Демократизация на живота и демократизация на езика // Език и литература. Год XLV, 1990, № 4. С. 10–17.
- 5 Там же. С. 13.
- 6 Там же. С. 14.
- 7 Там же. С. 17.

8 *Георгиева Е.* Проблеми на речевата практика в радиото и телевизията // Български език. Год. XL, 1990, кн. 5. С. 452–453.

9 *Виденов М.* Пак за теорията на книжовните езици // Език и литература. Год. XLVI, 1991, № 4. С. 3–10.

10 Там же. С. 8.

11 О феномене специализации в употреблении языка, зависящей от социокультурных факторов, и о связанном с этим понятию особом рода лингвистической относительности (по отношению к иной языковой ситуации) пишет Д.Х. Хаймс. (См.: *Хаймс Д.Х.* Два типа лингвистической относительности (с примерами из этнографии американских индейцев) // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 229–298).

12 Подробнее об этом и о других характерных для динамики нормы СБЛЯ явлениях см. в нашей работе по проблеме языкового строительства в Болгарии в послевоенный период, основанной на материале конкретных наблюдений болгарских лингвистов: *Демина Е.И.* Языковое строительство в социалистической Болгарии // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988. С. 118–172. Здесь и библиография.

13 *Цанков К.* За правописа на някои трикомпонентни сложни думи // Български език. Год. XXXV, 1985, кн. 4. С. 397–400.

14 *Демина Е.И.* Указ. соч. С. 160–162. Здесь и библиографические данные.

15 *Мурдаров Вл.* Особен случай на съгласуване по род // Български език. Год. XXXIII, 1983, кн. 2. С. 172–173. Библиографические данные и обзор состояния проблемы см.: *Демина Е.И.* Указ. соч. С. 154–155, 170.

16 *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977. С. 72.

17 О состоянии нормы согласования форм в составе высказываний, выражающих учтивость по отношению к адресату сообщения (по данным болгарских исследователей) см.: *Демина Е.И.* Указ. соч. С. 150–153.

18 *Пашов П.* Указ. соч. С. 14–15.

19 Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София, 1983. С. 108.

20 Обзор дискуссии по этому сложнейшему вопросу, нуждающемуся для своего решения в серьезных социолингвистических исследованиях, и конкретные данные см.: *Демина Е.И.* Указ. соч. С. 136–146, 167–169.

21 *Бояджиев Т., Радева В., Млаиснов М.Сл.* Между диалектното и книжовното. София, 1987. С. 5.

22 *Дуриданов И.* Общото езиковедие и проблемите на езиковото строителство // Проблеми на езиковата култура. София, 1980. С. 25.

23 *Стоянов Ст.* Насоки и тенденции в развоја на българският книжовен език след 9. III.1944 // Съвременна България. Т. 5. София, 1984. С. 10; *Попов К.* Нормите трябва да поддържат еластична стабилност в книжовния език // Език и литература. Год. XXXIV, 1979, № 1. С. 96.

24 *Дуриданов И.* Указ. соч. С. 26–27.

25 *Виденов М.* Социолингвистика. Основни тезиси. Български социолингвистически проблеми. София, 1982. С.197.

26 *Мурдаров Вл.* Промени в нормата на съвременния български книжовен език // Съвременна България. Т. 5. София, 1984. С. 28.

27 Правописен речник на съвременния български книжовен език. София, 1983. С. 20.

28 *Пашов П.* Демократизация на живота и демократизация на езика. С. 15.

29 Там же.

30 *Станков В.* Основни проблеми на нашето езиково строителство // Проблеми на езиковата култура. С. 10.

31 *Георгиева Е., Станков В.* За принципите, върху които се гради правописен речник на съвременния книжовен език // Български език. Год. XXXV, 1985, кн. 3. С. 214.

32 *Будагов Р.А.* Человек и его язык. // Вопросы языкознания, 1970, № 6. С. 9.

33 О понятии "исторический тип литературного языка" см.: *Демина Е.И.* К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 133–144.

34 *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 34.

35 *Виденов М.* Пак за теорията на книжовните езици. С. 5.

36 *Барнет В.* Языковая норма в социальной коммуникации // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам. 22–25 октября 1974 г. М., 1976. С. 53–54.

37 *Хаймс Д.Х.* Два типа лингвистической относительности. С. 296.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Вторая половина XIX в. — начало XX в. стали временем литературно-языкового объединения сербского и хорватского народов. Объединение произошло в результате реформаторской деятельности Вука Караджича, Людевита Гаая и их последователей, хотя исходные позиции и стратегические замыслы реформаторов были разными. Вук Караджич считал необходимым решительно отказаться от уже имеющихся литературных традиций и ввести в литературу живую народную речь сельских жителей турецкой Сербии, где, по его мнению, сохранился наиболее чистый и правильный язык. Он мечтал о едином литературном языке для всех югославян, говорящих на новоштокавском диалекте (в соответствии с научными представлениями того времени он считал их всех сербами, полагая, что хорватами являются лишь кайкавцы и чакавцы). В 1845 г. он следующим образом сформулировал свой идеал общего для сербов и хорватов литературного языка: "Мы все должны стремиться к тому, чтобы наш язык в книгах был настолько одинаковым, чтобы каждая книга могла быть от буквы до буквы перепечатана с латинского шрифта на славянский и со славянского на латинский. Тогда (и только тогда) мы будем единым народом и будем иметь единую литературу..."¹. Людевит Гаай и другие деятели иллирийского движения мечтали о создании на основе новоштокавского диалекта единого литературного языка для всех южных славян (включая словенцев и болгар). Предполагалось не только распространение новоштокавского диалекта, зафиксированного в уже имеющихся образцах литературы, среди всех южных славян, но и слияние его с кайкавским и чакавским

диалектами, также имеющими богатые литературные традиции, т.е. создание своеобразной языковой амальгамы. "В Иллирии – писал Людевит Гай – может быть только один настоящий литературный язык. Его мы не ищем в одном государстве, а во всей Великой Иллирии"². Реформы Вука Караджича и Людевита Гая исходили, таким образом, из разного понимания сущности литературного языка и путей его создания. Однако практически они шли в одном направлении и их осуществление постепенно вело к закреплению и в хорватских землях языкового типа, предложенного Вуком Караджичем, и разработанных им принципов правописания³. Хотя "Литературное соглашение" (Књижевни договор), подписанное в Вене в 1850 г., и окончательное признание принципов Вука Караджича в Хорватии в результате активной деятельности Т. Маретича, Дж. Даничича, И. Броза и других вукотцев не устранили всех различий между языком сербской и хорватской литератур, литературно-языковое объединение сербов и хорватов к концу XIX в. – началу XX в. в основном было осуществлено⁴. Решением хорватского Сабора "хорватский или сербский" язык провозглашен официальным 5 января 1867 г. В Сербии в XIX в. чаще используется название "српски језик", термин "српски или хрватски језик" употребляет в своих поздних трудах Д. Данич, "српскохрватски" – П. Будмани; название "српскохрватски језик" получает широкое распространение в 20-е годы XX в.⁵

Между тем дальнейшая история этого нового литературного языка показывает, что в нем постоянно действовали и действуют центростремительные и центробежные тенденции, которые в разное время в зависимости от реализации тех или иных внутриязыковых закономерностей, а главным образом в связи с воздействием различных объективных и субъективных экстралингвистических факторов имели различное проявление и теоретическое обоснование. В первой трети XX в. господствовали тенденции в основном центростремительные, что в значительной степени было обусловлено общим стремлением сербов и хорватов к сплочению в борьбе за национальное освобождение, успехами балканских союзников в борьбе против турецкого ига, а совместными выступлениями против австро-венгерского господства и т.п. К этому времени (1914 г.) относится знаменитая "Анкета о южном или восточном наречии в сербско-хорватской литературе" П. Скерли-

ча и его предложение об использовании в литературном сербохорватском языке с целью обеспечения полного литературно-языкового объединения сербов и хорватов только экавского произношения и только латинского алфавита. В то время в славистике прочно утвердилось мнение, что литературный язык, созданный на основе штокавского диалекта сербохорватского языка, является не только общим языком сербов и хорватов, но и единым. "Если мы обратимся к трудам ученых, занимающихся сербохорватским языком, — писал М.Г. Долобко, — вопрос о языковом единстве сербов и хорватов ими даже не поднимается, общность языка их является положением, доказывать которое ныне представляется излишним"⁶. После создания триединого Королевства сербов, хорватов и словенцев в условиях эйфории и романтического подъема пропагандируется идея о том, что все югославы являются одним народом. В 1918 г. М. Решетар предлагает отказаться от наименований серб, хорват, словенец и всем называться югославами⁷. В 1929 г. государство стало называться Королевство Югославия, что можно было понимать как символ начала формирования единой югославской нации. Обсуждается идея создания общего сербохорватскословенского языка. В 1929 г. это название было официально декретировано Министерством просвещения Югославии; на всей территории Югославии были введены новые единые правила правописания, в которых большинство расхождений было решено введением норм, принятых ранее у сербов⁸.

Однако с конца 30-х годов XX в. в развитии сербохорватского литературного языка резко усилились центробежные тенденции, чему способствовали в первую очередь обострение национальных отношений, установившихся в буржуазной Югославии, стремление господствующей сербской буржуазии навязать свою волю другим народам не только в области экономики, политики, но и в области языка и культуры. Насильственное декретирование новых правил правописания вызывало сопротивление. Уже в 1931 г. Т. Маретич, один из членов комиссии по разработке этих правил, публикует второе издание своей грамматики по старым (до 1930 г.) нормам. После создания автономной Хорватской бановины в 1939 г. национальные отношения еще более ухудшились. Это нашло отражение и в призывах усташей к разделу Югославии,

и в языковой политике. Единые правила правописания в Хорватии были отменены. Интерес исследователей стихийно, а часто и сознательно стали привлекать не те языковые факты, которые объединяют сербов и хорватов, а те, которые их разъединяют. В 1939 году Ю. Бенешич издает грамматику сербохорватского языка для поляков, где приводит список сербских и хорватских лексических соответствий и рассуждает о том, что иностранцам кажется, будто сербы и хорваты говорят на разных языках⁹. В 1940 г. в Загребе издается "Хорватский орфографический словарь" (Хрватски правописни рјечник) Ивана Есиха, в том же году — книга Петра Губерины и Круна Крстича "Различия между хорватским и сербским литературными языками" (Разлике између хрватскога и српскога књижевнога језика). Попытка практической реализации разделения сербохорватского литературного языка была предпринята во время Второй мировой войны, когда в Независимом хорватском государстве (НДХ) были восстановлены морфологические принципы правописания. (А. Клаич, Корјенско писање. Загреб, 1942; А. Клаич, Ф. Ципра. Хрватски правопис. Загреб, 1944). Было отменено введенное в 1867 г. название "хорватский или сербский язык" (хрватски или српски језик), официально язык стал называться "хорватским" (хрватски језик). В Сербии возвратились к правилам правописания до 1930 года, отказались от названия "сербохорватский язык" (српскохрватски језик) и стали называть свой язык "сербским" (српски језик).

Таким образом к концу Второй мировой войны сербохорватский литературный язык не имел единого названия и общей нормы. Это положение нашло отражение в документах Антифашистского веча народного освобождения Югославии: в соответствии с постановлением веча от 15 января 1944 года все его решения и решения Национального комитета освобождения Югославии должны были публиковаться "на сербском, хорватском, словенском и македонском языках"¹⁰. Первые послевоенные годы каждый из культурных центров новой Югославии (Белград, Загреб, Сараево) пользовался своими правилами правописания: в Хорватии в 1947 г. издаются правила Д. Боранича, в Сербии — в 1950 правила А. Белича, в Боснии и Герцеговине — в 1952 г. правила Й. Вуковича.

В 1954 г. по инициативе Матицы сербской была предпринята еще одна попытка нормирования языка — крупнейшими югославскими учеными, писателями, переводчиками, журналистами и общественными деятелями после широкого обсуждения анкеты "Вопросы сербохорватского литературного языка" были выработаны "Решения Новисадского совещания" (Заключици Новосадскога договора)¹¹. Концепция, положенная в основу этих решений, исходила из признания единства сербохорватского литературного языка: сербы и хорваты говорят на одном народном языке; литературный язык, сложившийся на основе этого народного языка вокруг двух главных культурных центров — Белграда и Загреба, является также одним и единым языком. Специфические особенности языкового выражения (и сербов, и хорватов) признаются одинаково литературными и квалифицируются как различия стилистические и региональные. Равноправными признаются также обе нормы произношения — экавская и (и)екавская, а также обе азбуки — кириллица и латиница. Предписывается употреблять в официальном названии языка обе составные части: в соответствии с этим официальными признаются названия српскохрватски, хрватскосрпски, српски или хрватски, хрватски или српски. Была поставлена задача создать единые правила правописания, единый словарь литературного языка, разработать единую терминологию. Решения содержат призыв устранить искусственные препятствия на пути естественного развития языка и прежде всего прекратить практику "перевода" произведений, написанных в разных культурных центрах.

Практическая реализация Новисадских решений зависела от согласованных действий многочисленной армии школьных учителей, преподавателей вузов, журналистов, писателей, ученых — всех, кто по роду своей деятельности связан с языком. Комиссия, состоявшая из представителей трех университетов (Белградского, Загребского и Сараевского), двух академий (Сербской и Югославянской) и двух литературных обществ ("Матица српска" и "Матица хрватска") подготовили новый свод правил правописания, который был опубликован кириллицей и латиницей в Нови-Саде и Загребе в 1960 г.¹² Однако дальнейшая работа по осуществлению Новисадских решений натолкнулась на ряд трудностей.

Признание равноправными и одинаково литературными лексических и грамматических различий, отражающих специфику развития Белградского и Загребского культурных центров, объявление их стилистическими синонимами не давало адекватного теоретического объяснения этих различий, не снимало вопрос о единстве сербохорватского литературного языка, а наоборот усилило интерес к его обсуждению. Дискуссия о сербохорватском языке, развернувшаяся в Югославии в 60-е годы, внесла в решение этого вопроса ряд существенных уточнений в соответствии с новейшими достижениями языкознания. Получило более глубокое научное обоснование и общее признание положение о единстве народного сербохорватского языка как совокупности диалектов и говоров, однако концепция, исходящая из положения о том, что литературный язык сербов и хорватов является одним и единственным языком, и рассматривающая различия между их языковыми средствами как различия региональные или стилистические, была признана несостоятельной как унитаристская. Не получило в ходе дискуссии поддержки и возвращение к толкованию этих различий как свидетельства существования отдельных сербского и хорватского литературных языков, предпринятое в 1967 г. в "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка" (Декларација о називу и положају хрватског књижевног језика). Эта концепция вызвала в то время резкое осуждение многих ученых, широкой общественности, а также политических и культурных организаций Югославии как концепция сепаратистская. Однако среди хорватских ученых все чаще высказывалось мнение, что при создании словаря сербохорватского языка и в повседневной практике недостаточно учитываются богатства и особенности языка хорватской литературы, а всячески потенцируются особенности языка Белградского центра. Обсуждение вопроса о единстве сербохорватского литературного языка продолжалось.

В ходе дискуссии ученые пришли к убеждению, что современный сербохорватский литературный язык, оформившийся на основе одного народного языка, функционирует в двух вариантах¹³. В отличие от вариантов других языков (английского, испанского, немецкого и др.) сербохорватские варианты генетически не зависят друг от друга. Они развились параллельно. По Д. Брозовичу различия между вариантами сербохорватского

языка составляют 3% и охватывают лишь языковую материю, а не языковую структуру¹⁴. Некоторые исследователи¹⁵, как нам кажется, без достаточных оснований¹⁶ включают в число вариантных различия, связанные с рефлексом **ѣ**. В этом случае различия между вариантами, по оценке С. Янковича, составляют около 7%¹⁷.

Расхождения между вариантами сербохорватского языка, за редким исключением, не связаны с диалектными различиями. Они в основной массе обусловлены особенностями культурно-исторического развития сербов и хорватов в прошлом. В значительной степени они были predeterminedены также разными подходами к созданию общего литературного языка В. Караджичем и его последователями, Л. Гаем и загребской филологической школой. Кроме основных вариантов – восточного и западного (иногда их называют белградским и загребским или сербским и хорватским) имеются переходные реализации как, например, в Черногории; считается, что в Боснии и Герцеговине вариантная поляризация нейтрализуется¹⁸. В отличие от вариантов других языков, формирующихся обычно в отдельных административно-государственных образованиях, варианты и субварианты сербохорватского языка до недавнего времени функционировали в пределах одного государства.

Несмотря на большое количество статей о вариантах сербохорватского языка¹⁹, "в полной мере не установлен не только национальный и государственный, но и лингвистический статус вариантов"²⁰. До сих пор нет работ, содержащих основательную попытку каталогизировать в полном объеме различия между вариантами, установить их пространственные и временные границы, нет однозначного решения вопроса о принципах наименования вариантов. Югославские лингвисты не выработали единой общепризнанной языковой политики дальнейшего развития сербохорватского литературного языка. Между тем, решение этих вопросов является важной и актуальной задачей, особенно если иметь в виду, что сербохорватским языком пользуются четыре нации, причем место проживания представителей этих наций и границы соответствующих национально-государственных образований часто не совпадают. Так, по данным последней "национальной карты"²¹ в Югославии до ее распада в 1991–92 гг. про-

живало 23 миллиона 475 тысяч 387 человек. Большую часть населения страны составляли сербы – 8 479 000 человек. Только 6 миллионов из них проживало в Сербии; 1 369 000 – в Боснии и Герцеговине, 580 000 – в Хорватии, более 40 000 – в Македонии. Хорватов в Югославии насчитывалось 4 500 000; из них 755 000 проживали в Боснии и Герцеговине. В основном в Черногории проживает черногорцы (530 000). Из 2 200 000 мусульман почти все – 2 миллиона – проживают в Боснии и Герцеговине. Следует иметь в виду, что сербохорватский язык был (а в ряде случаев и остается) языком межнационального общения для словенцев (1 270 000), македонцев (1 367 000), албанцев (1 169 000), венгров (400 000), цыган (210 000), турок (118 000) и других народов и народностей, проживающих в республиках бывшей Югославии.

В последнее время в Югославии обсуждались две концепции сербохорватского литературного языка.

Одна из этих концепций исходит из положения о том, что сербохорватский литературный язык является одним языком, общим для сербов, хорватов, черногорцев и югославских мусульман. Однако он не является единым, а реализуется в ряде вариантов в различных социокультурных средах, а также в двух нормах произношения (экавской и (и)екавской). Четкой границы между вариантами не существует, она подвижна, варианты находятся в постоянном взаимодействии. Сторонники этой концепции полагают, что общий литературный язык должен иметь одну достаточно эластичную норму: *они настаивают на равноправии и свободном употреблении в рамках общего языка не только и не столько вариантов, сколько самих вариантных различий.*

В грамматиках, словарях, правилах правописания, учебных пособиях и т.п. язык должен описываться в целом, с указанием всех его вариативных расхождений и специфических особенностей, которые культивируются в отдельных социумах. В школьном и вузовском преподавании ученики и студенты должны также изучать не только какой-либо один вариант сербохорватского языка, но и иновариантную для данной среды лексику и грамматические особенности. Каждый гражданин имеет право личного выбора варианта и право использования различных языковых средств выражения (независимо от их вариантной отнесенности) в рамках общей литературной нормы. Общая литературная норма и языковая практика не должны закреплять и консервировать вариантыные

различия. Они должны способствовать естественному развитию сербохорватского литературного языка и его разновидностей, которое объективно ведет к постоянному взаимопроникновению и взаимообогащению вариантов и уменьшению расхождения между ними. Эта концепция развивается главным образом лингвистами Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Она в основном соответствует заявлениям и постановлениям Центрального комитета Союза коммунистов Югославии и Центральным комитетам республик, принятым в свое время по вопросам языка, языковой терпимости и развития вариантов. Официальные названия литературного языка в Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине (српскохрватски, хрватскосрпски, српскохрватски/хрватско-српски) основываются на этой концепции, которую обычно называют концепцией языковой общности. Некоторые хорватские лингвисты считают ее унитаристской.

Вторая концепция также, казалось бы, исходит из положения о единстве сербохорватского языка. Одним и общим для сербов, хорватов, черногорцев и мусульман, считается народный язык как совокупность всех диалектов и говоров. Соответственно он и называется "хрватски или српски (српски или хрватски, српскохрватски, хрватскосрпски) језик". Что касается литературного языка сербов, хорватов, черногорцев и мусульман, то его единство признается лишь на уровне общей умозрительной модели — "стандартной новоштокавщины", поскольку он в целом, во всем своем многообразии ни в какой конкретной среде, никаким определенным социумом не используется, на нем в его чистом виде никто нигде спонтанно не говорит и не пишет. В рамках стандартной новоштокавщины с течением времени сформировалось несколько стандартно-языковых вариантов как конкретных форм ее реализации. В функциональном, правовом и конституционном отношении эти варианты ничем не отличаются от других официальных языков, используемых в Югославии (словенского и македонского). Территориально границы их совпадают с границами республик. *Эти конкретные стандартно-языковые варианты равноправны, они независимо друг от друга определяются, описываются и нормируются каждый в пределах своей республики как самостоятельные языки.* Таким образом эта концепция практически обосновывает функционирование в Югославии не одного сербохорватского литературного языка, а нескольких (от

двух до четырех) его замкнутых вариантов, имеющих функции и официальный статус литературных языков, т.е. в закамуфлированном виде обосновывает идеи "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка" 1967 г. Она развивается преимущественно хорватскими лингвистами, которые называют ее обычно концепцией языковой толерантности (противники ее пользуются другими названиями: сепаратистская концепция или концепция республиканских языков). В соответствии с таким пониманием соотношения вариантов сербохорватского литературного языка западный вариант предлагается назвать "хрватски књижевни језик", восточный — "српски књижевни језик". Для названия модели общего литературного языка сербов, хорватов, черногорцев и югославских мусульман некоторые лингвисты предлагают термин "стандартный новоштокавский язык".

Практическая реализация этой концепции была начата в Хорватии в конце 60-х гг. XX в. во время "массового движения": хорватские лингвисты начали работы по созданию хорватской грамматики; словаря, в рекордно короткий срок (три месяца) были написаны и изданы хорватские правила правописания (Хрватски правопис), призванные очистить язык хорватов от сербизмов. Ликвидация "массового движения" привела к приостановке работы над этими проектами ("Хрватски правопис" в 1971 г. был запрещен). Однако обсуждение статуса вариантов сербохорватского литературного языка продолжалось. Матица хорватская после выхода двух томов отказалась от сотрудничества с Матией сербской в работе по созданию "Словаря сербохорватского литературного языка" (Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови-Сад, Загреб. 1967—1976, књ. 1—6), в 1971 руководство Матицы хорватской в одностороннем порядке официально расторгло Новисадское соглашение о единстве сербохорватского литературного языка. С 1971 г. все официальные документы в Хорватии публикуются на западном варианте. В 1972 г. в "Поправках к Конституции" предложено законодательно конституировать название литературного языка в Хорватии в следующей формулировке: "В Социалистической Республике Хорватии в публичном употреблении хорватский литературный язык — стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется хорватский или сербский". Эта формулировка в качестве статьи 138 вошла в Конституцию СРХ, утвержден-

ную в 1974 г.²³. Некоторые лингвисты отмечали нечеткость этой формулировки, возможность ее двойственного толкования. Так, например, можно было понимать, что в Хорватии употребляется общий язык хорватов и сербов (т.е. включающий особенности языкового выражения и тех, и других), но называется хорватским. Но можно было понимать и так, что в Хорватии употребляется литературный язык хорватов, и сербы должны от особенностей своего языка отказаться. Возможны и другие толкования этой статьи²⁴.

Значительная часть хорватских лингвистов, ссылаясь на статью 138 Конституции, стремилась к языковому размежеванию с сербами. В Хорватии усилилась практика очищения литературного языка от "сербизмов", причем многие редакторы при подготовке текстов к печати пользовались запрещенным в 1971 г. сводом правописания, который был в 1972 г. переиздан эмигрантской редакцией "Новая Хорватия" в Лондоне и завезен в СФРЮ.

Отмечалась сознательная хорватизация некоторых учебников, учебных пособий, словарей, переводов и т.п. Не было единства в отношении толкования статьи 138 и у руководителей издательств и представителей властных структур. Так, например, в 1973 г. оживленную полемику вызвало VI издание книги С. Тежака и С. Бабича "Очерк грамматики хорватского литературного языка" (Ст. Тежак, Ст. Бабић. Преглед граматике хрватског књижевног језика. VI. прерађено издање. Загреб. 1973). Споры вызвало прежде всего новое название языка, использованное авторами на титульном листе и в тексте книги (до VI издания книга называлась "Преглед граматике хрватског или српског књижевног језика"). В результате издательство "Школьная книга" от выпуска следующего (седьмого) издания под новым названием отказалось. В 1979 г. республиканская Комиссия по изданию учебников рекомендовало для использования в школах книгу коллектива авторов "Справочная грамматика хорватского литературного языка" (Е. Барић, М. Лончарић, Д. Малић и др. Приручна граматика хрватског књижевног језика. Загреб. 1979). Бывший в то время секретарем Республиканского секретариата просвещения, культуры и физической культуры С. Шувар не утвердил эту рекомендацию, т.к. ни в названии книги, ни в тексте "не приведено полностью определение нашего языка, данное в конститу-

32

ции"25. Авторам и издательству было предложено назвать книгу "Приручна граматика хрватског или српског језика" или "Приручна граматика хрватског или српског језика (хрватског књижевног језика)". Поскольку авторы не согласились изменить название, использование книги в качестве учебника было запрещено. Хорватизирование текстов, стремление к размежеванию вариантов, потенцирование названия "хрватски књижевни језик", вместо двучленного названия сербохорватского языка, некоторыми лингвистами, журналистами и представителями властных структур рассматривались как проявление лингвистического национализма. Как оплот национализма часто критиковался журнал "Јазик" (Језик), причем предлогом для критики, по мнению членов редколлегии, было не столько содержание журнала, сколько его подзаголовок (Часопис за културу хрватскога књижевног језика)26.

Решающую роль в определении языковой политики в Югославии стремилась играть правящая в то время партия – Союз коммунистов Югославии (СКЮ). Начиная с 1967 г. центральные комитеты Союза коммунистов Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Хорватии, партийные органы автономных краев Воеводина и Косово неоднократно выступали с постановлениями и заявлениями по языковым вопросам. В этих документах с позиций Новисадского совещания предписывалось укреплять языковое единство, обеспечивать подлинное равноправие вариантов, решать открытые языковые вопросы спокойно и трезво, с полной научной и политической ответственностью27.

Наибольшая активность партийных органов в решении языковых вопросов относится к 1985–1986 гг. В июле 1985 г. в Хорватском издании органа Союза коммунистов "Коммунист" была напечатана статья Ф. Буторца "Национализм и язык"28, в которой указывалось на усиление "лингвистического национализма" в Хорватии (сознательная хорватизация текстов, устранение синонимов и общепринятых терминов сербского происхождения, возрождение архаизмов, в том числе слов, созданных во время Независимого Хорватского государства и имеющих негативную политическую коннотацию, и т.п.) особенно в школьных учебниках и некоторых словарях. Статья вызвала оживленное обсуждение поднятых вопросов в печати, в различных общественно-политиче-

ских организациях, на заседании Общественно-политического веча Хорватии. Мнения высказывались различные: от полного одобрения положений автора, до полного их отрицания и осуждения. Большинство ведущих хорватских лингвистов, принявших участие в дискуссии, не разделили озабоченности Ф. Буторца языковой ситуацией. Некоторые из них в подготовке и появлении статьи увидели сталинистские методы, а сделанный в статье анализ конкретного языкового материала квалифицировали как некомпетентный²⁹.

2 декабря 1985 г. Президиум Союза коммунистов Хорватии принял специальное постановление по актуальным вопросам языковой политики. В постановлении вновь подчеркивается необходимость равноправия и толерантности в употреблении сербохорватского литературного языка, решительно осуждаются все проявления "злоупотребления и манипуляции языком, его архаизации, направленные на то, чтобы специально создавать и увеличивать различия в языке в СР Хорватии по отношению к тому же языку в других республиках и автономных краях и разжигать национальную нетерпимость"³⁰. Постановление обязывало всех коммунистов создать максимальные условия для "естественного развития языка и его постоянного обогащения", учитывая особенности языкового наследия сербов и хорватов в Хорватии, а "также решительнее выступая против всех попыток и тенденций унификации языка и навязывания унитаризма"³¹. В целом Постановление составлено обобщенно, в нем не раскрывается, что имеется в виду, когда говорится о равноправии в употреблении языка (равноправие самих вариантов или вариантных различий), обойден горячо обсуждавшийся в Хорватии вопрос о политическом и функциональном статусе вариантов, о названии "хорватский литературный язык". Как покажет дальнейшее развитие событий, нечетко сформулированные положения будут получать различную интерпретацию³².

4 февраля 1986 г. в Загребе состоялось совещание представителей Президиумов Союза коммунистов Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии, конференций Союза коммунистов автономных краев Воеводина и Косово. На совещании "единодушно подчеркнута необходимость регулярного сотрудничества ответственных политических органов, научных учреждений и специалистов в организации и проведении совместных действий

с целью осуществления общественной языковой политики на всей территории хорватского или сербского (сербохорватского) языка"³³. С целью выработки основных направлений такого сотрудничества было решено в ближайшее время провести новое совещание с привлечением лингвистов.

Такое совещание состоялось в Загребе 18 апреля 1986 г. Было отмечено, что в некоторых республиках Югославии и за ее рубежами в отношении сербохорватского литературного языка предпринимаются действия, направленные на осуществление языкового сепаратизма на национальной или республиканской основе, на углубление вариантных различий (прежде всего посредством политически тенденциозной архаизации, калькирования и создания новых слов) с тем, чтобы отдельные варианты оформить как особые национальные или республиканские языки.

По мнению участников совещания, эти негативные явления в области языка стали особенно четко проявляться в последнее время "в виде языкового национализма"³⁴. В решении, принятом на совещании, указано, что эскалация лингвистического национализма проявляется, в частности:

"— в практическом раздвоении нашего языка на сербский и хорватский (в преподавании в некоторых зарубежных университетах);

— в таком же раздвоении языка в международных документационных классификациях;

— в издании словарей и пособий особо по хорватскому и особо по сербскому языку;

— в злонамеренном и неадекватном представлении нашей языковой ситуации в отдельных энциклопедиях, книгах и исследованиях в различных странах и т.д."³⁵

В решении отмечено также, что отсутствие единства в действии всех факторов, имеющих отношение к планированию и осуществлению языковой политики, привело к тому, что и в пределах Югославии в деятельности правительственных и общественных организаций, в практике специалистов не всегда найдены правильные решения языковых вопросов, что получает свое выражение, в частности, в следующем:

"— в неединообразии и неадекватности конституционных формулировок о названии и официальном употреблении языка;

– в недостаточной продуманности некоторых практических решений в связи с равноправным употреблением вариантов, а также стандартно-языковых субвариантов сербохорватского / хорватосербского, хорватского или сербского языка в Скупшине СФРЮ, союзных органах и организациях;

– в отсутствии единых основ языковой политики на всем сербохорватском ареале (особенно в средствах информации, воспитательно-образовательной деятельности и культуре);

– отсутствию в деятельности общественно-политических структур и специалистов координации в области языка и языковой политики;

– в застое работы по усовершенствованию и осовремениванию общего языкового стандарта и т.д."³⁶

Исходя из того, что в настоящее время все общественно-политические организации и специалисты "принимают научно подтвержденный факт, что язык черногорцев, хорватов, мусульман, сербов и всех, для кого он является родным (югославы и др.), является одним языком на уровне системы народных говоров и одним стандартным языком с его вариантами или стандартно-языковыми субвариантами отдельных социумов"³⁷, участники совещания единодушно подчеркнули необходимость регулярного сотрудничества ответственных политических и административных органов, научных учреждений и работников просвещения и культуры в организации и проведении совместных действий по выработке и осуществлению на всей территории, на которой говорят на сербохорватском языке, общей языковой политики с целью обеспечения свободного и равноправного функционирования вариантов сербохорватского языка и решения других языковых вопросов в духе братства и единства народов Югославии. Определен ряд различных сфер общественно-политической, научной и культурной жизни, в которых следовало бы осуществить совместными усилиями ряд преобразований с учетом такого понимания проблемы единства сербохорватского языка.

Так, единая согласованная языковая политика и подлинное равноправие функционирования вариантов и стандартно-языковых субвариантов сербохорватского языка должны быть реализованы во всех средствах массовой информации, в учреждениях науки, просвещения, образования и культуры, в административ-

ных органах, в судопроизводстве и т.п., что, естественно предполагает критическое переосмысление учебных программ, учебников, учебных пособий на всех уровнях образования, утверждение новых взглядов на единство литературного языка в практической деятельности редакций, издательств, радио, телевидения и т.д.³⁸.

Поставлена задача привести в соответствие с современным уровнем научных знаний о сербохорватском языке статьи о названии и об официальном употреблении языка в конституциях СФРЮ, социалистических республик и автономных краев, население которых говорит на сербохорватском языке. Эти статьи "должны отразить и юридически зафиксировать действительную общность народного и литературного языков черногорцев, хорватов, мусульман, сербов и других, для которых этот язык является родным, и специфические черты, которые отвечают традициям, современному языковому состоянию и культуре народов, пользующихся одним и тем же языком в разных средах, а также право каждого гражданина на свободный выбор азбуки и языковых средств выражения в рамках сербохорватского/хорватосербского, хорватского или сербского языка как целого. В Конституции СФРЮ необходимо также соответствующим образом утвердить названия языков народов Югославии³⁹. Применительно к этим новым статьям Конституции необходимо будет пересмотреть и согласовать конкретные формы осуществления равноправного использования вариантов и стандартно-языковых субвариантов сербохорватского языка в работе Скупщины СФРЮ, союзных органов и организаций, обратив особое внимание на реализацию равноправия в практической деятельности Комиссии Скупщины СФРЮ по утверждению идентичности текстов на языках народов и народностей Югославии, всех служб Союзного исполнительного вече, союзных органов управления и союзных организаций по делам перевода, а также Союзного отделения по стандартизации и других подобных союзных органов и организаций.

Совещание высказалось за необходимость при решительном усилении моральной и материальной поддержки общества резко интенсифицировать научно-исследовательскую работу в области языка и языкознания. Приоритетными названы те научные исследования, которые, представляя общий интерес для всех, говоря

щих на сербохорватском языке, обращают внимание на специфические особенности и разные потребности отдельных социумов, но одновременно с этим дистанцируются как от унитаристских, так и сепаратистских тенденций.

Важнейшей потребностью в области стандартизации языка признана доработка и осовременивание свода правил правописания сербохорватского языка, изданных в 1960 г., и решение проблем функционирования орфографической нормы в различных социо-культурных средах и на всей территории сербохорватского языка. Перед специалистами всех республик поставлена задача на основе новейших научных исследований и с учетом позитивного опыта, уже имеющегося в этой области, создать проект свода правил правописания сербохорватского языка и организовать его общественную и специальную верификацию путем широкого и открытого обсуждения, консультаций специалистов, научных рецензий т.п. На основе этих общих правил в дальнейшем создавать справочники правописания и пособия для различных целей.

Наряду с разработкой общих правил правописания не менее важной задачей в области нормирования языка признана работа по упорядочению и стандартизации научной и специальной терминологии. Эту работу, по мнению участников совещания, следует вести совместно с учетом специфических особенностей сложения терминологических систем в различных областях сербохорватского ареала, при участии широкого круга специалистов как лингвистов, так и представителей других областей знаний и профессий.

По-прежнему актуальной объявлена задача создания общего словаря сербохорватского литературного языка. Разработка такого информативного словаря, как известно была начата Матицей сербской и Матицей хорватской на основании решения Новисадского совещания 1954 г. Однако после издания в 1967 г. двух томов словаря кириллицей и латиницей в Нови-Саде и Загребе Матица хорватская прервала дальнейшее сотрудничество с Матицей сербской: следующие четыре тома были изданы Матицей сербской только кириллицей. Предполагается издание этих томов и латиницей и подготовка второго издания такого словаря в сотрудничестве научных учреждений всех республик и автоном-

ных краев, население которых говорит на сербохорватском языке. Отмечена острая необходимость однотомного словаря сербохорватского литературного языка, а также современной грамматики и других пособий⁴⁰.

В работе по осуществлению единой языковой политики большое значение имеют подготовка кадров, подъем уровня лингвистического образования, расширение языковой культуры. Совещание призвало все заинтересованные учреждения и организации оживить, интенсифицировать все формы деятельности в этом направлении, оказывать им общественную поддержку.

Отмечая, что совместные встречи югославских лингвистов для рассмотрения различных специальных вопросов особенно в области нормализаторской деятельности способствуют созданию атмосферы взаимного доверия и установлению конструктивного сотрудничества между специалистами из различных республик, совещание рекомендовало и в дальнейшем регулярно организовывать югославские и международные научные форумы по различной лингвистической тематике и своевременно публиковать их материалы и результаты обсуждения языковедческих проблем.

Участники совещания высказались за более активное привлечение к решению языковых проблем самых широких кругов организованных демократических сил страны — Социалистического союза трудового народа Югославии, с тем, чтобы язык и языковая политика стали заботой всего общества. С этой целью для организации и координации всей работы в области научных исследований, языковой политики и языкового планирования и повышения языковой культуры и других видов лингвистической деятельности, имеющей широкое общественное значение, рекомендовано во всех республиках и автономных краях, население которых говорит на сербохорватском языке, сформировать соответствующие структуры по вопросам языка и языковой политики при республиканских и краевых комитетах, а также при союзном комитете Социалистического союза трудового народа Югославии.

С учетом сложностей национальной структуры югославского общества для обеспечения равноправия языков народов и народностей Югославии совещание сочло необходимым "всесторонне и основательно рассмотреть проблемы языка и языковой полити-

ки на всей югославской территории, чтобы среди носителей сербохорватского языка способствовать (прежде всего, посредством обучения в школе и через средства массовой информации) расширению знаний македонского и словенского языков, а также языков народностей, особенно в многонациональных средах. И в этом направлении необходимо организовано действовать в направлении языковой терпимости и взаимопонимания"⁴¹. Решения, принятые на совещании, имели предварительный характер. Предполагалось, что после того, как о материалах совещания и о принятом на нем проекте решения выскажут свое мнение руководящие органы Союза коммунистов соответствующих республик, автономных краев и специалисты, они, после эвентуальных уточнений и согласования, станут платформой для решения общих языковых проблем, связанных с сербохорватским языком на всей территории Югославии.

Программа, разработанная Загребским совещанием от 16 апреля 1986 г., породила в определенных кругах югославских лингвистов надежды на то, что решение многих открытых вопросов, связанных с развитием сербохорватского литературного языка и его нормированием, сдвинется с мертвой точки и выйдет из своеобразного кризиса, в котором сербокroatистика оказалась после того, как в 1971 г. руководство Матицы хорватской расторгло Новисадское соглашение 1954 г. Однако в целом в стране отношение к нему лингвистов, работников просвещения и культуры оказалось неоднозначным. В печати появились сообщения о том, что в "подготовке издания Словаря двух Матиц дошло до уровня оперативной разработки проекта, начата разработка югославского проекта однотомного Словаря"; "в долгосрочную программу развития научно-исследовательской деятельности до 2000 года вошел десяток значительных проектов из области языка, филологии и лингвистики"; "достигнута договоренность о создании группы специалистов для разработки общих правил правописания"⁴². Одновременно с этим сообщалось и о том, что в разных культурных центрах лингвисты, работники просвещения и культуры относятся к Загребскому договору по-разному, что некоторая часть специалистов считает загребские решения спорными⁴³, поэтому их практическая реализация не идет дальше стадии предварительных переговоров и согласований.

Сложившаяся ситуация побудила белградский Институт сербохорватского языка и его сотрудников из Сербской академии наук и филологического факультета Белградского университета обратиться к общественности с изложением своего мнения по некоторым открытым языковым вопросам.

В своем обращении сотрудники Института подчеркивают, что их отношение к языковым проблемам и понимание сербохорватского языка проявляется прежде всего в их научной работе. Сербохорватский язык (как народный, так и литературный) понимается как один, общий язык народов в республиках Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Хорватии. В соответствии с этим сербские лингвисты не исключают хорватский языковой материал из своего рассмотрения и исследования. Так, например, главный труд Института сербохорватского языка — "Словарь сербохорватского литературного и народного языка" (Речник српскохрватског књижевног и народног језика) содержит языковой материал со всего сербохорватского ареала. Весь материал, который собран для шеститомного словаря Матицей сербской и Матицей хорватской, включен в этот словарь и лексика обоих вариантов сербохорватского языка описывается, как равноправная. Сотрудники Института полагают, что все учреждения, занимающиеся изучением сербохорватского языка, должны придавать приоритетное значение такому рассмотрению и исследованию языкового материала, одновременно не исключая возможность и необходимость специального изучения специфических особенностей языка отдельных социумов, литературных корпусов, типов выражения, вариантов и т.п.

Рассматривая и исследуя сербохорватский литературный язык как цельную систему, Институт одновременно признает и существующие литературно-языковые различия и варианты, а также безусловное право человека на свободу выбора средств выражения в рамках общей культурной нормы и стандарта, а особенно право каждого, оказавшись в какой-либо среде в положении представителя национального меньшинства, свободно пользоваться средствами выражения, свойственными языковой культуре собственного народа. Институт в своих изданиях никогда не проводит вариантную адаптацию (эквавизацию, "сербизацию") личных текстов авторов. Права на такую адаптацию не имеют и

средства массовой информации в тех случаях, когда речь идет об авторских (подписанных) текстах или текстах, поступивших из других республик.

Особое внимание уделяется в обращении преподаванию языка в школе. "В школьном возрасте право людей на свой язык означает обязанность школы в преподавании родного языка дать ученику достаточно полные знания о языке своего народа, а в наших условиях – и других народов, говорящих на этом же языке. Содержание учебников и пособий должно соответствовать этой задаче и не может ограничивать специальную обработку материала одним литературным наречием или вариантом. И учебники по другим предметам, вводя в обращение новые специальные понятия, должны представить хотя бы наиболее важные стандартные синонимы и варианты тех терминов, которыми пользуется автор"⁴⁴.

Сотрудники института заявляют о приверженности Новисадскому соглашению 1954 г. об официальном названии языка сербов, хорватов, черногорцев и мусульман. Они полагают, что двучленное название сербохорватский (српскохрватски) или синонимичное ему хорватосербский (хрваткосрпски) язык является наиболее подходящим из всех терминов, которые функционируют применительно к этому языку в настоящее время. Сами сотрудники Института обычно пользуются термином сербохорватский (српскохрватски) язык, который в подобной форме широко известен во всем мире. Они выступают против стремления некоторых лингвистов толковать термин сербохорватский (српскохрватски) язык как название только восточного варианта сербохорватского языка. Варианты должны получить особые дополнительные наименования. Независимо от того, как будет решен вопрос о названии литературного языка, сотрудники Института будут его изучать как единое целое, сохраняя его Вуковскую основу, опору на новоштокавские и родственные им говоры и фольклор, двуазбучность (кириллица и латиница), две нормы произношения (экавскую и (и)екавскую) без территориальных и национальных ограничений, открытость к свободному влиянию и взаимообогащению средств выражения со всего ареала сербохорватского языка⁴⁵.

Большое внимание уделяет Институт вопросам нормирования сербохорватского литературного языка и осовременивания правил правописания. "Уважая совместно утвержденную систему правописания и изменения, которые в ней сделаны в 1960 г. по сравнению с более ранними правилами правописания А. Белича в интересах достижения общей нормы, — говорится в обращении, — мы сознаем необходимость внесения в эту норму дополнений и отдельных поправок и поэтому поддерживаем предложение, которое было принято на межреспубликанском совещании в Загребе в апреле 1986 г. о необходимости приступить к осовремениванию норм правописания"⁴⁶. Сотрудники Института позитивно относятся к подготовительной работе, которую уже начала группа лингвистов из Белграда, Нови-Сада, Никшича и Сараева, поддерживают их стремление к координации деятельности в области осовременивания правил правописания. Необходимо избегать несогласованной ревизии нормы в независимо создаваемых справочниках или пособиях, т.к. это привело бы к появлению различий в правописании, отражающих не особенности языковых способов выражения или культурно-языковых традиций, а субъективные подходы и оценки авторов справочников. "Такие различия серьезно осложнили бы общение в нашем обществе, программы учреждений просвещения, заботу о языковой культуре и общественные отношения, и никому бы не были нужны, т.к. согласованная норма правописания ни в чем не мешает свободному развитию литературно-языковых выражений, даже их развитию в дивергентном направлении. Мы поддерживаем и всякую реальную возможность скоординированного утверждения необходимых дополнений и поправок норм правописания с участием компетентных специалистов из всех наших республик"⁴⁷.

Высказывая убеждение в том, что решение открытых языковых вопросов, в том числе и проблемы названия языка, должно сопровождаться и гарантиями, обеспечивающими право человека пользоваться литературно-языковым вариантом своего народа, право учащейся молодежи получать знания о нем во время учебы как на занятиях, так и из учебников, сербские лингвисты ставят вопрос, таким образом, не только о языковой толерантности и равноправии вариантов сербохорватского языка, но и о свободном и равноправном употреблении специфических вариантных выразительных средств в рамках другого варианта при условии со-

блюдения общей литературной нормы. "Лингвисты и другие специалисты в области языка не только не должны оспаривать эти основные права человека, но обязаны своим профессиональным трудом создавать реальные условия для их уважения и реализации. Без таких эффективно гарантированных прав и без языковой политики, которая не вынуждала бы национальные меньшинства к языковому отчуждению от своего народа и других народов, говорящих на том же языке за пределами республики, мы не сможем выйти из кризисного состояния в отношении в области языка"48.

Обращение сотрудников Института сербохорватского языка в основном созвучно и декларациям, и практике лингвистов Республики Боснии и Герцеговины, которая по словам П.Ивича "стоит в первых рядах борьбы за единство сербохорватского языка"49. Официальное название языка в Боснии и Герцеговине обязательно двучленное: српскохрватски/хрваткосрпски језик. Латиница и кириллица равноправны. Преподавание в школах ведется на основе (и)екавского произношения (ученик имеет право выбора нормы произношения, но обязан овладеть правилами стандартной (и)екавской речи). Интересам народов Боснии и Герцеговины, по мнению лингвистов, не отвечает ни развитие литературного языка по пути двувариантной (или двуязычной) поляризации, ни формирование третьего боснийско-герцеговинского варианта. Вариантные различия в Боснии и Герцеговине нейтрализуются. Языковые особенности, принятые стандартными нормами на всей территории сербохорватского языка, признаются общим богатством, поэтому каждый носитель языка полностью свободен в выборе выразительных средств сербохорватского языка независимо от их вариантной принадлежности в других республиках. "Любое самовольное или преднамеренное навязывание форм одного варианта с какой бы то ни было стороны и какими бы то ни было средствами означает ограничение свободы выбора, нарушение основных педагогических и общественных норм поведения и ущемление гражданских свобод, гарантированных конституцией"50. Сараевские ученые наряду с изучением боснийско-герцеговинского стандартно-языкового выражения, приступили к анализу всей сербско-хорватской языковой проблематики, т.е. использования сербохорватского языка в Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии

и Герцеговине с учетом объективной специфики для каждой республики. Из Боснии и Герцеговины поступает много предложений по совместному решению актуальных вопросов стандартного сербохорватского языка с учетом полного равноправия всех социокультурных общностей, уважения существующего разнообразия форм и специфики" 51.

В Хорватии после опубликования Загребского договора к нему сразу же довольно четко обозначилось двойственное отношение. В кругах, находившихся под влиянием Союза коммунистов, в том числе и в самых высоких эшелонах республиканской власти, первое время возобладало положительное отношение к договору. Были предприняты шаги к политическому обеспечению и практической реализации некоторых его положений 52. В свете рекомендаций Загребского договора стали актуальными некоторые инициативы, предпринятые еще в 1985 г. Так, 5 января 1985 г. проф. Б. Пасарич внес в Конституционный суд Югославии предложение дать заключение о соответствии статьи 138 (о названии языка) хорватской конституции Конституции СФРЮ, однако ответа по существу не получил. Теперь суд приступил к официальному рассмотрению этого предложения. 2 декабря 1985 г. Президиум Союза коммунистов Хорватии в специальной "Программе мер в области языковой политики" предложил пересмотреть статью 138 хорватской конституции о названии языка. После Загребского договора эта рекомендация принята к исполнению: 20 мая 1987 г. Президиум хорватской республики выступил с инициативой приступить к изменениям в Конституции. В предварительных предложениях Президиума предусматривалась новая формулировка статьи о названии языка: "В СР Хорватии в официальном употреблении хорватский или сербский язык, стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется и хорватосербским или сербохорватским". В ходе подготовки к изменениям в конституции поступали и другие предложения, дефиниции языка менялись. Наконец, 24 апреля 1989 г. Поправка 41 публикуется в следующей формулировке "В Социалистической Республике Хорватии в официальном употреблении хорватский или сербский язык, стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется и хорватским литературным языком, являющимся также и литературным языком сербов в Хорватии" 53.

Между тем большинство хорватских лингвистов, писателей, деятелей культуры и просвещения восприняли Загребский договор отрицательно. Известные хорватские языковеды В. Анич и Й. Силич, принимавшие участие в работе Загребского совещания, сразу же после окончания заседаний выразили в печати свое несогласие и с характером ведения обсуждения вопросов на заседаниях и с принятыми рекомендациями, которые, по их мнению, не учитывают специфичность языковой ситуации в Хорватии. Сотрудниками Югославянской Академии наук и Загребского университета была продолжена работа по созданию фундаментальных монографий, направленных на выявление и закрепление специфических языковых особенностей хорватов, устранение из их языка лексических и грамматических элементов, которые являются (объявляются авторами) иновариантными. Так, в 1986 г. в Хорватии были изданы книги "Словообразование в хорватском литературном языке" Ст. Бабича⁵⁴ и "Синтаксис хорватского литературного языка" Р. Катичича⁵⁵. К ним примыкает и изданный в 1987 г. "Справочник по правописанию хорватского или сербского литературного языка" В. Анича и Й. Силича⁵⁶. Для этих книг характерно сознательное стремление нормировать западный вариант сербохорватского литературного языка независимо от норм этого языка в других республиках⁵⁷. Хорватскими лингвистами (Д. Брозович, З. Винце, Р. Катичич, М. Пети и др.) ведется основательная работа по переосмыслению истории сербохорватского литературного языка в плане определения времени и путей становления и оформления хорватского языкового стандарта⁵⁸. В процессе формирования поправок к конституции большинство хорватских ученых, писателей, переводчиков, общественных и религиозных деятелей, представители общества хорватских писателей, Югославянской (ныне Хорватской) академии наук и искусств, различных объединений хорватской интеллигенции в Югославии и в других странах высказались за то, чтобы формулировка статьи конституции Хорватии, определяющая название языка, осталась без изменения.

Формирование поправок к конституции в Хорватии совпало с ухудшением социально экономического положения в стране, сопровождавшимся падением авторитета Союза коммунистов, активизацией в обществе, в том числе и среди коммунистов, сил,

имеющих преимущественно национальную ориентацию. Союз коммунистов терял руководящую роль в определении политической, экономической и культурной жизни республики. Как уже было сказано выше, президиум хорватской республики принял к рассмотрению Поправку 41, предусматривающую возможность изменения названия официального языка в Хорватии. Начало обсуждения Поправок на Саборе Хорватии было назначено на 8 декабря 1988 г. 7 декабря 1988 г. Конституционный суд вынес решение, что определение литературного языка (хорватский литературный язык), принятого в действующей Конституции Хорватии, противоречит Конституции СФРЮ. Это решение, как бы предопределявшее соответствующую позицию Сабора, вызвало протест депутатов и значительной части хорватской общественности. 71 депутат Сабора выступил с предложением исключить Поправку 41 из рассмотрения. Во время обсуждения на Саборе 20 и 21 июня 1989 г. ни одна языковая Поправка не прошла: осталось в силе старое определение языка, предусмотренное Конституцией 1974 г. Это решение означало крах Загребского договора. Таким образом, в Хорватии получила официальное признание концепция, обосновывающая закрепление вариантных различий и оформление вариантов в качестве самостоятельных литературных языков. Термин "хорватский литературный язык" (или "сербский литературный язык") в соответствии с этой концепцией означает, как пишет Д. Брозович, "хорватский хорватосербский литературный язык" (или "сербский хорватосербский литературный язык"). Термин "сербохорватский (хорватосербский) литературный язык" означает лишь то, что сербский и хорватский литературные языки имеют в качестве материальной основы новоштокавский диалектный тип, принадлежащий сербохорватской/хорватосербской диалектной системе⁵⁹. Раньше утверждали, что хорватский литературный язык "не только хорватский, но и сербский"⁶⁰. Теперь говорится: "что касается сербов в Хорватии, то им необходимо обеспечить языковое равноправие"⁶¹, ибо "право и обязанность каждого суверенного государства ... провозгласить литературный язык преобладающей или господствующей нации официальным... В соответствии с этим в Хорватской республике, которая получила название по преобладающему народу, официальным не может быть никакой другой язык, кроме литературного языка хорватов, т.е. хорватский литературный язык"⁶².

Приход к власти партии Ф. Туджмана, обострение национальных отношений в республике и начало в 1991 г. жестокой сербско-хорватской войны практически исключило возможность сотрудничества ученых и общественных деятелей Хорватии и других югославских республик в решении языковых вопросов и усилило позиции сторонников теории дальнейшего размежевания сербов и хорватов в области языка и литературы. Выход Хорватии из состава Югославии, разрушение единого рынка, ликвидация политических и экономических структур, ограничивавших принятие односторонних решений, создали, дополнительно к уже имевшимся субъективным, объективные условия для ускорения процесса формирования особого (отличного от языка сербов, черногорцев, мусульман, а возможно и хорватов, проживающих в Боснии и Герцеговине) хорватского литературного языка. Появление в 1967 г. "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка" объявляется рубежом, после которого хорватские лингвисты окончательно избавились от колебаний при решении вопроса о какой-либо общности литературных языков сербов и хорватов⁶³. Предлагается ежегодно с 13 по 17 марта (в эти дни в 1967 г. была подписана и опубликована Декларация) по всей стране отмечать Дни хорватского языка, посвященные языковой культуре, литературному хорватскому языку, изучению его истории и современного состояния⁶⁴. Активно обсуждаются принципы всестороннего нормирования хорватского литературного языка во всех сферах его функционирования: наука, литература, общественная и государственная жизнь, школа, театр, радио, телевидение, газеты и т.п.⁶⁵. Обосновывается положение, что хорватский литературный язык по отношению к языку сербов должен быть "суверенно-нейтральным", т.е. должен нормироваться в соответствии со своей структурной (новоштокавской) основой и сознательно не удаляться от сербского литературного языка и не сближаться с ним⁶⁶. Задача очень сложная, т.к. даже приведенный нами выше краткий обзор показывает, что язык не только отражает политическую борьбу, но зачастую сам становится поприщем этой борьбы: варианты сербохорватского языка взаимодействуют под постоянным воздействием центростремительных и центробежных сил, которые проявляются в разное время в боль-

шей или меньшей степени в зависимости от различных объективных и субъективных условий и причин. Осуществление "суверенно-нейтрального" пути будет затруднено и тем, что нормирование современного хорватского литературного языка в новых условиях будет проводиться, судя по высказываниям хорватских лингвистов, не только на основании произведений современных хорватских мастеров слова, но и на основании языкового чутья кодификаторов, с опорой на западные новоштокавские диалекты и литературную традицию. Между тем сейчас среди ученых нет единства в решении вопроса о времени появления единого хорватского литературного языка и оформления хорватского языкового стандарта: Д. Брозович относит его к середине XVIII в., М. Шимундич – к началу XVI в., Ст. Бабиц – к концу XV в.⁶⁷. Нормирование будет сопряжено также и с необходимостью включения в хорватский стандарт определенных элементов чакавского и кайкавского диалектов⁶⁸. Таким образом, очевидно, что хорватские кодификаторы пойдут по пути сознательного подчеркивания и увеличения различий между литературными языками сербов и хорватов.

Новые политические и экономические условия и деятельность хорватских лингвистов, направленная на ускоренное завершение формирования хорватского литературного языка, естественно, стимулируют внесение определенных корректив в проведение языковой политики в Сербии. В соответствии с определением Конституции Союзной Республики Югославии, принятой 27 апреля 1992, официальный язык страны (как в Сербии, так и в Черногории) теперь называется сербским (srpski jezik)⁶⁹. Замена термина, как разъясняют сербские и черногорские лингвисты, не будет сопровождаться какой-либо ревизией литературного языка или "чисткой" его от хорватизмов⁷⁰; будет продолжаться работа по составлению словаря, включающего лексику со всего сербохорватского ареала, по осовремениванию и усовершенствованию норм правописания, установленных в 1960 г. и т.д. В личных авторских работах наряду с термином сербский язык может быть использован термин сербохорватский язык (srpskohrvatski jezik) особенно в тех случаях, когда исследуется сербский и хорватский материал. Зарубежный лекторат также может называться и сербохорватским и сербским в зависимости от традиций и конкрет-

ной ситуации (например, наличие хорватского лектората). Предстоит разработка специальных положений и указаний о названии языковых дисциплин, изучаемых в школах и университетах, о соотношении использования кириллицы и латиницы и т.п.

Возвращение старого термина "сербский язык" допускает возвращение и того содержания, которое вкладывал в него Вук Караджич, называвший этим термином язык всех штокавцев, независимо от места их проживания и религиозной принадлежности. При таком понимании этого термина открывается возможность рассматривать хорватский литературный язык как западный вариант сербского языка, а собственно хорватским языком — лишь чакавский диалект (и с известными оговорками — кайкавский)⁷².

Примечания

¹ *Karađiđ V.* Писма о српском правопису и језику // Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Карађиђа. Књ. III, св. I, Београд, 1896. С. 156.

² *Jonke Lj.* Ideološki osnovi zagrebačke škole 19. stoljeća // *Filologija*. Zagreb, 1957, № 1. S. 80.

³ *Ивић П.* Изабрани огледи: у 3 књиге. Књ. 3. Из историје српскохрватског језика. Ниш, 1991. С. 315.

⁴ *Кулаковски П.* Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. Варшава, 1885. С. 4. *Vince Z.* Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1978, S. 614.

⁵ *Enciklopedija Jugoslavije*. Том 3. Zagreb, 1958. S. 574.

⁶ *Долобко М.Г.* Этнографическое единство сербов и хорватов. ПГ., 1917. С. 1.

⁷ *Решетар М.* Филолошко питање у Југославији // *Књижевни Југ*. Сарајево, 1918. Књ. I I, св. 10–12. С. 412–414.

⁸ *Правописно упутство за све основне, средње и стручне школе*. Београд, 1929. 40 с.

⁹ *Benešić J.* Gramatika języka chorwatskiego czyli serbskiego. Warszawa, 1939. 849 с.

- 10 *Službeni list Demokratske Federativne Jugoslavije*. 1945, № 1, 1. veljače. S. 10.
- 11 *Правопис српскохрватскога књижевног језика*. Нови Сад, Загреб, 1960. С. 7.
- 12 *Указ. соч.*
- 13 *Брозовић Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод языкознания // *Вопросы языкознания*. 1967, № 1. С. 17.; *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971. С. 193.
- 14 *Брозовић Д.* Standardni jezik. Zagreb, 1970. S. 36.
- 15 См., например: *Jonke Lj.* Aktualna jezična pitanja danas // *Hrvatski književni jezik i pitanje varijanata*. Zabreb, 1969. S. 232–235; *Вукомановић С.* Сербохорватский стандартный язык, его коммуникативная функция и вариантная специфика // *Функционирование языков в многонациональном обществе*. М., 1991. С. 144–173.
- 16 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975. С. 101. См. также: *Вуковић Л.* Naš književni jezik danas. Sarajevo, 1972. S. 55.
- 17 *Јанковић С.* Вариантное расслоение сербохорватского стандартного языка и боснийско-герцеговинский стандартно-языковой тип // *Функционирование языков в многонациональном обществе*. М., 1991. С. 34. Как отмечает Т. Магнер, число различий между вариантами сербохорватского языка кажется совсем незначительным по сравнению с различиями между британским и американским вариантами английского языка (*Magner T.* Language and Nationalism in Jugoslavia // *Canadian Slavic Studies* 1. 1967, № 3).
- 18 *Ѕкилјан Д.* Pogled u lingvistiku. Zabreb, 1980. S. 28; он же: *Језична политика* // *Naprijed*. Zagreb, 1988. S. 120–121.
- 19 См., например, библиографию, приведенную в статьях: *Катиčić Р.* Nešto napomena i postanku složenoga suvremenog jezičnog standarda hrvatskoga i srpskoga // *Zbornik Zagrebačke slavističke škole*, god. 2, knj. 2, 1974. S. 249–257; *Ванас Ј.* Hrvatsko jezično pitanje // *The Bridge*. Zagreb, 1991, № 6. S. 107–117. А также в сборнике: *Функционисање језика у вишенационалним земљама*. Sarajevo, 1990. Русский вариант этого издания: *Функционирование языков в многонациональном обществе*. М., 1991, С. 445.

20 *Радованович М.* Проблемы изучения славянских литературных языков в славянских странах: сербохорватский язык // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. Сб. обзоров. М., 1983. С. 221.

Ср.: *Гудков В.П.* О различиях между двумя вариантами сербохорватского литературного языка // Советское славяноведение. 1965, № 3. С. 52–59; *Толстой Н.И.* К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его стандартности // Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 124–134; *Балдасаров А.Р.* Диалектическое противоречие вариантов как внутренний источник развития литературного сербохорватского/хорватосербского языка // Сб. статей ВНИ. № 23 /Отв. ред. А.Ф. Ширяев. М., 1987. С. 31–37; *Стевановић М.* Стварање јединства књижевног језика Срба и Хрвата и данашње стање тог јединства // Наш језик. Београд, 1970, књ. XVIII, св.1–2. С.1–79; *Mladenović A.* Neka nenaučna tumačenja o narodnom jeziku prednjegoševske književnosti // Jezik. Zagreb, XVI, 1968–1969. S. 152–156; он же: *Još jednom povodom nekih nenaučnih tumačenja o narodnom jeziku prednjegoševske književnosti* // Jezik. Zagreb, XVII, 1969–1970. S. 150–158.

21 *Фадеев Е.* Если судить по карте // Правда. 1992, 22 января. С. 4.

22 Однако, как отмечает М. Пешикан "и в других средах, включая и Сербию, есть тенденции к национальной и территориальной норме, которые не следует недооценивать; только в отличие от СР Хорватии они не закреплены в законодательстве и не захватили действительную, серьезную лингвистику и не стали направлением ее работы" (*Пешикан М.* Српскохрватски са српским и без њега // Недељне информативне новине. 1986, 14. Децембар. С. 40).

23 *Jezične odredbe u Ustavu SFRJ i SRH* // Jezik. Zagreb, 1973–1974, № 3–4. S. 67.

24 Ср., например: *Маројевић Р.* О језику роде да ти појем // Duga. Zagreb, № 395. S. 82.

25 *Babić St.* Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. Zagreb, 1990. S. 47.

26 *Op. cit.* S. 77–95.

27 Подробнее см.: *Дмитриев П.А.* Двужычны слоуарь языка писателя и варианты литературного языка (на примере Слоуаря языка И. Андрича) // Очерки лексикографии языка писателя: Двужычныя слоуары /Отв. ред. А.В. Федоров. Л., 1981. С. 130–158;

он же: Некоторые особенности функционирования вариантной лексики сербохорватского/хорватосербского литературного языка в периодической печати СР Сербии и СР Хорватии // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе / Отв. ред. Л.Н. Смирнов. М., 1988. С. 225–255.

28 *Butorac F.* Nacionalizam i jezik // *Komunist*. Zagreb, 1985, 5. srpnja, S. 29.

29 *Babić St.* Op. cit. S. 96–164.

30 *Arсенић Р.* Против злоупотреба у језику // *Политика*. 1985, 4. децембар. С. 6.

31 Там же.

32 См., например: *Babić St.*, Op. cit. S. 169; *Moguš M.* Nekoliko napomena o "Stavovima o aktualnim pitanjima jezične politike" // *Forum*. Zagreb, 1987, № 7–8. S. 149–153.

33 Језик чиџилац зближавања народа // *Политика*. 1986, 5. фебруар. С. 6.

34 Актуелни проблеми српско-хрватског језика (1) // *Политика*. 1986, 20. април. С. 6.

35 Актуелни проблеми српскохрватског језика (2) // *Политика*. 1986, 21. април. С. 6.

36 Там же.

37 Там же.

38 Там же.

39 Актуелни проблеми српскохрватског језика (3) // *Политика*. 1986, 22. април. С. 6.

40 Там же.

41 Там же.

42 *Štajduhar M.* Pregrijavanje jezika // *Danas*. Zagreb, № 313, 1988, 16. veljače. S. 34.

43 *Štajduhar M.* Op. cit. S. 35.

44. Српскохрватски језик, прво лице јединине // *Недељне информативне новине*, 1988, 6 март. С. 34.

45 Там же, С. 35.

46 Там же.

47 Там же.

48 Там же.

49 Naučno-stručni kolokvijum o izvedbenom projektu društvenog cilja, XIII / 3: Standardnojezički izraz srpskohrvatskog, odnosno hrvatskosrpskog jezika u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1986. S.20.

50 Тошович Б. Литературно-языковая политика в Боснии и Герцеговине (СФРЮ). // Славянские литературные языки и историография славяноведения. Slavica Tartuensia. Вып. 2. /Отв. ред. А.Д. Дуличенко. Тарту, 1988. С. 9.

51 Тошович Б. Указ. соч. С. 15.

52 См. Štajduhar M. Pregrijavanje jezika. S. 33–36.

53. Babić St. Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. S. 195.

54 Babić St. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986. 551 s.

55 Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1986. 529 s.

56 Anić V., Silić J. Pravopisni priručnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1987.

57 Герд А.С., Дмитриев П.А. Babić St. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku // Советское славяноведение. 1988, № 3. С. 89–90.

58 Подробнее см.: Дмитриев П.А. О некоторых вопросах истории сербохорватского/хорватосербского литературного языка // Советское славяноведение. 1986, № 6. С. 91–98.

59 Brozović D. Deset teza o hrvatskom jeziku // Deklaracija o hrvatskome jeziku. Zagreb, 1991. S. 43.

60 Moguš M. Nekoliko napomena o “Stavovima o aktualnim pitanjima jezične politike”, S. 152.

61 Babić St. Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. S. 320.

62 Babić St. Op. cit. S. 327.

63 Babić St. O hrvatskom prilogu unitarističkim nastojanjima // Jezik. XXXIX. Zagreb, 1992, № 3. S. 68.

64 Mamić M. Dani hrvatskog jezika // Jezik. XXXIX. Zagreb, 1992, № 3. S. 65–66.

65 Frangeš I. Hrvatski jezik danas // Jezik. XXXIX. Zagreb, 1992, № 3. S. 66–68.

66 Babić St. Hrvatska norma i srpski književni jezik // Jezik. XXXIX. Zagreb, 1991, № 1. S. 1–4.

67 *Vukusić St.* Završnica drame hrvatskoga jezika: Stjepan Babić. Tisućljetni jezik naš hrvatski. Zagreb, 1991 // Forum. Zagreb, 1992, № 5–6. S. 667.

68 *Frangoš I.* Op. cit.; *Štambuk D.* Nalijegoše na jezik hrvatski // Forum. Zagreb, 1990, № 5–6. S. 668–671.

69 *Rajuh M.* Српски или српскохрватски језик // Политика. Београд. 13. јун 1992. С. 9.

70 Это положение, по-видимому, будет уточняться в свете замечания Т. Ладана: "Не могут они (сербские лингвисты – П.Д.) принять столько хорватских слов, сколько их мы можем придумать" (См. *Babić St.* Hrvatska norma i srpski književni jezik. S. 2).

71 См. *Бунин Д.* Примјена прописа о језику // Задужбина. Београд. Година V, № 18, јули 1992. С. 1, 3; *Пешикан М.* О имену нашег језика // Задужбина. Београд. Година V, № 18, јули 1992. С. 3.

72 *Маројевин Р.* Бирилица на раскршћу векова: Огледи о српској етничкој и културној самосвести. Горњи Милановац. 1991. С. 13. и сл.

ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ И КОДИФИКАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы нормы верхнелужицкого литературного языка и его кодификации, их соотношения на современном этапе развития верхнелужицкого литературного языка стали центральными для серболужицкого языкознания в послевоенные годы. Необходимость скорейшего решения именно этих вопросов была обусловлена специфической языковой ситуацией в Лужице в этот период, состоянием развития серболужицких литературных языков, изменившимися условиями их функционирования после насильственного перерыва в их развитии в годы фашистской диктатуры. Это в свою очередь потребовало изучения современных тенденций, наблюдаемых в серболужицких литературных языках, степени адекватности существующей кодификации этих языков той норме, которая характерна для данной стадии их развития. Сложность разрешения всех названных проблем определялась особенностями предшествующего развития серболужицкого языка, его литературных форм, спецификой сочетания чисто лингвистических и экстралингвистических факторов с преобладанием то одних, то других на разных этапах развития серболужицких литературных языков.

Формирование верхнелужицкого литературного языка было процессом медленным, сложным и противоречивым. Он возник не позднее 2-й половины XIX в. в результате развития верхнелужицкой письменности, которая первоначально применялась главным образом для создания церковной литературы на основе

переводов Библии (с немецкого языка или латинского). На ее развитие влияли факторы социального, политического и конфессионального характера. Так, одной из ее особенностей было наличие на раннем этапе двух конфессиональных вариантов – протестантского и католического (большая часть серболужицан была протестантами). Важнейшим фактором, постоянно влиявшим на развитие верхнелужицкой письменности и литературного языка, являлось постепенно формировавшееся двуязычие серболужицких носителей языка, которое к началу XX в. стало массовым. Уже первые церковные произведения верхнелужицкой письменности отмечены большим числом немецких заимствований; немецкое влияние проявлялось на всех уровнях языка – в лексике, грамматике, синтаксисе. Светская литература была представлена главным образом грамматическими сочинениями, рукописями словарей, медицинскими руководствами для сельского населения. Социальная база формировавшегося верхнелужицкого литературного языка была очень ограничена. В XVIII в. речь идет о письменной форме, которая была распространена преимущественно в кругу сельской интеллигенции (священников, учителей) и имела узкую сферу функционирования. Переводами церковной литературы пользовались в церковной жизни, в процессе школьного обучения, в домашнем обиходе. Письменная форма, представленная в сочинениях церковного характера, была обособлена от того разговорного языка, которым владело большинство серболужицан – носителей различных серболужицких диалектов. К началу XIX в. уже было очевидно расхождение этого консервативного письменного верхнелужицкого языка с так называемым народным языком (*Volkssprache*).

В период национального возрождения складываются условия для развития светской серболужицкой литературы. Формирующийся верхнелужицкий литературный язык становится теперь также языком художественной литературы, прессы и в определенной степени и языком науки (в изданиях *Матицы* Сербской). Однако как активное коммуникативное средство этот язык используется лишь незначительным слоем серболужицкой интеллигенции. Он сохраняет характер языка, овладеть которым можно лишь путем усвоения литературных произведений. Такие свойства его

как обособленность, изолированность от разговорного языка явились одной из причин уже тогда раздававшихся жалоб на "непонятность" верхнелужицкого литературного языка. Начавшие действовать пуристические тенденции, в основе которых лежало стремление "очистить" старый язык верхнелужицкой письменности, освещенный церковной традицией, славянизировать его, наряду с положительными результатами в ряде случаев приводили к отрицательным последствиям. Осуществляя эти основные цели, деятели серболужицкого возрождения ориентировались на "неиспорченный" народный язык, зафиксированный в народной поэзии и народных песнях серболужичан. Таким образом происходило сближение норм литературного языка с узусом народного языка, "очищение" и совершенствование письменного литературного языка с помощью серболужицких и других славянских диалектов, освобождение его от влияния немецкого языка с тем, чтобы сохранить своеобразие верхнелужицкого литературного языка. Из него ушли некоторые особенности имени и глагола, возникшие под влиянием немецкого языка и обычные для письменного верхнелужицкого языка довозрожденческого периода (ср., например, употребление неопределенного артикля, *wopo* как подлежащего в безличном предложении, *jedyu* с неопределенноличным значением, сложные формы будущего времени типа *budu daś* и др.). Другим арбитром в ряде случаев выступал чешский литературный язык, который и сам в то время был достаточно искусственным образованием. Влияние чешского языка чаще всего сказывалось в области лексики. Результаты действия этих процессов были противоречивыми и иногда могли вести к сознательной архаизации верхнелужицкого литературного языка. На это обстоятельство указывает Р. Енч¹, анализируя верхнелужицкий перевод Библии 1728 г. (коллективный труд группы священников, созданный на базе бауценского диалекта) и перевод Нового завета М. Горника (XIX в.). Он отмечает, в частности, употребление М. Горником таких "неживых" и чуждых народному языку образований как деепричастия, в то время, как в переводе 1728 г. используются в соответствующих случаях формы причастий. М. Горник применяет формы аориста (без местоимений), а в переводе 1728 г. употребление форм перфекта с личными местоимениями соответст-

вует разговорной речи. Характерно, что пуристические тенденции в верхнелужицком литературном языке действовали длительное время, в том числе и в послевоенный период. Влияние их могло быть ослаблено благодаря тому, что большинство верхнелужицких писателей, действующих и в первые послевоенные годы, сохраняло знание родного языка в неиспорченном виде и обходились в своем творчестве без ненужных неологизмов и архаизмов.

О верхнелужицком литературном языке как поливалентной, надрегиональной форме языковой коммуникации, употребляемой как письменно, так и устно, можно говорить примерно с 70-х гг. XIX в. Его формирование оказалось возможным благодаря литературной деятельности ряда писателей XIX в., развитию прессы, расширению сфер применения серболужицкого языка в результате возникновения ряда культурных, научных и политических обществ и объединений в период национального возрождения.

Таким образом, развитие верхнелужицкой письменности прошло ряд этапов, прежде чем появился литературный язык. На первом этапе – со 2-й половины XVI в. (время возникновения первых верхнелужицких переводов библейских текстов в эпоху Реформации) до конца XVIII в. верхнелужицкий письменный язык был почти исключительно языком церковной литературы. Консервативные нормы этого языка свидетельствовали о сильном влиянии на верхнелужицкую письменность немецкого языка (особенно в лексике, но также в морфологии и синтаксисе), о значительной степени вариативности (как в лексике, так и в грамматике), о нестабильности в правописании, о слабом развитии лексики (кроме церковной терминологии). К этому периоду развития верхнелужицкой письменности относятся и первые попытки описания норм верхнелужицкого письменного языка – орфографических, морфологических, лексических. Такие попытки были предприняты как представителями протестантского варианта верхнелужицкого письменного языка, так и католического. Ср., например, описание некоторых правил правописания протестантского варианта, предложенное Варихием во вступлении к переводу катехизиса 1597 г., орфографические правила М. Френцеля 1670 г. (перевод евангелия от Матфея и Марка), орфографический труд Бирлинга (1689 г.), грамматику Г. Маттея (1721 г.), грамматику, зафиксировавшую нормы католического варианта Я.К. Тишина

(1679 г.), правила правописания Ю.Г. Светлика, а также его латинско-серболужицкий словарь (1721 г.), первый верхнелужицкий перевод Библии 1728 г. возник в результате длительной кодификаторской работы комиссии протестантских священников.

На втором этапе развития верхнелужицкой письменности — в XIX в. и особенно в 40-х гг., в период национального возрождения, о котором речь шла выше, начинается собственно научное изучение верхнелужицкого литературного языка, связанное с лингвистической деятельностью основоположника серболужицкого языкознания Я.А. Смолера, а также Я.П. Йордана, К.Б. Пфуля, М. Горника, а в конце века — с работами К.Э. Муке. Грамматические работы, основанные на наблюдениях над нормами верхнелужицкого литературного языка, должны были способствовать созданию единого литературного языка (свободного от конфессиональных различий), сохранению его чистоты и своеобразия. Характерно, что авторы новых грамматических описаний ориентировались на уже существующие грамматики, основанные на фиксации норм, наблюдаемых в языке произведений религиозного характера. Таким образом вновь создаваемые грамматические описания на новом этапе развития верхнелужицкого литературного языка не отражали объективных изменений в этом языке, происшедших в результате формирования новых жанров литературы, художественной прозы, поэзии, публицистики. С течением времени разрыв между кодифицированной нормой грамматик, учебников и словарей, с одной стороны, и конкретной реализацией в современном языке возможностей, предоставляемых нормами верхнелужицкого литературного языка, все больше углубляется. Наиболее полная кодификация протестантского варианта была сделана А. Зейлером в грамматике 1830 г., так называемый матичный вариант верхнелужицкого письменного языка, не учитывавший конфессиональных различий, был кодифицирован в грамматиках К.Б. Пфуля и Ю. Краля. На протяжении XIX в. и начала XX в. издавались словари верхнелужицкого литературного языка, которые претендовали на отражение лексической нормы современного языка (ср. словари К.Б. Пфуля 1866 г., Ф. Резака 1920 г., Ю. Краля 1931 г.). Материал словарей, созданных в разное время на этом этапе развития верхнелужицкого литературного языка, дает возможность проследить изменение в языковом

узусе, но только до известной степени. Наряду с фиксацией действительно новой лексики словари часто дают лексемы, созданные по моделям, свойственным другим славянским языкам; ряд германизмов и интернационализмов, давно вошедших в верхнелужицкий письменный язык, заменяются искусственными архаизмами или неологизмами. Разрыв, наблюдаемый между действительным узусом и кодифицированной нормой, представленной в грамматиках и словарях, частично объясняется и действием пуристических тенденций. То обстоятельство, что кодификаторы иногда сознательно фиксировали в своих работах языковые элементы, чуждые нормам верхнелужицкого литературного и народного языка не только в лексике, но и в грамматике, сыграло свою роль в ослаблении традиций серболужицкого народного языка в развитии литературного языка, в дальнейшей "консервации" языка верхнелужицкой литературы и увеличения его отрыва от разговорной и устной народной речи. Все это при усилении влияния немецкого языка уже в предвоенные годы дало основание говорить о наблюдаемом значительном упадке верхнелужицкого литературного языка, несмотря на все усилия серболужицких писателей².

На третьем этапе развития верхнелужицкого литературного языка — в послевоенный период — постепенно складывается новая языковая ситуация в Лужице, но некоторые из старых тенденций продолжают действовать. Для этого периода была характерна новая сильная волна пуризма, стремление к "улучшению" верхнелужицкого литературного языка среди тех, кто не являлся настоящим знатоком этого языка, в частности, представителей молодого поколения. Неоправданное экспериментирование в области формо- и словообразования привело к неестественному усложнению языка, и, как следствие, к непониманию верхнелужицкого литературного языка самими носителями. Это особенно характерно для 40-х и 50-х гг.³. Именно в это время встал вопрос о дальнейшем развитии верхнелужицкого языка, о необходимости поднятия его престижа, о путях его демократизации.

В послевоенные годы расширяется сфера употребления серболужицких литературных языков (особенно верхнелужицкого). Об этом свидетельствует издательская практика: увеличивается количество газет, журналов, календарей на этих языках, выхо-

дят в свет произведения художественной литературы; серболужицкий язык находит применение в народном образовании и школьном деле, в научных исследованиях, предметом которых является серболужицкий язык, литература, история, культура серболужичан; серболужицкий язык проникает в различные сферы общественной жизни, связанные непосредственно с жизнью серболужичан, звучит на радио и театральных подмостках, в репертуаре серболужицкого народного ансамбля и т.д. Благодаря литературной деятельности серболужицких писателей, развитию прессы, возникновению ряда культурных, научных и политических обществ углубляется знание серболужицких литературных языков у нового поколения носителей этих языков, не имевшего прежде контакта с серболужицкой литературной традицией, прерванной в годы фашизма, складывается определенное отношение к норме литературного языка у серболужичан старшего и молодого поколения. Одновременно начала укрепляться надрегionalная форма – разговорная, включающая как литературные, так и диалектные элементы. В настоящее время можно говорить о двух формах существования верхнелужицкого литературного языка – письменной и устной (в устном официальном общении), наряду с которыми употребляется разговорный язык, характеризующийся такими признаками как спонтанность, неофициальность, надрегionalность. Разговорный язык близок диалектному, между ним и литературным языком существует определенная структурная дистанция⁴ (ср., например, особенности употребления в них глагольных окончаний в формах двойственного числа, в формах 3 лица множественного числа и др.). Характер норм современного верхнелужицкого литературного языка во многом определяется возможностью влияния на них как разговорного языка, так и серболужицких диалектов, так как на новом этапе развития серболужицкого языка изменился характер соотношения отдельных форм существования этого языка. Увеличилась роль устных литературной и разговорной форм, но наряду с ними большое значение сохраняют региональные формы, и диалект выступает как наиболее распространенное средство коммуникации для большинства носителей серболужицкого языка. Диалектная норма оказывает значительное влияние на нормы литературного языка. Разговорный язык, близкий диалектному, в свою очередь испытывает

воздействие немецкого языка, что отражается и на нормах литературного языка. Развитие современного верхнелужицкого литературного языка и его норм определяется сложной и противоречивой языковой ситуацией в Лужице. Целый ряд факторов обуславливает ее уникальность при сопоставлении с языковой ситуацией в других славянских языках. Одним из самых важных является массовый билингвизм серболужицкого населения, постоянное и сильное влияние немецкого языка, которым носители серболужицкого языка иногда владеют лучше, чем серболужицким языком; достаточно быстрое исчезновение серболужицких диалектов; сохранение компактного серболужицкого населения только на территории распространения католического диалекта, стихийное влияние именно этого диалекта на верхнелужицкий литературный язык (большая доля серболужицкой интеллигенции происходит из этого района Лужицы). В этой языковой ситуации верхнелужицкий литературный язык является функционально ограниченным. Укрепление его позиций и обеспечение дальнейшего развития является задачей трудной, но имеющей особое значение для судьбы самих серболужичан: верхнелужицкий литературный язык в этих условиях является определяющим признаком серболужицкой народности (при всей важности таких элементов как фольклор, исторические традиции)⁵. В связи с такой ролью верхнелужицкого литературного языка изучение характера его норм и кодификации, взаимоотношение с источниками норм, разговорной формой (в том числе письменной формой, употребляемой в частной переписке, корреспонденции), а также региональными формами (собственно верхне- и нижнелужицкими диалектами, переходными диалектами) приобретает первостепенное значение. При этом также следует учитывать повседневную практику народного просвещения, потребности в словарях, грамматиках и учебниках.

Исследование этих проблем имеет свою историю в сорабистике послевоенного периода. Характер современного верхнелужицкого литературного языка, его норм и существующей кодификации обсуждались как центральные вопросы в ходе дискуссии в серболужицком языкознании в 60-х гг. В то время внимание лингвистов было привлечено к проблемам взаимоотношения ли-

тературного и народного языков, к выяснению основных причин "непонятности" верхнелужицкого литературного языка. В качестве главной причины этого явления признавалась удаленность литературного языка от народного языка серболужичан. Это, в свою очередь, могло быть результатом того, что носители верхнелужицкого литературного языка и его творцы – писатели не были достаточно знакомы с системой и структурой народного языка. Этим объясняется появление в их произведениях форм (в частности глагольных типа итеративных *kśěwać, kŕywać*), чуждых народной речи⁶, непонятных читателям. В ходе дискуссии был выдвинут принцип "народности" норм верхнелужицкого литературного языка и одновременно активно обсуждались критерии оценки слов и форм как составных элементов этого языка, имеющих право на последующую кодификацию. О необходимости демократизации норм верхнелужицкого литературного языка говорится в статьях Г. Фасске, Р. Леча, Р. Енча, относящихся к этому периоду⁷.

Признавая нормальным явлением сам факт использования в верхнелужицком литературном языке слов и форм, неизвестных народному языку, свидетельствующий о постоянном развитии норм этого языка, лингвисты поставили вопрос о функциональной и структурной оправданности этих языковых элементов. Эта проблема имела особое значение при действии двух противоположных тенденций – стабилизации языковых норм и постоянного их обновления в связи с новыми потребностями языковой практики, при развитии и норм народного языка, в результате которого его нормы не совпадают с нормами литературного языка прошлого и настоящего периодов.

С точки зрения принципа оправданности языкового явления в системе литературного языка упомянутые выше итеративные глаголы следует считать "избыточными", так как уже существуют глаголы несовершенного вида *kśěć, kŕyć* с тем же значением. В народном языке глаголам несовершенного вида с суффиксами *-wa-, -owa-, -a-* обычно соответствуют глаголы совершенного вида (ср., например, *kupić – kupować, dać – dawać, zabić – zabijeć*), то есть указанные суффиксы являются средством имперфективации глаголов совершенного вида.

Общий принцип демократизации норм современного верхнелужицкого литературного языка не вызывал возражений у серболужицких лингвистов: литературный язык, являясь общенародным средством общения, не может превращаться в искусственное образование, включающее элементы, которые неизвестны народному языку⁸, он должен опираться на структурные элементы народного языка. Отсюда вытекает требование, предъявляемое к кодификаторам норм верхнелужицкого литературного языка: кодифицировать нормы литературного языка можно только после сопоставления фактов литературного языка с нормами народного языка, который употребляется как средство коммуникации большей частью населения Лужицы. Нельзя не учитывать тот факт, что в неофициальном общении местные диалекты используются довольно часто, а разговорная речь лужицкой интеллигенции включает многие диалектные элементы. Кодифицировать необходимо только такие элементы нормы, которые не противоречат системе народного языка и ее функционированию. Особое значение также имеет знание норм и традиций верхнелужицкого письменного языка старшего периода, поскольку они в большей мере базировались на узусе народного языка⁹. Основой выполнения необходимого условия адекватного описания современного состояния верхнелужицкого литературного языка и создания грамматики, кодифицирующей его нормы, явилось начатое именно в 60-х годах систематическое обследование всей территории распространения серболужицких диалектов (его результаты представлены в опубликованных 13 томах Серболужицкого лингвистического атласа).

Разногласие у серболужицких лингвистов вызывал не общий принцип демократизации норм верхнелужицкого литературного языка, а критерии признания того или иного языкового элемента составной частью литературной нормы, решения, касающиеся конкретных грамматических форм. Так, образование форм будущего времени от глаголов совершенного вида без помощи форм глагола *буѣ* в верхнелужицком литературном языке не противоречит норме народного языка, не знающего таких форм, так как в народном языке возможны формы настоящего времени глагола со значением будущего времени. Напротив, в качестве "запрещенных" в верхнелужицком литературном языке предлагалось рассматривать формы аналитического будущего времени для гла-

голов совершенного вида еще грамматистами XIX в. Они оценивались как германизмы, совершенно чуждые системе серболужицкого языка. Несмотря на активное вытеснение этих форм из верхнелужицкого литературного языка со второй половины XIX в. (этому способствовала и кодификация, предложенная Я.А. Смолером)¹⁰, они употребляются вплоть до настоящего времени. Однако в современном литературном языке они являются стилистически маркированными и ощущаются как относящиеся к "низкому" стилю речи. Обычно в качестве форм со значением будущего времени употребляются формы настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида. Аналитические формы будущего времени никогда не образуются от глаголов движения (определенных), а также от глаголов *měć* и *buć*. В диалектах и разговорном языке серболужичан образование аналитических форм будущего времени от глаголов совершенного вида является обычным. Таким образом, как отмечает Р. Лец¹¹, никакие усилия теоретиков не могли одолеть встречающиеся в верхнелужицком литературном языке формы аналитического будущего от глаголов совершенного вида, запрет которых привел бы к обеднению выразительных возможностей языка.

Принцип "народности" литературной нормы, при последовательном осуществлении которого все формы, чуждые народному языку, должны были бы устраняться из него, дополнялся принципом "нейтрального" характера форм, которые можно было бы считать соответствующими литературной норме, ее нейтральному стилю. Так, в серболужицких диалектах при образовании форм пассивного залога широко употребляются конструкции, состоящие из вспомогательного глагола *wordować* 'становится' (ср. нем. *werden*) и причастия полнозначного глагола. Носителями верхнелужицкого литературного языка подобные формы никогда не признавались как равноправные обычным "нейтральным" формам пассивного залога, образованным с помощью сочетания вспомогательного глагола *buć* (его форм от основы *bu-*) и причастия полнозначного глагола. В диалектах и разговорном языке формы пассивного залога с глаголом *wordować* широко распространены. Несмотря на это они не признаются составной частью структуры верхнелужицкого литературного языка: факт их заимствования из немецкого языка слишком очевиден, чтобы при-

знать их обычными "нейтральными" формами, свойственными литературной норме. Оправданным может быть их употребление в беллетристических произведениях для языковой характеристики действующих лиц.

Модернизация верхнелужицкого литературного языка на основе принципа "народности" обсуждалась в серболужицкой лингвистике 60-х гг. с учетом необходимости последующей кодификации, адекватной современным нормам этого языка. При этом само понятие нормы у разных исследователей было различным: наряду с последовательным различием понятия "нормы" и "кодификации" наблюдалось и отождествление понятия "нормы" с понятием "узуса", исключая варианты, а при наличии вариантов говорили о слабо развитой норме. В этом случае речь шла об определенной идентификации нормы и комплекса правил, сформулированных в грамматиках и словарях (ср., например, тождество понятий нормы и кодификации, когда имеются в виду нормы орфографии). Однако разработка всех проблем, связанных с понятием нормы, и определение тенденций развития норм современного верхнелужицкого литературного языка серболужицкими лингвистами относится к более позднему периоду — к 70-м годам, когда началась подготовка к созданию верхнелужицкой дескриптивной грамматики и изучение серболужицких лексикографических традиций, предшествующее работе над немецко-верхнелужицким словарем.

В различных аспектах понятие нормы исследуется на материале современного верхнелужицкого литературного языка известным серболужицким лингвистом Г. Фасске (автором верхнелужицкой дескриптивной грамматики 1981 г.), придающим большое значение последовательному различению понятий "норма" и "кодификация"¹². Под нормой понимается "принятое обществом использование языковых средств в интересах однозначного языкового общения", "конкретная реализация системы языка, определяемая внутренними закономерностями этой системы"; признается, что норма существует в самом языке и дана самим языком. Кодификация же является более или менее полным описанием системы языка и ее реализации в конкретных речевых актах. Каждому языковому уровню свойственна своя норма — морфологическая, синтаксическая, лексикосемантическая, орфографическая, орфоэпическая. На разных этапах развития литератур-

ного языка объем нормы может быть разным, включая различное число вариантов. Нормы верхнелужицкого литературного языка испытывают влияние разговорного языка (включающего значительное количество диалектных элементов) и самих диалектов (значение которых особенно велико в условиях серболужицкой языковой ситуации). Кодификация способствует стабилизации системы, норм литературного языка, подавляя новый узус, некорректный с точки зрения этих норм. В результате углубляется существующее противоречие между нормами верхнелужицкого литературного языка и разговорного языка и диалектов, между кодифицированными и некодифицированными нормами. В некоторых случаях такое противоречие отмечается там, где первоначально наблюдалось соответствие верхнелужицких письменных и диалектных норм.

Примером взаимоотношения литературных норм и норм народного языка, а также роли кодификации на разных этапах развития верхнелужицкого литературного языка является употребление окончаний в формах именительного падежа двойственного числа прилагательных и причастий в мужском роде. Как в верхнелужицком письменном языке раннего периода, так и в современном литературном языке в формах И.дв. м.р. прилагательных и причастий применяются два окончания: -aj и -ej. Те же окончания в данных формах характерны и для серболужицких диалектов, но в современных верхнелужицких диалектах окончание -aj в И.дв. м.р. прилагательных и причастий зафиксировано только в южных говорах в незначительном числе случаев и является факультативным вариантом. В остальных верхнелужицких говорах единственным окончанием для И.дв. м.р. прилагательных и причастий является окончание -ej. В верхнелужицком письменном языке с конца XIX в. формируется оппозиция форм И.дв. м.р. на -aj (для личных форм мужского рода) — на -ej (для всех неличных форм), которая не соответствовала употреблению этих форм в диалектах. О существовании другой оппозиции, хотя также и непоследовательно выраженной, можно судить на основании наблюдений над языком таких писателей, как Я.Б. Чишинский, М. Андрицкий: формы на -aj употребляются для прилагательных мужского рода с твердой основой, формы на -ej — для всех остальных прилага-

тельных, такая дистрибуция окончаний в И.дв. м.р., вероятно, была характерна и для верхнелужицких диалектов более раннего периода¹³. В грамматике верхнелужицкого литературного языка П. Вовчерка¹⁴ зафиксировано правило, согласно которому окончание -aj в И.дв. м.р. имеют только личные формы (прилагательные и причастия, имеющие отношение к личным существительным мужского рода) с твердым исходом основы, во всех остальных случаях употребляется окончание -ej. Однако узус современного верхнелужицкого литературного языка дает примеры отступлений от этой кодифицированной нормы: формы на -ej иногда возможны от прилагательных, согласующихся с личными существительными, а формы на -aj встречаются при существительных неличных (ср., например, *gruowanej staršej* и *słabaj konjej*). Колебания наблюдаются также у прилагательных с исходом основы на -k, -h, -ch, для которых в И.дв. м.р. оказывается более предпочтительным окончание -ej, даже если речь идет о личных существительных (ср. *dwaj wulkej mužej*¹⁵).

Таким образом, в формах И.дв. м.р. отмечены изменения, которые характеризуют как верхнелужицкий литературный язык, так и верхнелужицкие диалекты. Конечный результат этих изменений в настоящее время представлен в серболужицких говорах, норма которых предусматривает фактически лишь одно окончание (-ej) для формы И.дв. м.р. Изменения в нормах верхнелужицкого литературного языка касаются дистрибуции этих окончаний и состоят в переходе от оппозиции форм по признаку 'личный — неличный' к противопоставлению форм по признаку 'характер исхода основы'. Современная кодификация, стремясь к определенному компромиссу между старой письменной традицией и узусом современного верхнелужицкого литературного языка, соответствующего определенному периоду диалектного употребления окончаний в формах И.дв. м.р., признает окончание -aj как свойственное личным формам прилагательных с основой на твердый согласный, а -ej характерным для всех остальных, допуская колебания в основах на -k, -h, -ch (здесь наиболее распространенным является окончание -ej).

В период формирования норм верхнелужицкого литературного языка грамматики зафиксировали свойственное им (верхнелужицким нормам) средство выражения категории одушевленно-

сти – одушевленности в парадигме двойственного числа: для одушевленных существительных характерны формы винительного падежа, тождественные формам родительного падежа. Такое употребление форм В./Р. дв.ч. прослеживается в письменных источниках XVII–XX вв.¹⁶ Эта норма, кодифицированная грамматиками, испытывала влияние живого народного языка, где в В.дв. одушевленных существительных наблюдаются формы, тождественные формам И.дв. (за исключением северных верхнелужицких диалектов). Если вплоть до 2-й половины XIX в. в верхнелужицком литературном языке отмечаются только формы В./Р. дв. одушевленных существительных, то в народных песнях, записанных во 2-й половине XIX в., уже фиксируются отступления от прежней общелужицкой нормы и употребление форм В./И.дв. одушевленных существительных (в верхнелужицких говорах эта инновация продолжает распространяться в северном направлении). Формы И./В.дв. у одушевленных существительных получают все большее распространение и в верхнелужицком литературном языке, и в первые десятилетия XX в. здесь отмечаются уже лишь единичные случаи употребления форм В./Р. дв. для одушевленных существительных. В современном языке верхнелужицкой литературы формы В./Р.дв. ощущаются как противоречащие норме¹⁷. Это положение должно было бы быть учтено при кодификации верхнелужицкого литературного языка. Однако грамматики предлагают правило, согласно которому личным существительным свойственна форма В.Р.дв., что не соответствует узусу современного верхнелужицкого литературного языка.

Признавая большую роль кодификации, адекватной узусу верхнелужицкого литературного языка, некоторые серболужицкие лингвисты отмечали, что ориентация на народный язык победила именно в области кодификации морфологических норм верхнелужицкого литературного языка¹⁸, что, в частности, подтверждается такими формами как И.мн. *mužojo*, причастие типа *lubo-wasu*, 3 л. мн.ч. глагола *maja*, хотя и здесь сохраняются еще неоправданные архаизмы типа *zažŕy* вместо *zaŕdženy*, *pošlu* вместо *pošćelu*.

В связи с характером норм современного верхнелужицкого литературного языка и особенностями языковой ситуации в Лужице, о которых говорилось выше, особое значение приобретает

проблема вариантности, которой в последнее время серболужицкие лингвисты уделяли большое внимание¹⁹. В понятии нормы выделяется внутренний языковой аспект (норма рассматривается как реализация системы языка) и внешний (существует столько специфических языковых норм, сколько существует социально, территориально и функционально обусловленных реализаций языковой системы). Варианты как уже реализованные или реализуемые возможности языковой системы являются составной частью нормы²⁰. Узус – источник и критерий нормы – не исключает вариантов. Система языка и норма, зависящая от этой системы, изменяются в процессе развития языка. Внутренний языковой аспект предполагает, что варианты существуют на всех уровнях языка (фонологическом, морфологическом и лексико-семантическом) и факультативно используются в пределах синхронно воспринимаемой нормы. На уровне структуры языка понятие "вариант" включает как альтернативные языковые средства, так и средства, находящиеся в отношении комплементарной дистрибуции. На уровне же нормы речь идет о понятии "вариант" с более узким содержанием, поскольку оно указывает в этом случае на факультативные языковые средства, употребляемые в одной и той же функции (ср., например, в морфологии факультативные морфологические формы в пределах одного и того же парадигматического класса). Среди вариантов, обусловленных внутренним развитием системы языка, возможны различные по характеру противопоставления: нейтральный вариант – инновация; оба варианта нейтральны, равноправны; вариант с чертами архаичности – вариант, преимущественно употребляемый в данный период и постепенно вытесняющий вариант, ощущаемый как архаичный. Примеры на указанные типы взаимоотношений вариантов дает верхнелужицкое субстантивное словоизменение: ср., например, соотношение форм В./Р.дв. и В./И.дв. у одушевленных существительных на разных этапах развития верхнелужицкого литературного языка – от абсолютной нормы В./Р.дв. (до середины XIX в.) у данных существительных через стадию сосуществования форм В./Р.дв. и В./И.дв. как стилистически нейтральных вариантов к абсолютной норме В./И.дв. в современном литературном языке, формы В./Р.дв. ощущаются у названных существительных как архаические. Под влиянием разговорного языка существитель-

ные среднего рода в Д.е. получают в современном языке наряду с обычным для них окончанием *-u* окончание *-ej*, свойственное обычно формам Д.ед. существительных мужского рода (*woknej, wuchej, blidej*). Это окончание у существительных среднего рода является инновацией. Стилистически нейтральными являются факультативные варианты в Р.мн. существительных мужского рода (ср. *mužow – mužī*) и в Р.ед. у односложных существительных мужского рода (ср. *hroda – hrodu*).

Существование в современном верхнелужицком литературном языке вариантов, обусловленных внутренним развитием языка, требует от исследователей нормы литературного языка и его кодификаторов правильной оценки этих вариантов, соотношения реально существующей нормы и уже имеющихся кодификаций, отношения к норме верхнелужицкого литературного языка и его кодификации самих носителей языка²¹, относящихся к различным слоям общества.

Как показывают исследования лужицких лингвистов, в верхнелужицком литературном языке наблюдается достаточно сильная тенденция элиминировать существующие варианты и тем самым обеспечивать инвариантность и стабильность нормы. При этом корректная кодификация оказывает решающее влияние на достижение такого результата. Стабильность нормы в смысле соблюдения правил, предложенных кодификаторами, обеспечивается также рядом экстралингвистических факторов (политические и социальные условия, в которых находятся носители языка; языковая политика и воспитание тех, кто использует верхнелужицкий литературный язык как средство коммуникации; престиж литературного языка и т.д.).

Проблема вариантов, обусловленных внешнеязыковыми причинами, факторами общественного развития, также имеет как теоретическое, так и практическое значение.

На уровне верхнелужицкого литературного языка вариантность находит отражение в его истории, в факте существования литературного языка в двух вариантах (вариант здесь является не отдельным языковым средством, а иной языковой системой): евангелическом и католическом. В течение XIX века шел процесс их интеграции. В XX в. центр культурного развития серболужицан перемещается из Бауцена на территорию распространения ка-

толического диалекта. В литературном языке все большее распространение получают некоторые языковые элементы этой территории. В настоящее время наблюдается как бы промежуточная стадия этого процесса, направленного с востока на запад. Восточные элементы в одних случаях уступают свои позиции западным, в других — можно говорить о равноценности двух вариантов, в третьих — восточные элементы еще преобладают. Сосуществующие варианты являются составной частью нормы верхнелужицкого литературного языка. Оценка их невозможна без выработки критериев, согласно которым их можно характеризовать как нейтральные, регионализмы и т. д. Однако эта проблема пока еще не исследована в серболужицкой лингвистической литературе.

Примечания

¹ Jenč R. K prašenju normy w hornjoserbskej spisownej řeči // Serbska šula. 17. 1964. 4. S. 252.

² Šewc Hinc. Zwyšić prestiz spisowneje serbsćiny // Rozhlad. 4. 1985. S. 66.

³ Šewc Hinc. Zwyšić prestiž spisowneje serbsćiny // Rozhlad. 3. 1985. S. 67.

⁴ О характере соотношения верхнелужицкого литературного языка и верхнелужицкого разговорного языка на морфологическом уровне см.: Ермакова М.И. Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988. С. 101–106.

⁵ Šewc Hinc. Zwyšić prestiž..., S. 61.

⁶ Fasske H. Sto je norma džensnišeje spisowneje serbsćiny..., S. 380.

⁷ Jenč R. K prašenju normy w hornjoserbskej spisownej řeči // Serbska šula. 17. 1964. 4; Fasske H. Sto je norma džeńsnišeje spisowneje serbsćiny // Rozhlad. 12. 1968; Fasske H. Problemy a perspektiwy serbskeho řečneho sledženja // Rozhlad. 9. 1976; Löttsch R. Někotre mysle k prasenju gramatiskeje normy serbskeje spisowneje řeče // Rozhlad. 8. 1964.

9 *Löttsch R.* Někotre mysle k prašenju gramatiskeje normy serbskeje spisowneje rěče. // *Rozhlad*, 8. 1964. S. 279.

10 *Smoler J. E.* Přichodny čas serbskeho słowjesa // *ČMS*. XII, 1959.

11 *Löttsch R.* Někotre mysle..., S. 278.

12 *Фасске Г.* Норма серболужицкого (литературного) языка и ее кодификация // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С. 93–106.

13 *Löttsch R.* Někotre mysle... S. 279; *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart*. Verfasst von H. Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981. S. 379–380.

14 *Wowčerk P.* Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Bautzen, 1954. S. 56.

15 *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart...* S. 379–380.

16 *Löttsch R.* Die Verbreitung des Gen./Akk. du. in den sorbischen Dialekten und das Problem seiner Genese // *ZfSl*. 1954. IX, H. 4. S. 485–499.

17 *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart...* S. 410.

18 *Jenc R.* К праšenju normy... S. 309.

19 *Fasske H.* Wariantnosć normy a jeje typologija // *Wariancija normy we współczesnych jazykach literackich*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1977; *Fasske H.* Poměr nošerjow spisowneje rěče k jeje normje a kodifikaciji // *Nadawki a hranicy rěčneje kodifikacije*. Materialije 7. posedženja Komisije za słowjanske spisowne rěče při Mjezynarodnym komiteju slawistow 21–23 september 1977 w Budyšinje. Budyšin, 1979; *Fasske H.* К problematice vztahu normy a úzu // *Słowo a slovesnost*. R. XXXVIII. 1977; *Михалк Ф.* Стабильность и вариантность серболужицкого языка // *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов*. М., 1989.

20 *Fasske H.* Wariantnosć normy... S. 23.

21 *Fasske H.* Poměr nošerjow spisowneje rěče k jeje normje...

К СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ

В этой заметке речь пойдет об ошибках в употреблении производных слов, включающих иноязычные элементы, в первую очередь – префиксальные; нас будут интересовать тенденции в усвоении заимствований в современном польском литературном языке.

Языковая реальность предоставляет для этого богатый материал. Здесь уместно привести следующее наблюдение: "Интересное социолингвистическое явление, широко распространенное в Польше, представляет собой то, что носители языка, наиболее охотно употребляющие заимствования, как правило, не очень интересуются тем, в каком значении и как их следует употреблять, что приводит к ошибкам – нарушениям языковой нормы и языковой коммуникации"¹. Это особенно существенно, если учесть, что в польском заимствования чрезвычайно частотны (значительно больше, чем в русском и, например, в чешском), а в публицистике каждое третье слово – заимствованное².

В другом месте нам приходилось останавливаться на проблеме освоения заимствованных глаголов в современном польском языке и выяснять функции, выполняемые при этом заимствованными префиксальными элементами³. Было показано, что даже наиболее продуктивные префиксы *de-* (входящий в словообразовательный тип со значением аннулирования действия: *decentralizować*) и *re-* (словообразовательный тип со значением повторного действия: *reorganizować*) присоединяются лишь к заим-

ствованным глаголам (подобно многим другим группам заимствованных аффиксов, сочетающихся только с заимствованными мотивирующими). Например, конструкция *reprograwiać* 'заново исправлять'⁴ воспринимается как элемент языковой игры, как образование абсолютно искусственное. С этим свойством заимствованных префиксов связано то обстоятельство, что их значение не осознается носителями языка столь же отчетливо, как значение аналогичных исконных элементов.

Об этом свидетельствуют весьма характерные ошибки, допускаемые в употреблении заимствованных глаголов носителями языка. Так, глагол *restytuować* книжн. 'возвращать, вернуть ранее установленное состояние'⁵, включающий префиксальный элемент *re-* с типовым значением повторности действия, тем не менее употребляется в сочетании *restytuować z powrotem* (SPP, s. 633), то есть в плеонастическом контексте, где *z powrotem* еще раз выражает повторность действия. Носителю языка, однако, этот плеоназм необходим. Ср. еще *oddać komuś rewizyte* (SPP, s. 634): значения элементов *oddać* и *rewizyta* пересекаются в части 'повторность действия', выраженной уже префиксом *re-*. Таким образом, *rewizyta* 'ответный визит', мотивированное *rewizytować* 'осуществлять, осуществить ответный визит' и связанное с *wizyta*, в узусе осмысливается как нечленимое слово, семантически равное последнему. (Правда, экспрессивной разговорной речи в принципе свойствен плеоназм как средство выразительности, ср. мыслимое по-русски просторечное *Верни назад!*).

Подобный узус провоцируется наличием в литературном языке пар лексически тождественных слов, в формальном отношении различающихся на отрезок, равный префиксу. Ср. *kompensata* и *rekompensata* с тождественным значением 'компенсация', мотивированные семантически равными *kompensować* и *rekompensować* 'компенсировать' (SJP, t. I, s. 976–977; t. III, s. 39): значение повторения действия, выражаемое префиксом *re-*, входит в понятие 'компенсировать' (которое можно представить как 'сделать для X то, что X сделал ранее, в результате чего X получит нечто утраченное'). Аналогичным образом в паре слов, например, *kumulacja* и *akumulacja* 'сосредоточение, накопление', производных от *kumulować* и *akumulować* со значением 'сосредоточивать, накапливать' (SJP, t. I, s. 27–28, 1085), также нет раз-

личия в семантике — вследствие того, что префикс *a-* (*akumulacja* — *akumulować* — *kumulować*) входит в словообразовательный тип ‘соединять, соединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’⁶, но это же значение выражается и самим глаголом *kumulować*.

В завуалированном лексикализованном виде идея повторности действия привносится частью *re-* в глаголе *reprezentować*. Его нормативное значение ‘быть представителем, выразителем чего-либо’ можно интерпретировать как ‘демонстрировать вместо кого-либо’, и тогда этот глагол соотносим с *prezentować* ‘показывать, демонстрировать’. Однако эту тонкую семантическую связь нельзя считать регулярной и описывать в терминах словообразовательного типа с префиксом *re-*, что и выражается в узуальном смешении обоих слов. Ср. употребление *reprezentować się* в значении ‘*prezentować się*: *Jak się reprezentują poszczególni zawodnicy?* (высказывание спортивного комментатора)⁷; см. также SPP, s. 979 об ошибочном употреблении *zareprezentować* вместо *zaprezentować*.

Говоря о явлении плеоназма, анализируем употребление нечленимого *komplet* ‘все члены какого-либо коллектива’ в сочетании *pełny komplet* (SPP, s. 260), где определение повторяет элемент ‘полный, весь’. Возможно, что в этом случае основанием для ошибочного узуса стало отсутствие в польском лексического аналога слова *komplet*. Да и по-русски автору приходилось слышать *полный комплект* — по аналогии с *полный набор*: последнее слово, в отличие от *комплект*, не передает идеи полноты (ср. еще ошибочное *две альтернативы*, то же относится и к пол. *dwie alternatywy*, см. SPP, s. 12). Причина плеоназма — в отсутствии абсолютного синонима в исконной лексике. Для словообразовательного уровня это наблюдение можно сформулировать так: лексическое значение заимствований часто уточняется носителями языка в гиперкорректных употреблениях, что может быть связано с отсутствием абсолютных структурных соответствий в исконной лексике.

В словоупотреблении *własna autobiografia*, *własny autoportret* (SPP, s. 26, 27) часть сочетаний *własna*, *własny* повторяет уже заложенный в морфеме *auto-* смысл ‘свой, собственный’, ср. толкование *autobiografia* как ‘описание собственной жизни’

(SJP, t. I, s. 99) и *autoportret* как 'портрет художника, сделанный им самим' (SJP, t. I, s. 101). Такие конструкции широко распространены и в русском, причем высказывания типа *Пишу свою автобиографию* сами по себе не производят впечатления грубого нарушения нормы, но зато создают для этого возможность, например, вопросом: *Чью автобиографию ты пишешь?* — что, конечно, уже абсурдно. Для сочетания *свой автопортрет* как нормативный немислим, пожалуй, и контекст **Пишу свой автопортрет*, не говоря уже о **Чей автопортрет ты пишешь?* Очевидно, допустимость высказывания *Пишу свою автобиографию* связана с принадлежностью самого слова *автобиография* канцелярскому стилю речи, где *ex definitione* наша языковая интуиция и не может действовать в полной мере.

В польском и русском языках нет словообразовательного аналога для части *auto-*, *авто-*, который бы сочетался с группой слов *biografia*, *portret*, *биография*, *портрет*. Первые части сложных слов пол. *samo-*, рус. *само-*, семантически близкие рассматриваемым, в обоих языках имеют иные функции: указания на совершение действия без чьей-либо помощи или направление действия на самого себя (SJP, t. III, s. 173; СРЯ, т. IV, с. 16), что связано с отглагольной природой производных и не может относиться к обсуждаемым немотивированным именам *biografia*, *portret* (ср. их аналоги в русском). Узуальное употребление *auto-biografia*, *autoportret* в значении '*biografia*', '*portret*' (ср. в русском) указывает на семантическую неясность морфемы *auto-* (*авто-*), в первую очередь осознаваемую в значении 'относящийся к автомобилю'⁸. С неясностью значения связан и запрет на сочетание *auto-* с исконными словами. Каково значение образования *autokrzykliwy*: 'шумный' или 'восхваляющий себя'? Пример еще более яркий представляет также ошибочное *autoocena*, которое может пониматься говорящими не как синоним *samoocena*, а как 'оценка автомобилей'⁹. Характерно, что как ошибочное воспринимается гибрид *autoodkrycie*¹⁰.

Попутно отметим, что канцелярский стиль речи сам по себе представляет питательнейшую среду для ошибок. Например, в русском помимо рассмотренного случая вытеснения *биография* канцеляризмом *автобиография*, стремление "улучшить стиль" привело к освоению глагола *будировать* в узуальном значении

‘возбуждать (например, полемику)’ – вместо нормативного ‘дуться, сердиться’ у исходного франц. *bouder*¹¹. Поиск внутренней формы приводит носителя языка к четкому и семантически непротиворечивому членению слова на морфемы, ориентированному не только на визуальное выделение корня, отождествляемого с корнем глагола *будить*, но и на выделение суффикса *-ирова-*, употребляющегося в основном в заимствованных словах делового стиля.

Наличие или отсутствие одноструктурного соответствия в исконной лексике – важнейший фактор в усвоении заимствований и заимствованных словообразовательных элементов. Мы имели случай убедиться в этом, анализируя префиксальные элементы, содержащиеся в заимствованных глаголах: статусом морфемы обладают только элементы, значения которых выражаются и исконными приставками¹². То же отмечается и по отношению к именным суффиксам, выделившимся в заимствованных словах¹³. Если же структура значения заимствования чужда принимающему языку, то заимствованное слово усваивается плохо¹⁴. Выше речь шла об уточнении значения заимствований в плеонастическом контексте; далее мы остановимся на случаях принципиального переосмысления внутренней формы заимствований.

Такой пример представляет прилагательное *kongenialny* в значении ‘сверхгениальный’: *kongenialne dzieło sztuki, kongenialny przekład*¹⁵. Утрата нормативного значения ‘сродный, совпадающий по образу мыслей, талантливости’, сопровождающаяся и изменениями синтаксической валентности (ср. также S PP, s. 261), вызывается неосвоенностью в качестве именного префикса элемента *kon-*¹⁶ и, что с этим связано, отсутствием собственной сходной словообразовательной структуры. В то же время в польском чрезвычайно продуктивна категория прилагательных со значением высшей степени проявления признака, причем здесь используются как разнообразные собственные, так и заимствованные словообразовательные элементы, ср. *nadwrażliwy, przepiękny, hipergroprawny, arcyśiekawy, supernowoczesny, ultrakatolicki, extramocny*¹⁷. А так как мотивация прилагательным *genialny* несомненна (внутренняя форма слова ориентирована на корневую морфему), как и положительная оценка, выражаемая словом в

целом, то соотносительному *kongenialny* и приписывается продуктивное значение отадеквативных прилагательных.

Примечательно, что точно такое же узуальное употребление *конгениальный* в значении 'сверхгениальный' широко распространено и в русском¹⁸, причем здесь действуют те же механизмы давления словообразовательной системы принимающего языка, какие были отмечены для польского. В русском *кон-* также не имеет статуса однозначного префикса¹⁹ и лишен семантической определенности. Это проявляется в узуальных сдвигах, происходящих с другими словами с *кон-*: ср. *конформист* с ошибочным значением 'консерватор' вместо более сложного и не имеющего аналогии в исконной русской лексике 'человек, поведение и взгляды которого целиком определяются его окружением' (о распространении этой ошибки см. ниже). Утрата нормативного значения поддерживается морфо-словообразовательным подобием со словами вроде *консерватор* и *формалист*; существенно, что эти слова и *конформист* взаимозаменяемы во многих контекстах, что препятствует четкому усвоению нормативного значения слова.

Далее, и в русском продуктивна словообразовательная категория высшей степени признака, ср. *сверх-, супер-* и др. в этой функции²⁰. Правда, для русского языка можно указать непродуктивный словообразовательный тип прилагательных "совместно с кем-чем-либо характеризующийся признаком, названным мотивирующим прилагательным. (...)", как *сопричастный*²¹, но словообразовательного синонима *конгениальный* все же нет.

Здесь отметим и действие важнейшего фактора – экспрессивности разговорной речи. Чрезвычайная продуктивность оценочных аффиксов приводит к стремлению говорящих увидеть их и там, где норма этого не предполагает.

Вернемся к глагольным префиксам. Одним из немногих заимствованных однозначных префиксов является *ко-*, а производные с *ко-* обозначают 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершать, совершить совместно; объединять, объединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом' (при синонимии *ко-* с *s- /z-* и *współ-*), ср. *koegzystować, kooperować*²². Но большую продуктивность *ко-* обнаруживает в соединении с процессуальными именами, причем он сохраняет то же значение, что

и в глаголе. Ср. *koartykulacja* 'одновременное совершение артикуляционных движений различными органами речи при произнесении звука' (SJP, t. I, s. 943); *koedukacja* 'совместное обучение и воспитание мальчиков и девочек' (SJP, t. I, s. 947); ср. также *koedycja* (SJP, t. I, s. 947), *korepetycja* (SJP, t. I, s. 1013), а также *koreferat* (SJP, t. I, s. 1012): поскольку мотивирующие глаголы с *ko-* для этих образований отсутствуют, можно констатировать наличие отыменного словообразовательного типа. А существительные вроде *koegzystencja* 'сосуществование' имеют двойную мотивацию, соотносясь как с глаголом *koegzystować* 'сосуществовать', так и с именем *egzystencja* 'существование'.

Казалось бы, двойная мотивация свидетельствует о высокой степени словообразовательной адаптации слова. Тем не менее говорящие стремятся, например, в слове *koprodukcja* 'совместная продукция нескольких предприятий' (SJP, t. I, s. 1009; непосредственно мотивирующий глагол с *ko-* отсутствует) увидеть не префикс *ko-*, а часть *ko-*, произнося его как *kooprodukcja* (SPP, s. 266). Словообразовательная связь с производными того же типа, а также гнезда *produkować*, ср. еще *koproducent* (мотивируемое как *koprodukcja*, так и *producent*) оказывается недостаточно яркой в глазах носителя языка. Побеждает повторяющийся комплекс *ko-*, ср. *kooperacja*, *koopracja*, *koordynacja* (при наличии *opracować*, *optować*, *ordynować*), не совпадающий с морфемным швом и никак не отражающий семантическую структуру слова. Это свидетельствует о неотчетливом восприятии *ko-* как в именном словообразовании (*koprodukcja*), так и в глагольном: ср. *kooperować*, *kooprować*, где, следовательно, *ko-* в значении совместности не осознается.

Здесь отметим, что мы обсуждаем словообразовательный уровень языка. На уровне морфемной членимости, когда или префиксальная, или относящаяся к основе часть слова выделяется как остаток, наступает большая путаница. Ср. ошибочное употребление *prorunierować* (и производных) вместо *prerunierować* (SPP, s. 632): *pre-* вычленяется только в составе глагола *prefabrykować* и, следовательно, не является префиксом, а *pro-* характеризует лишь нечленимые глаголы, как *proklamować*, *prowokować*. Ср., с другой стороны, употребление *prerozycja* вместо *prorozycja* (SPP, s. 573). Количество трансформаций, претерпе-

ваемых заимствованным словом, особенно в просторечии, становится бесконечным при отсутствии и словообразовательной, и морфемной членимости.

Далее, носители языка могут "узнавать" заимствованные морфемы. Ср. ошибочное написание пол. *immigracja* вместо литературного *imigracja* (SPP, s. 212): оно диктуется правильными ассоциациями с глагольным префиксом *im-/in-*²³, сохраняющимся и в отглагольном имени. Морфема может "узнаваться" и там, где ее в действительности нет. Ср. ошибочное употребление в русском *паникадило* в значении 'большое кадило' вместо нормативного 'церковная люстра'²⁴. Такое понимание поддерживается весьма нечеткими ассоциациями, связанными с сегментом *пани-*, на основании повторения анлаута слов *панамериканский*, *панибратский*.

Носители языка могут относить к аффиксу часть основы заимствованного слова — в случае, если эта часть слова омонимична широко известной в принимающем языке морфеме. Сначала сошлемся на случай написания рус. *сексопильный* вместо *сексапильный*²⁵, где осмысление заимствования из англ. *sex appeal* ('сексуальная привлекательность') как сложного слова с интерфиксом — результат прямой аналогии с лексемами типа *лесопильный* (эта аналогия действует даже у лиц, профессионально знакомых с английским языком). Ср. аналогичные процессы в просторечии: *авиопочта*, *электрофикация* и т.п.

В принципе то же наблюдается при соединении префикса пол. *z-* с заимствованными словами, начинающимися на *a-*; язык стремится избежать последовательности *za-*, омонимичной соответствующей приставке. Ряд глаголов с *z-*, мотивирующие которых начинаются на *a-*, приводится в Словаре Дорошевского²⁶, но уже не отмечается в SJP, призванном отражать активный словарь современного польского языка. Это *zabsorbować*, *zargobować*, вместо которых в SJP находим *zaabsorbować*, *zaargobować*. Симптоматично появление в речи слов *zaasymilować*, *zaakordować* (вместо *zasymilować*, *zakordować*, которых уже нет в SJP), трактуемых, правда, как ошибочные, см. SPP, s. 985, 962. Их появление объясняется тем, что в речевой практике не может, конечно же, соблюдаться рекомендованное лингвистами произношение, например, *z-akordować*, призванное сохранить ясность морфемного шва (SPP, s. 962).

Аналогичный случай представляет собой ошибочное употребление *poddenerwować* 'привести в нервное состояние' вместо *podenerwować* (SPP, s. 525). Носитель языка стремится преодолеть формальную возможность выделения как *po-*, так и *pod-*; если семантика допускает только вычленение *po-*, то аналогия, например, с *podeksytować* 'возбудить' говорит о другой вероятности. Эта параллель поддерживается и дублетами исконных глаголов в литературном языке: ср. омонимичные глаголы *podrobić*, которые в зависимости от выбора мотивационных связей членятся с выделением приставки *pod-* – при *pod-robić* 'подделать' – или *po-* – при *po-drobić* 'поделить на мелкие части, крошить'.

Ситуация с аналаутом *z-a-* усложняется для носителя языка тем более, что существуют случаи, и семантически допускающие двоякую членимость, ср. *zakumulować* книжн. 'собрать воедино, сосредоточить (капитал, энергию)' при *akumulować* книжн. 'собирать воедино, сосредоточивать (капитал, энергию)' и *kumulować* 'собирать, сосредоточивать'. Поскольку и *za-*, и *z-* выступают в чистовидовой функции, *zakumulować* может пониматься и как производный от *akumulować*, и от *kumulować*: как мы видели, тождество семантики допускает оба варианта. И только весьма тонкое стилистическое отличие вынуждает в качестве нормативной выделить все же пару *akumulować* – *zakumulować* (*kapitał*), о чем см. SPP, s. 10 (хотя известно и сужение функциональной сферы производного в сравнении с производящим, что объясняло бы и мотивацию глаголом *kumulować*).

Вопреки тенденции к избеганию омонимии появляется форма *zaklimatyzować* – как видовой коррелят *aklimatyzować* 'приспосабливать живой организм к изменившимся условиям окружающей среды' – вместо нормативного недвусмысленно членимого *zaaklimatyzować* (ср. SPP, s. 9). И вообще к глаголам с суффиксами *-izowa-*, *-onowa-*, *-fikowa-* присоединяется перфективирующая приставка *z-*/*s-* независимо от аналаута слова, ср. *zaktualizować*, *zaktywizować*, *zanalizować*.

Неоднаправленность процесса "втягивания" заимствования в словообразовательную систему принимающего языка, сопровождающегося переосмыслением внутренней формы, хорошо

прослеживается на примере прилагательного *unikalny*, которое сравнительно недавно появилось в польском языке и вытеснило *unikatowy*, производное от *unikat* 'единственная в своем роде вещь'. В связи с тем, что у этого прилагательного выделяется часть *-alny*, а его основа связывается с глаголом *unikac*, это слово автоматически попадает в категорию адъективов типа *dostrzegalny*, *rozpuszczalny* и понимается как 'тот, которого можно избежать'²⁷. Шансы *unikalny* на то, чтобы удержаться в языке, представлялись бы ничтожными, и все же в речи сосуществуют омонимы: *unikalny* 'единственный в своем роде' (наравне с *unikatowy*²⁸) и *unikalny* 'тот, которого можно избежать'²⁹ (правда, последнее не вошло в SJP).

Можно думать, что совпадение ошибочного узуса в русском и польском указывает на системный характер тенденций в усвоении заимствований. Очевидно, некоторые из этих ошибок можно рассматривать как языковые инновации, которые имеют шанс со временем войти в литературный язык.

Примечания

¹ *Cienkowski W.* Wpływy i zapożyczenia obce w powojennej polszczyźnie pisanej // *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*. Wrocław etc., 1978. S. 52.

² См. *Damborský J.* Wyrazy obce w języku polskim (próba klasyfikacji) // *Poradnik językowy*, 1974, № 7. S. 347–349.

³ См. *Осипова М.А.* Статус префиксальных элементов в заимствованных глаголах современного польского языка // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Т. 27. W-wa, 1991.

⁴ *Buttler D.* Polski dowcip językowy. W-wa, 1968. S. 186.

⁵ Здесь и далее в качестве источника нормативных литературных форм используется SJP.

⁶ См. *Осипова М.А.* Указ. соч. С. 51.

⁷ *Cienkowski W.* Op. cit. S. 53.

⁸ Смешение различных значений *auto-* в восприятии носителей польского языка отмечается в: *Zagrodnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982. S. 222, 239.

⁹ *Pisarek W.* Słownik języka niby-polskiego, czyli błędy językowe w prasie. Wrocław etc., 1978. S. 3.

- 10 Zagrodnikowa A. Op. cit. S. 239.
- 11 Об истории этой ошибки см. Чуковский К.И. Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М., 1962. С. 67.
- 12 См. Осипова М.А. Указ. соч.
- 13 Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień / Pod red. H. Kurkowskiej. W-wa, 1986. S. 146.
- 14 Что не исключает противоположной тенденции — к заимствованию слов со значениями, отсутствующими в заимствующем языке.
- 15 Miodek J. Odpowiednie dacz rzeczy słowo. Szkice o współczesnej polszczyźnie. Wrocław etc., 1987. S. 42.
- 16 К этому выводу подводит анализ имен с начальным *kon-*, содержащихся в SJP; не упоминается *kon-* в качестве префикса и в статье Szymczak M. O nowym typie prefiksacji rzeczowników i przymiotników // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1978.
- 17 Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. W-wa, 1984. S. 437–441.
- 18 Что отмечено для производного *конгениально* 'сверхгениально' в: И. Ильф, Е. Петров. 12 стульев. М., 1986. С. 28.
- 19 Этот вывод сделан автором на основе анализа имен с анлаутом *kon-*, содержащихся в СРЯ.
- 20 Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 310, 311.
- 21 Русская грамматика. Указ. соч. С. 311.
- 22 Осипова М.А. Указ. соч. С. 49.
- 23 Осипова М.А. Указ. соч. С. 48–49.
- 24 Ошибочное употребление этого слова впервые отмечает у И.С. Тургенева; подробно см. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 46–47.
- 25 Перечисленные выше ошибочные словоупотребления из русского языка неоднократно наблюдались нами в устной и письменной речи. Однако единичные регистрации ошибочного узуса не дают достаточно ясной и объективной картины явления — тем более, что для русского языка отсутствуют издания по культуре речи, подобные польским (фиксирующие отклонения от нормы). Поэтому представилось необходимым получить количественные данные относительно того, насколько часто употребление перечисленных слов отклоняется от нормы. Испытуемым — это 50 человек в возрасте от 18 до 68 лет с высшим (или незаконченным высшим) образованием (28 — с филологическим,

17 – с гуманитарным (нефилологическим) была предложена анкета, содержащая ненормативные употребления рассмотренных выше слов. В результате выяснилось, что ошибки в перечисленных словах совершают: *паникадило* – 64%, *конформист* – 48%, *сексапильный* – 44%, *конгниальный* – 26%, *автобиография* – 20%, *будировать* – 14%. Языковая норма в речи образованных говорящих нарушается значительно чаще, чем можно было бы ожидать, а массовый характер этих нарушений заставляет думать о возникновении новой нормы.

26 *Słownik języka polskiego. T. I-XI.* / Pod red. W. Doroszewskiego. W-wa. 1958–1969.

27 *Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego.* W-wa, 1986. S. 101.

28 *Cienkowski W.* Op. cit. S. 52.

29 *Pisarek W.* Op. cit. S. 122.

Сокращения

SPP - *Słownik poprawnej polszczyzny.* / Pod red. W. Doroszewskiego. W-wa, 1978.

SJP - *Słownik języka polskiego. T. I–III.* / Pod red. M. Szymczaka. W-wa, 1978–1981.

СРЯ - *Словарь русского языка. Изд. 2-е. Т. I–IV.* / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИСКОННЫХ И ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОРФЕМ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из примечательных черт развития славянского языкознания в последние десятилетия является неослабеваемый интерес ученых к такой общей тенденции языковой эволюции как интернационализация лексического состава славянских языков¹. Данная тенденция, проявляющаяся, в частности, в активизации иноязычных лексических и словообразовательных средств ("международных" слов и морфем, как правило, греко-латинского происхождения) в славянских языковых системах, органично связана с процессами терминологизации и детерминологизации современных языков. Изменения их лексического состава в новейший период в значительной степени происходят за счет заимствованной терминологической лексики, а также слов, утративших узкоспециальный характер употребления, перешедших в разряд нейтральной лексики.

Процесс пополнения словарей славянских литературных языков новой терминологической лексикой и детерминологизированными наименованиями протекает настолько интенсивно, что кодифицирующая литература не успевает фиксировать новые факты языка: появление новых слов, изменения в написании и произношении заимствованных слов, в их стилистической маркированности, расширение и модификация деривационных связей.

Многие изменения, происходящие в чешском литературном языке в связи с рассматриваемым процессом, не находят должного отражения не только в словарях, но и в грамматиках современного чешского языка². На наш взгляд, это связано с отноше-

нием лингвистов к иноязычным словообразовательным элементам, в частности, суффиксам (ИС), как к дополнительным средствам³, находящимся на периферии чешской словообразовательной системы. И хотя одним из принципов современной языковой политики является отказ от пуризма при оценке языковых фактов, признание функционально оправданного использования в языке иноязычных лексических и словообразовательных элементов⁴, реальная практика составителей грамматик, сам принцип раздельной подачи материала (иногда чисто информативного характера в разделах, посвященных ИС), отражает прежнее разграничение элементов языка на основные и дополнительные, независимо от уровня их продуктивности и функциональной значимости в словообразовательной системе современного языка.

Восприятие иноязычных слов и морфем как отдельной, закрытой системы в чешском языке наиболее ярко отражено в основополагающей статье М. Докулила и Я. Кухаржа "Словообразовательная характеристика иностранных слов"⁵. Чужеродность заимствованных имён существительных "ощущается" носителями языка, несмотря на фонетическую, графическую и морфологическую адаптацию, необходимую для включения заимствованных субстантивов в чешскую словоизменительную систему, поддерживается ограниченной сочетаемостью иноязычных суффиксальных морфем со славянскими мотивирующими основами при образовании гибридных наименований, а также общей сложностью взаимодействия иноязычных и исконных словообразовательных элементов, представляющих собой в чешском языке две параллельно функционирующие, но едва соприкасающиеся системы⁶.

Несомненно, иноязычная лексика, заимствованная чешским языком, в той или иной мере сохраняет фонетические, графические, морфологические, словообразовательные и другие особенности языка-источника заимствования⁷. Однако это не мешает данным словам входить в состав активного словаря чешского языка и в процессе употребления подвергаться дальнейшим изменениям, связанным с большим их подчинением общим языковым закономерностям заимствующей системы. На уровне графики это проявляется как тенденция подчинения написания иноязычных слов фонетическому принципу чешской орфографии. Ср.: jam > džem; sweatr > svetr; drivovat > drajvovat; dubbing, dubbovat > dabing, dabovat; camping > kempink⁸; diskjockey > diskžokej

(SCS); *handicap, handicapovat > hendikep, hendikepovat*⁹ и др. На уровне фонетики — как тенденция максимального сближения звуковой формы иноязычного слова с чешской фонетической и акцентной системой. Интересным в этом плане является наблюдение, сделанное О. Мартинцовой и В. Влковой¹⁰, в связи с функционированием вариантов суффикса *-ér (-er)* в современном языке. Сохранявшаяся долгое время в чешском языке традиция различать слова на *-ér* и *-er* в связи с языком-источником заимствования (французские заимствования, как правило, имели *-ér*: *režisér, pasažér, pozér*; слова немецкого и английского происхождения *-er*: *boxer, designer, dispečer, frajer* и др.) в последнее время уступает место тенденции соотносить долготу гласного суффикса с количеством слогов в слове — трехсложные и четырехсложные наименования имеют долгий гласный независимо от того, как произносилось слово в языке-источнике: *aranžér, kolportér* (франц.), *reportér, rekordér, designér*¹¹, *manažér* (англ.), (ср. *manažer* (SSJČ) // *manažér* (SCS)), *instalátér, dekoratér* (франц.) и др.¹². На уровне морфологии — как тенденция оформления конца слова таким образом, чтобы оно могло войти в один из словоизменительных классов и подтипов чешского литературного языка. ИС имен существительных, не способные выразить грамматическое значение падежа, становятся непродуктивными морфемами, встречаются в составе небольшого количества заимствованных слов. Ср. *-é (-eau)* [ːɛ̃]: *komuniké, imprimé, separé* и др.; *-ement (-má, -ament)* [ːmā]: *aranžmá, etablismá, abonmá, detachement, indosament* и др. Морфологическое освоение тесно связано с фонетической адаптацией иноязычных слов. Поэтому зафиксированные в SCS, VŠČ дублиеты *reglamá* [ːreglamā] // *reglement* [ːreglement] (Предложн. пад., ед.ч. -u) возможно кладут начало процесса более полного морфологического освоения имен на *-ement* в чешском языке.

Проблема взаимодействия иноязычных и исконных словообразовательных морфем в чешском языке имеет два аспекта. В первом случае речь идет о так называемых гибридных наименованиях, т.е. словах, содержащих исконный корень и иноязычный словообразовательный формант — суффикс или префикс. Небольшое количество слов в общем лексическом фонде чешского языка, имеющих в своем составе исконную мотивирующую основу и

ИС, непродуктивность такого способа словообразования, как правило, стилистически сниженная сфера функционирования дериватов – всегда служит аргументом, подтверждающим закрытость системы ИС в общей системе деривационных средств чешского языка. Этот факт, однако, отражает определенный менталитет носителей языка, обусловленный особенностями культурно-исторического развития чешской нации¹³, и соответствующую языковую политику. В принципе внутриструктурные запреты на сочетаемость ИС с исконными мотивирующими основами в чешском языке¹⁴, как и в других славянских языках, например, русском, словацком, польском, сербскохорватском¹⁵, отсутствуют, хотя степень освоенности ИС и их употребительности в отдельных славянских языках неодинакова¹⁶.

Второй аспект рассматриваемой проблемы касается взаимодействия иноязычной корневой морфемы (или мотивирующей основы) и исконного суффикса в процессе дальнейшего словопроизводства в чешском языке. М. Докулил и Я. Кухарж в цитированной статье, конкретизируя тезис о сложности взаимодействия параллельно функционирующих иноязычных и исконных словообразовательных элементов, отмечают предпочтительное использование ИС при дальнейшей деривации от иноязычных мотивирующих основ. Ср.: *národ* – (*národní*) – *znárodnit* – *znárodnění*, *šít* – *šítěni*, но *demokracie* – (*demokratický*) *demokratizovat* – *demokratizace*, *propagovat* – *propagace* – *propagátor* (наряду с *propagovat* – *propaganda* – *propagandista*)¹⁷. Подробнее данный вопрос в литературе не обсуждался.

В предлагаемой статье мы попытаемся выяснить в какой степени чешская языковая система допускает взаимодействие иноязычных мотивирующих основ и исконных суффиксов, а именно: различается ли лексико-грамматическая и семантическая структура производных слов с иноязычной и исконной мотивирующей основой, какие (иноязычные или исконные) суффиксальные средства используются при дальнейшей деривации, существуют ли ограничения на сочетаемость иноязычной основы и исконного суффикса при образовании дериватов в чешском языке, воспроизводятся ли чешские типовые словообразовательные схемы при деривации от иноязычных мотивирующих основ, существуют ли особенности стилистического функционирования подобных дериватов.

В качестве объекта исследования были выбраны имена существительные со значением 'лица', имеющие в своей структуре иноязычную мотивирующую основу и ИС -ant (-ent), -át, -ér (-er), -ist(a), -or (-átor), -it(a). Функционирование данных существительных рассматривалось на фоне чешских субстантивов – производных имен со значением 'лица', содержащих чешскую мотивирующую основу и исконный суффикс -ář (-ař)l8, -ník, -ík, -tel.

Как показывает собранный на основе SSJČ, SSC и SCS материал, рассматриваемые существительные имеют сходную лексико-грамматическую структуру производных. При последующей деривации они мотивируют имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия (мотивация опосредствованная). Сходными являются и пространственные взаимоотношения дериватов: словообразовательные синтагмы, словообразовательные цепочки, простые и двойные словообразовательные парадигмы.

В состав синтагм и словообразовательных цепочек, мотивированных именами с исконными и иноязычными суффиксами входят не все возможные, но наиболее частотные члены словообразовательного процесса от имен со значением 'лица'. Это имена существительные со значением женскости (Nf), свойства (Nat), имена прилагательные (At), наречия (Ad). В качестве словообразовательных формантов используются чешские суффиксы -k(a), -ic(e), -ek, -stv(í)/-ctv(í), -ost, -ck(ý), -sk(ý), -n(í), -ě, -y. По словообразовательной схеме: N – Nf образованы дериваты, мотивированные именами с суффиксами -ář (-ař), -ník, -ík, -tel, -ant(-ent), -ér(-er), -ist(a), -or(-átor): besídkář – besídkářka, dalkář – dalkářka, návštěvník – návštěvnice, klíčník – klíčnice, nájemník – nájemnice, ničemník – ničemnice, hanebník – hanebnice, navrhovatel – navrhovatelka, nostel – nositelka; laborant – laborantka, maturant – maturantka, interesent (разг.) – interesentka, expedient – expedientka, exponent – exponentka, financier – financierka, garderobiér – garderobiérka, morfinista – morfinistka, inkasista – inkasistka, gymnasista – gymnasistka, expeditor – expeditorka, operátor – operátorka и мн. др.;

N – At образованы прилагательные от имен с суффиксами -ář (-ař), -ník, -ant(-ent), -ér(-er), -ist(a), -it(a), -or(-átor), -át : dřevař – dřevařský, borkař – borkařský, loupežník – loupežnický, koncipient – koncipientský, oferent – oferentský, gravér – gravéřský,

boxer – boxerský, konformista – konformistický, lámaista – lámaistický, anexionista – anexionistický, metropolita – metropolitní, agresor – agresorský, konzervátor – konzervátorský, distributor – distributorský, optimát – optimátský, kurát – kurátský и др. Данные синтагмы являются наиболее частотными и входят (за редким исключением) в состав всех парадигм, мотивированных именами с иноязычными и исконными суффиксами.

Свободное функционирование синтагмы N – Nat не столь продуктивно в чешском языке. Как правило, она входит в состав расширенных простых и двойных словообразовательных парадигм. Синтагму N – Nat образуют дериваты, мотивированные именами с суффиксами -ář(-ar), -ěr(-er) : mocnář – mocnářství, dehtář – dehtářství, básníčkář (унич.) – básníčkářství (унич.), rutinér – rutiněrství и др.

Словообразовательные цепочки представлены структурными схемами: N – At – Ad (от имен с суффиксами -ant(-en), -ist(a), -or(-átor)) : delirant (редк.) – delirantní–delirantně (редк.); civilizátor (редк.) – civilizátorský – civilizátorský; federalista – federalistický – dfederalistický; monista – monistický – monistický; kubista – kubistický – kubistický и др.

N – At – Nat¹⁹ (от имен с суффиксами -ář(-ar), -ník, -ík, -ěr(-er), -it(a), -or(-átor), -át) : loutkář – loutkářský – loutkářství; nábytkář – nábytkářský – nábytkářství; čalouník – čalounický – čalounictví; kališník – kališnický – kališnictví; medailér – medailéřský – medailéřství; asfaltér – asfaltěřský – asfaltěřství; hipnotizér – hipnotizěřský – hipnotizěřství; husita – husitský – husitství²⁰; falzátor – falzátorský – falzátorství; falzifikátor – falzifikátorský – falzifikátorství; kurát – kurátský – kurátství; legát – legátský – legátství и др.

Продуктивность данных словообразовательных моделей ограничивается более развитыми в лексико-грамматическом, лексико-семантическом и стилистическом отношении структурами. Простые и двойные словообразовательные парадигмы включают в свой состав кроме названных частей речи также глаголы (V), употребляющиеся, как правило, в нелитературной речи, сленге. К перечисленным лексико-семантическим разрядам производных имен существительных добавляются имена со значением: собирательности (N col), свойства, оцененного как пейоративное (N at rej), уменьшительности, как правило, со сниженной эмоциональной окраской (N dem).

Из сказанного видно, что функционирование производных от имен со значением лица, выходит за рамки только литературного стиля, научных, художественных, публицистических текстов, литературной разговорной речи. Оно распространяется и на сферу нелитературной, экспрессивно окрашенной речи, что является одним из способов дальнейшей адаптации ИС, входящих в состав исходных мотивирующих основ.

Рассмотрим простые и двойные словообразовательные парадигмы по мере усложнения их компонентного состава.

Словообразовательная парадигма $N \begin{cases} Nf \\ At \end{cases}$ является наиболее распространенной, реализующейся в словообразовательном акте от имен со всеми рассмотренными суффиксами (за исключением *-ík*). Ср.: *koulař* – *koulařka*, *koulařský*; *diskař* – *diskařka*, *diskařský*; *češtinář* – *češtinářka*, *češtinářský*; *jeřabník* – *jeřabnice*, *jeřabnický*; *mladežník* – *mladežnice*, *mladežnický*; *mučitel* – *mučitelka*, *mučitelský*; *držitel* – *držitelka*, *držitelský*; *doručovatel* – *doručovatelka*, *doručovatelský*; *adresát* – *adresátka*, *adresátský* (редк.); *laureát* – *laureátka*, *laureátský*; *figurant* – *figurantka*, *figurantský*; *oponent* – *oponentka*, *oponentský*; *absolvent* – *absolventka*, *absolventský*; *dispečer* – *dispečerka*, *dispečerský*; *maskér* – *maskérka*, *maskéřský*; *režisér* – *režisérka*, *režiséřský*; *gážísta* – *gážístka*, *gážístický*; *iracionalista* – *iracionalistka*, *iracionalistický*; *kravalista* (разг.-экспр.) – *kravalistka*, *kravalistický*; *izraelita* – *izraelitka*, *izraelitský*; *barnabita* – *barnabitka*, *barnabitský*; *mechanizátor* – *mechanizátorka*, *mechanizátorský*; *imitátor* – *imitátorka*, *imitátorský* и мн. др. Данная словообразовательная структура получает свое развитие в двойной парадигме $N \begin{cases} Nf \\ At-Ad \end{cases}$, также являющейся продуктивной для имен с суффиксами *-ář (-ař)*, *-ík*, *-tel*, и особенно для имен с ИС *-ant(-ent)*, *-ér*, *-ist(a)*, *-or (-átor)*. Об этом свидетельствует не только большое количество ее реализаций (системная продуктивность), но и эмпирическая продуктивность схемы – вся парадигма производных выстраивается практически сразу же после появления нового заимствования в языке²¹. Ср.: *bruslař* – *bruslařka*, *bruslařský*, *bruslařsky*; *budovatel* – *budovatelka*, *budovatelský*, *budovatelsky*; *mstitel* – *mstitelka*, *mstitelský*, *mstitelsky*; *divadelník* – *divadelnice*, *divadelnický*, *divadelnický*; *pretendent* – *pretendentka*, *pretendentský*, *pretendentsky*; *aranžér* – *aranžérka*, *aranžéřský*, *aranžéřsky*; *egois-*

ta – egoistka, egoistický, egoisticky; antagonistista – antagonistka, antagonistický, antagonisticky; expresionista – expresionistka, expresionistický, expresionisticky; informátor – informátorka, informátorský, informátorsky; korepetitor – korepetitorka, korepetitorský, korepetitorsky и мн. др.

Регулярной, но непродуктивной является деривационная схема $N \left[\begin{array}{l} \text{Nf} \\ \text{Nat} \end{array} \right]$: metař – metařka, metařství; loutkář – loutkářka, loutkářství; hoteliér – hoteliérka, hoteliérství; konvertita – konvertitka, konvertitství (редк.); emigrant – emigrantka, emigrantství. Ее продуктивность резко возрастает при восстановлении пропущенного звена в словообразовательной цепи – имени прилагательного:

$N \left[\begin{array}{l} \text{Nf} \\ \text{At} - \text{Nat} \end{array} \right]$ (1), а также при формировании полной двойной парадигмы $N \left[\begin{array}{l} \text{Nf} \\ \text{At} \end{array} \right] \left[\begin{array}{l} \text{Nat} \\ \text{Ad} \end{array} \right]$ (2). Например: (1) novinář – novinářka, novinářský, novinářství; mocnář – mocnářka, mocnářský, mocnářství; čepičář – čepičářka, čepičářský, čepičářství; hadrník – hadrnice, hadrnický, hadrnictví; hrobník – hrobnice, hrobnický, hrobnictví; kolboučník – kloboučnice, kloboučnický, kloboučnictví; dohlížitel – dohlížitelka, dohlížitelský, dohlížitelství; cvičitel – cvičitelka, cvičitelský, cvičitelství; dopisovatel – dopisovatelka, dopisovatelský, dopisovatelství; exulant – exulantka, exulantský, exulantství; korespondent – korespondentka, korespondentský, korespondentství; pedikér – pedikérka, pedikéřský, pedikérství; dekorátér – dekorátérka, dekorátéřský, dekorátérství; kolportér – kolportérka, kolportéřský, kolportérství; diurnista (устар.) – diurnistka (устар.), diurnistský (устар.), diurnistství (устар.); modista – modistka, modistský, modistství²²; komentátor – komentátorka, komentátorský, komentátorství; kompilátor – kompilátorka, kompilátorský, kompilátorství; ilustrátor – ilustrátorka, ilustrátorský, ilustrátorství; delegát – delegátka, delegátský, delegátství и др. Имена существительные с ИС – -ist(a) имеют ограничения фонетического порядка на сочетаемость с суффиксами -sk(ý), -stv(í) – сложность произношения консонантных групп -stsk-, -ststv-. Приведенные единичные примеры (diurnista – diurnistský, diurnistství, modista – modistsky, modistství) являются устаревшими наименованиями. Примечательно, что только при мотивации Nat с суффиксом -stv(í) у исходных имен существительных на -ist(a) зафиксировано использование прилагательного с суффиксом -sk(ý)

(diurnistský, modistský). В остальных случаях используется более гармоничный в сочетаниях с -ist- суффикс -ck(ý). Ср.:

beletristický, egoistický, antagonistický и др.

(2) jednatel – jednatelka, jednatelský, jednatelsky, jednatelství; hostitel – hostitelka, hostitelsky, hostitelsky, hostitelství; badatel – badatelka, badatelský, badatelsky, badatelství; lichotník – lichotnice, lichotnický, lichotnický, lichotnictví; milovník – milovnice, milovnický, milovnický, milovnictví (редк.); marnotratník – marnotratnice, marnotratnický, marnotratnický, marnotratnictví; licoměrník (унич.) – licoměrnice, licoměrnický, licoměrnický, licoměrnictví; dirigent – dirigentka, dirigentský, dirigentsky, dirigentství; ignorant – ignorantka, ignorantský, ignorantsky, ignorantství; deklarant – deklarantka, deklarantský, deklarantsky, deklarantství; pozér – pozérka, pozérský, pozérsky, pozérství; konstruktér – konstruktérka, konstruktéřský, konstruktéřsky, konstruktéřství; dezertér – dezertérka, dezertéřský, dezertéřsky, dezertéřství; idealista – idealistka, idealistický, idealistický, idealističnost; formalista – formalistka, formalistický (и formalistní), formalistický, formalističnost; adamita – adamitka, adamitský, adamitsky, adamitství; bandita – banditka, banditský, banditsky, banditství; experimentátor – experimentátorka, experimentátorský, experimentátorský, experimentátorství; instruktor – instruktorka, instruktorský, instruktorský, instruktorství и мн. др. Данная словообразовательная парадигма является, пожалуй, самой продуктивной при образовании производных от иноязычных существительных со значением 'лица'.

В качестве словообразовательного средства при деривации существительного со значением 'отвлеченный непроцессуальный признак' от имен на -ist(a) используется суффикс -ost, являющийся в чешском языке наиболее продуктивной, специализированной морфемой для выражения данного значения. Конкурирующий с ней ИС -ism(us), также способный передавать названное значение (ср. lakonismus//lakoničnost, dramatismus//dramatičnost, komismus//komičnost, dogmatismus//dogmatičnost и др.) уступает, поскольку сфера его функционирования в значении 'отвлеченного свойства' ограничена в чешском языке первой–второй ступенью деривации (ср. lakonický – lakonismus//lakoničnost, drama – dramatický – dramatismus//dramatičnost, dogma – dogmatický – dogmatismus//dogmatičnost, но formální – formalista – formalistický – formalističnost, ideální – idealista – idealistický – idealističnost).

Достаточно продуктивным, особенно для имен с ИС, является вариант двойной парадигмы с пропущенным звеном – 'имя су-

существительное со значением женскости': N—At — [$\begin{matrix} \text{Nat} \\ \text{Ad} \end{matrix}$]. По данной структурной схеме образуют производные существительные с суффиксами -ář(-ař), -ník, -ík; ИС -ant(-ent), -ér(-er), -ist(a), -or(-átor), -át: bačkorář — bačkorářský, bačkorářství, bačkorářsky; kořistník — kořistnický, kořistnictví, kořistnicky; násilník — násilnický, násilnictví, násilnicky; dvojník — dvojnicky, dvojnictví, dvojnicky; kapitulant — kapitulantský, kapitulantství, kapitulantsky; obskurant — obskurantní, obskurantně, obskurantismus и obskurantství; marodér — marodérský, marodérství, marodérsky; maskér — maskérský, maskérství, maskérsky; komandér — komandérský, komandérství, komandérsky; aforista — aforistický, aforističnost, aforisticky; beletrista — beletristický, beletristika, beletristicky; jurista — juristický, juristika (педк.), juristicky; kolonizátor — kolonizátorský, kolonizátorství, kolonizátorsky; inkvizitor — inkvizitorský, inkvizitorství, inkvizitorsky; asiat — asiatský, asiaství, asiatsky. Дериваты obskurantismus // obskurantství являются полными словообразовательными синонимами с конкурирующими суффиксами. Общее значение словообразовательных типов с суффиксами -ism(us) // -stv(í) — 'явление, обобщенно характеризующееся непроцессуальным признаком' (obskurantismus // obskurantství 'мракобесие'). Суффикс -ik(a) выступает в качестве словообразовательного средства при создании имен со значением 'область деятельности, научные дисциплины' от имен прилагательных, мотивированных субстантивами на -ist(a). Данное значение входит в семантический репертуар чешского суффикса -stv(í) (ср. hvězdář — hvězdářský — hvězdářství 'астрономия', houbař — houbařský — houbařství 'микология', návrhář — návrhářský — návrhářství 'дизайн, моделирование, проектирование'), который в силу отмеченных выше фонетических ограничений не способен сочетаться с именами, имеющими в своей морфологической структуре компонент -ist.

Еще один вариант неполной двойной парадигмы (с отсутствующим компонентом 'имя существительное со значением женского лица') демонстрируют производные от существительного gangster. Парадигма отагдъективных дериватов расширена за счет существительного со значением свойства ('название профессии, ремесла, деятельности лица'), маркированного как пейоративное:

N — At — [$\begin{matrix} \text{Nat} \\ \text{Ad} \end{matrix}$] pej. Ср. gangster — gangsterský — gangsterství gan-

gsterina (редк.), gangstersky. При суффиксации посредством чешского суффикса in(a) происходит палатализация предшествующего согласного (ср. чеш. suchý – sušina, mělký – měčina, moký – mokřina и др.). Действие этого закона, таким образом, распространяется и на дериваты, образованные от мотивирующих основ иноязычного происхождения.

Наиболее частотными компонентами простой парадигмы являются имена существительные со значением женского лица, имена прилагательные, имена существительные со значением свойства. Наречия и пейоративные существительные со значением свойства появляются в рамках двойной словообразовательной парадигмы на третьей ступени деривации (опосредствованная мотивация от имен со значением 'лица'). Далее по мере убывания частотности в простую двучленную парадигму от имен с исконными суффиксами входят: глагол, собирательные существительные. Ср.:

$N \left[\begin{array}{c} \text{At} \\ \text{Ncol} \end{array} \right. \text{ krysář (устар.)} - \text{krysařský, krysářit (унич.); } N \left[\begin{array}{c} \text{Nat} \\ \text{V} \end{array} \right. \text{ děvkař (унич.)} - \text{děvkařství (унич.), děvkařit (унич.); } N \left[\begin{array}{c} \text{At} \\ \text{Ncol} \end{array} \right. \text{ námořník} - \text{námořnický, námořnictvo.}$ Названные производные образуются также и от имен с ИС. Однако их появление обусловлено наличием более развитых парадигматических отношений – формированием двойной парадигмы:

$N \left[\begin{array}{c} \text{At} - \text{Nat} \\ \text{V} \end{array} \right. \text{ ministrant} - \text{ministrantský, ministrantství, ministrantit (редк.); } \text{furiant (жспресс.)} \\ \text{furiantský, furiantství, furiantit. Ср. чеш.: } \text{cestář} - \text{cestářský,} \\ \text{cestářství, cestářit (обих.-разг.); } \text{dobytkař} \left[\begin{array}{c} \text{Nat} \\ \text{Ad} \end{array} \right. \text{ dobytkařský, dobytkařství,} \\ \text{dobytkařit (обих.-разг.); } N \left[\begin{array}{c} \text{At} \\ \text{Ncol} \end{array} \right. \left[\begin{array}{c} \text{Nat} \\ \text{Ad} \end{array} \right. \text{ jezuita} - \text{jezuitský,} \\ \text{jezuitstvo (редк.); jezuitství, jezuitsky.}$

Деминутивы входят в состав только трехчленных парадигм²³: при исходной мотивации именем с чешским суффиксом 'лица' парадигма может быть простой, при мотивации именем с ИС – только двойной. Ср.: bubeník – bubenice, bubeníček, bubenický; chalupník – chalupnice, chalupníček (экспресс.), chalupnický; koledník – kolednice, koledníček (экспресс.), kolednický; besedník – besednice, besedníček (редк.), besednictví; knihař – knihařka, knihaříček (редк.), knihařský; kolaborant (унич.) – kolaborantka, kolaborantík, kolaborantíček, kolaborantský, kolaborantství; diletant – diletantka, diletantek (экспресс.), diletantský, diletantství (и di-

letantismus); agitátor – agitátorka, agitátorek (экспресс., унич.), agitátorský, agitátorský, agitátorství.

Глаголы, имена существительные со значением собирательности, деминутивы образуются от имен с исконными и иноязычными суффиксами посредством соответствующих чешских суффиксов -i-, -ova-; -stv(o) -ctv(o); -ík, -íček, -ek, -írek.

Простая трехчленная парадигма, мотивированная именем существительным с исконным суффиксом, третьим компонентом которой является глагол

$$N \rightarrow \begin{cases} Nf \\ At \\ V \end{cases},$$

имеет тенденцию к постепенному усложнению структуры за счет развития вторичного парадигматического ряда от производного имени прилагательного. Имена существительные с чешскими суффиксами 'лица' последовательно реализуют все промежуточные варианты полной двойной парадигмы:

$N \rightarrow \begin{cases} Nf \\ At \\ V \end{cases}$ chatař (разг.) – chatařka, chatařský, chatařit (сленг.)

$N \rightarrow \begin{cases} Nf \\ At - Nat \\ V \end{cases}$ hadrař (устар.) – hadrařka, hadrařský, hadrařit (обих.-разг.), hadrařství; hodinář – hodinářka, hodinářství, hodinářit (обих.-разг.); houslař – houslařka, houslařský, houslařství, houslařit (обих.-разг.) и др.

$N \rightarrow \begin{cases} Nf - Nat \\ At \\ V \end{cases}$ mastičkař – mastičkařka, mastičkařský, mastičkařit (обих.-разг.), mastičkařsky, mastičkařství; hodnostář – hodnostářka, hodnostářský, hodnostářit (ирон.) hodnostářsky, hodnostářství; hvězdař – hvězdařka, hvězdařský, hvězdařit (редк., разг.), hvězdařsky, hvězdařství; lékárník – lékárnický, lékárníčit (обих.-разг.), lékárnicky, lékárnictví.

$N \rightarrow \begin{cases} Nf \\ At \rightarrow \begin{cases} Nat \\ Nat \end{cases} \\ V \end{cases}$ kolář – kolářka, kolářský, kolařit (обих.-разг.), kolářství, kolářina (обих.-разг.); lyžař – lyžařka, lyžařský, lyžařit (обих.-разг.), lyžařství, lyžařina (спорт. сленг.); cihlař – cihlařka, cihlařský, cihlařit (обих.-разг.), cihlařství, cihlařina (обих.-разг.); duchař – duchařka, duchařský, duchařit (обих.-разг., экспресс.), duchařství, duchařina (обих.-разг., экспресс.) и др.

N	[Nf	—	[Nat]	
		At			Nat pej		
		V (обих.-разг.),			Ad		lékař – lékařka, lékařský, lékařit (обих.-разг.), lékařsky, lékařství, lékařina (обих.-разг.).

Имена существительные с ИС реализуют только один вариант данной двойной парадигмы:

N	[Nf	—	[Nat]	
		At			Ad		
		V					lektor – lektorka, lektorský, lektorovat, lektorsky, lektorství.

Примечательно различие стилистических характеристик дериватов, мотивированных именами существительными с исконными и иноязычными суффиксами. Имена со значением свойства, маркированные как пейоративные, в парадигму от имен с ИС не входят вообще (образованные от существительных с исконными суффиксами данные имена употребляются в обиходно-разговорной речи, сленге), а глагол с суффиксом *-ova* – является стилистически нейтральным наименованием (ср. рассмотренные глаголы с суффиксом *-i* – употребляются в сленге или нелитературной речи). Выбор форманта при образовании стилистически нейтрального глагола от литературного существительного *lektor*, очевидно, не был случайным. Как отмечает Р.Х. Тугужева, в чешском языке звук *ř* несет большую эмоционально-экспрессивную нагрузку²⁴. Поэтому при образовании деривата *lektorovat* был использован глагольный суффикс *-ova-*, а не суффикс *-i-*, в позиции перед которым неизбежно наступает палатализация *r//ř*.

Уменьшительные имена существительные, как отмечалось выше, входят в состав, как минимум, трехчленных словообразовательных парадигм, мотивированных именем со значением лица с исконным или иноязычным суффиксом. Исходные имена существительные с чешскими суффиксами демонстрируют пять вариантов парадигм такого типа (простых и двойных), исходные имена с иноязычными суффиксами – только три:

N	[Nf	
		At	
		N dem	
		bubeník – bubenice, bubenický, bubeníček; koledník, - kolednice, kolednický, koledníček (экс-пресс.);	

N — { Nf
 At — Nat knihovník — knihovnice, knihovnický, knihovní-
 Ndem ček (экспресс.), knihovnictví; kominík — komi-
 nice, kominický, kominíček, kominictví; kolabo-
 rant (унич.) — kolaborantka, kolaboraňský, kolaborantík,
 kolaborantíček, kolaborantství; diletant — diletantka, di-
 letantský, diletantek (экспресс.), diletantství (= diletantismus);
 praktikant — praktikantka, praktikantský, praktikantek, praktikan-
 tík (редк.), praktikantství.

N — { Nf
 At — { Nat mladík — mladice, mladický, mladíček (экс-
 Ndem Ad пресс.), mladicky, mladickost (= mladictví);
 agitátor — agitátorka, agitátorský, agitátůrek,
 agitátorský, agitátorství.

N — { Nf
 At — { Nat peji knihař — knihařka, knihařský, knihaříček (редк.),
 Ndem Nat peji knihařství, knihařina (обих.-разг.);

N — { Nf
 At — { Nat peji cukrář — cukrářka, cukrářský, cukrářík,
 Ndem Ad cukráříček, cukrářství, cukrařina (обих.-разг.),
 cukrářsky; komediant — komediantka, komediantský, komediantík
 (редк.), komediantsky, komediantství, komediantština (редк.).

Имена существительные со значением собирательности в со-
 ставе трехчленных парадигм входят в четыре варианта структур-
 ных словообразовательных схем. При этом имена существитель-
 ные с ИС 'лица' мотивируют исходную простую парадигму и за-
 ключительный вариант двойной парадигмы. Имена с чешскими
 суффиксами демонстрируют промежуточные стадии двойных па-
 радигм, а также ее последний вариант.

N — { Nf
 At — { Ncol pasažér — pasažérka, pasažérský, pasažérstvo; kon-
 zument — konzumentka, konzumentský, konzumentst-
 vo (редк.);

N — { Nf
 At — Ad bojovník — bojovnice, bojovnický, bojovnictvo
 N col (устар.), bojovnický.

N — [Nf
At — Nat čtenář — čtenářka, čtenářský, čtenářstvo (книж.),
N. col čtenářství.

N — [Nf
At — [Nat
N. col Ad mučedník — mučednice, mučednický, mučednictvo (устар), mučednický, mučednictví; protestant —
protestantka, protestantský, protestantstvo (устар.), protestantský, protestantství.

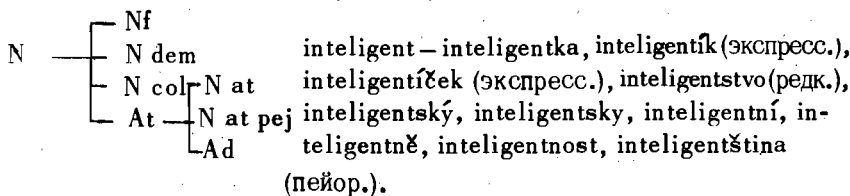
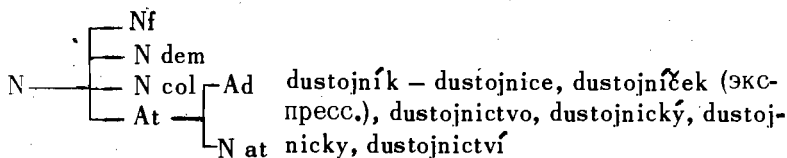
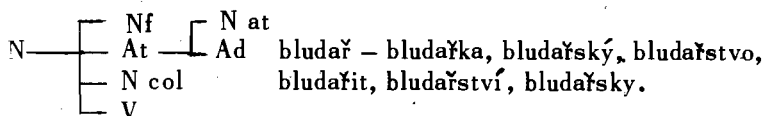
Имена существительные со значением собирательности во всех названных примерах являются редкими, устаревшими или книжными наименованиями. Данные словообразовательные парадигмы не являются продуктивными в современном чешском языке.

Четырехчленные словообразовательные парадигмы представляют собой сочетание обязательных компонентов парадигм — имен со значением женского лица и имени прилагательного — и второстепенных членов — глагол, уменьшительное существительное, имя со значением собирательности. Данные дериваты свободно комбинируются в составе четырехчленных словообразовательных парадигм независимо от происхождения исходного мотивирующего слова. Например:

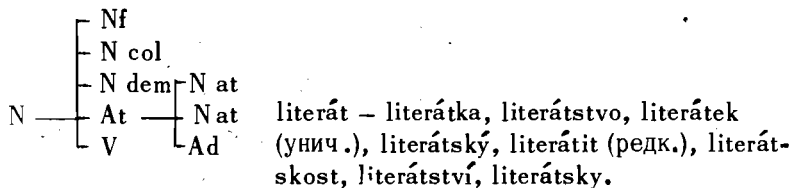
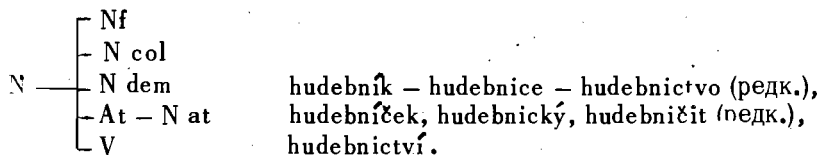
N — [N f
At — [N at
N dem Ad dratník — dratenice, dratenický, drateníček
V (экспресс.), drateníčit (обих.-разг.), dratenictví, dratenicky; diktátor — diktátorka,
diktátorský, diktátůrek, diktátorit (редк.), diktátorství, diktátorsky.

N — [Nf
At — [N at
N dem N at pej frajer (обих.-разг.) — frajerka, frajerský,
V frajereček, frajírek, frajeřit, frajerství, frajeřina.

N — [Nf
At — [N at
N dem N at pej kovář — kovářka, kovářský, kovářík (экспресс.),
V kovářit (обих.-разг.), kovářsky, kovářství, kovařina.

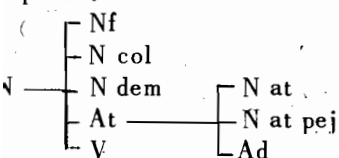

Пятичленные словообразовательные парадигмы, включающие в свой состав имена существительные со значением женскости, собирательности, уменьшительности, имена прилагательные, глаголы, также образуются от исходных основ и с чешскими, и с иноязычными суффиксами. Это двойные парадигмы:

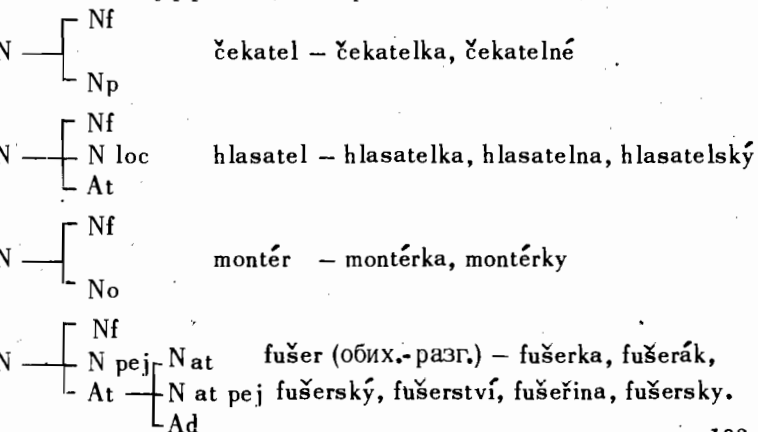

Типовая словообразовательная парадигма от имен существительных с исконными или иноязычными суффиксами 'лица', представляющая собой обобщение всех рассмотренных конкретных словообразовательных парадигм, имеет в чешском языке следующий вид: имя существительное со значением 'лица' – имя существительное со значением женскости, имя существительное со значением собирательности, уменьшительности, имя прилагательное,

глагол, существительное со значением свойства, существительное со значением свойства, маркированного как пейоративное, жаргоне.

Кроме рассмотренных регулярных словообразовательных парадигм, мотивированных существительными рассматриваемого значения, в чешском языке образуются уникальные словообразовательные парадигмы (простые и двойные), включающие в свой состав: имя существительное со значением мужского лица, маркированное как пейоративное (N pej), имя существительное с предметным значением (No), существительное со значением 'вышлаты' (Np), существительное со значением 'места' (N loc), существительное со значением увеличительности (N augm), уменьшительное существительное со значением женского лица (N dem) (мотивация опосредствованная). Эти парадигмы образуются от субстантивов с исконными и иноязычными суффиксами при помощи чешских суффиксальных средств:

N	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Nf} \\ \text{N augm} \\ \text{At} \\ \text{V} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{N at} \\ \text{N at pej} \\ \text{Ad} \end{array} \right.$	lichvář – lichvářka, lichvářisko (экспресс. редк.), lichvářský, lichvářit, lichvářství, lichvářina (обих.-разг.), lichvářsky.

N	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Nf} \\ \text{N col} \\ \text{N dem} \\ \text{At} \\ \text{V} \end{array} \right.$	dělník – dělnice, dělnictvo, dělníček, dělnický, dělničit (обих.-разг.), dělnička (редк.), dělnicky, dělnictví.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Имена существительные со значением 'лица', образованные при помощи исконных и иноязычных суффиксов, имеют одинаковую лексико-грамматическую структуру производных, образующих словообразовательные синтагмы, парадигмы и цепочки, регулярно воспроизводящиеся в процессе дальнейшей деривации на почве чешского литературного языка. Это имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия.

2. Регулярные словообразовательные парадигмы и словообразовательные цепочки имеют тождественную (для имен с исконными и иноязычными суффиксами в основе) лексико-семантическую структуру компонентов: относительные имена прилагательные – суффиксы *-sk(ý)*, *-ck(ý)*, *-n(í)*, имена существительные со значением женскости – суффиксы *-ic(e)* *-k(a)*, уменьшительности – суффиксы *-ek*, *-ík*, *-íček*, *-ůrek*, собирательности – суффикс *-stv(o)*/*-ctv(o)*; имена со значением свойства стилистически нейтральные – суффиксы *-stv(í)*/*-ctv(í)*, *-ost*, а также пейоративные – суффиксы *-in(a)*, *-štin(a)*. Группа имен существительных с общим значением 'свойства' включает следующие словообразовательные значения: 'отвлеченный непроцессуальный признак', 'явление – носитель непроцессуального признака', 'явление (свойство) – носитель предметного признака'. Субстантивы, выражающие последние два значения называют профессию, ремесло, другие виды деятельности лица; его титул, звание, сан; поведение лица, связанное с отличительной чертой его характера и др.

3. Конкретные словообразовательные парадигмы, обладающие одинаковым или близким набором производных, объединяются в типовую словообразовательную парадигму, общую для исходных имен существительных с исконными и иноязычными суффиксами 'лица'. В ее состав входят все перечисленные выше лексико-грамматические и лексико-семантические классы слов.

4. Наиболее продуктивными структурными словообразовательными схемами от имен со значением 'лица' в чешском языке являются синтагмы: N – Nf, N – At; словообразовательные цепочки: N – At – Ad, N – At – N at. Значительной продуктивностью (особенно для имен с ИС) обладает неполная двойная парадигма

$$N \begin{cases} Nf \\ At - Ad \end{cases}$$
, а также полная двойная (двучленная) словообразовательная парадигма

$$N \begin{cases} Nf \\ At \end{cases} \begin{cases} N at \\ Ad \end{cases}$$
. По данным образцам

активно образуются производные от исконных имен существительных и большей части рассмотренных иноязычных субстантивов со значением 'лица'.

Самыми частотными членами словообразовательных парадигм от имен с исконными и иноязычными суффиксами 'лица' являются имена существительные со значением женскости, стилистически нейтральные имена со значением 'свойства', имена прилагательные. Менее частым является образование глаголов и собирательных существительных, реализация которых в словообразовательной структуре обусловлена наличием двойной парадигмы. Образование имен существительных со значением уменьшительности связано в чешском языке: а) для исконных имен со значением 'лица' – с формированием простой трехчленной парадигмы; б) для иноязычных существительных – двойных трехчленных парадигм.

Формирование словообразовательных парадигм, по своему компонентному составу приближающихся к типовой, является прерогативой отдельных, наиболее продуктивных мотивирующих основ независимо от генетической принадлежности исходного слова.

5. От рассматриваемых имен существительных в чешском языке создаются также уникальные словообразовательные пара-

дигмы. Они включают дериваты отмеченных выше лексико-грамматических и лексико-семантических классов, а также имена существительные, не входящие в состав типовой словообразовательной парадигмы. От имен с чешскими суффиксами 'лица' образуются имена существительные со значением: 'выплата' (žekatelně), 'место' (hlasatelna), 'увеличительность' (lichvařisko), уменьшительные существительные со значением женскости (dělnička). От имен с ИС 'лица' образуются: имя существительное со значением мужского лица, маркированное как пейоративное (fušerák), имя существительное со значением конкретного предмета (montérky).

6. При последующем словообразовательном процессе от рассматриваемых субстантивных основ в чешском языке используются, как правило, исконные суффиксальные средства (см. выше). Отмечены, однако, и случаи конкуренции исконных и иноязычных деривационных суффиксов, а также определенные ограничения на сочетаемость исконного суффикса с иноязычной мотивирующей основой (см. о конкуренции суффиксов -ost и -ism (uš), -ik(a) и -stv(í), об ограничениях сочетаемости компонента -ist- мотивирующей основы и суффикса -stv(í)).

7. Дериваты, образованные от рассматриваемых имен существительных, употребляются в различных функциональных стилях чешского литературного языка (научном, публицистическом, художественном, разговорной литературной речи) и в нелитературной речи (обиходно-разговорный язык, сленг). Они могут быть как нейтральными, так и эмоционально окрашенными наименованиями (экспрессивными, уничижительными, пейоративными и др.)

Стилистически и эмоционально маркированные наименования образуются от мотивирующих основ и с чешскими, и с иноязычными суффиксами. Такими дериватами являются, как правило, глаголы, уменьшительные существительные, существительные со значением свойства, маркированного как пейоративное. Однако поскольку существительные иноязычного происхождения в чешском языке относятся в большей своей части к литературным стилям, стилистически маркированные дериваты от данных основ образуются реже, чем от исконных существительных. Или же, в случае реализации структурной схемы со стилистически марки-

рованным компонентом, последние часто имеют помету 'редкое'. В отдельных случаях язык находит способ избежать снижения стилистической характеристики дериватов, образованных от нейтральных существительных иноязычного происхождения (ср., например, использование суффикса *-ova-* при образовании глагола *lektorovat* (< *lektor*)).

Примечания

¹ Об этом свидетельствует, в частности, обширная библиография в книге "Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках" (в печати).

² *Trávníček Fr.* Mluvnice spisovné češtiny. Praha, 1948; *Šmilauer V.* Novočeské tvoření slov. Praha, 1971; Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967; Mluvnice češtiny (I). Fonetika. Fonologie. Morfologie a morfeemika. Tvoření slov. *M. Dokulil, K. Horálek, J. Hůrková, M. Knappová* a jin. Praha, 1986.

³ *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. S. 194.

⁴ *Cuřín Fr., Novotný J.* Vývojové tendence současné spisovné češtiny a kultura jazyka. Praha, 1981. S. 85.

⁵ *Dokulil M., Kuchař J.* Slovo tvorná charakteristika cizích slov. // *Naše řeč.* 1977. R. 60, N 4. S. 169–185.

⁶ *Dokulil M., Kuchař J.* Slovo tvorná charakteristika ... S. 184.

⁷ В данном случае имеется в виду, конечно, лексика, заимствованная современным чешским литературным языком, так как слова, заимствованные в ранний период развития языка не отличаются своей звуковой формой от исконных слов. См.: *Výslovnost spisovné češtiny. Výslovnost slov přejatých. Výslovnostní slovník.* Praha, 1978. S. 27.

⁸ *Výslovnost spisovné češtiny ...*

⁹ Эти формы фиксирует А. Поливкова. См.: *Polívková A.* Handicap, handjcapovat, hendiker, hendikerovat. // *Naše řeč.* 1987. R. 70, N 1. S. 54, В ССЧ, ССЧ, ВСЧ приведены неадаптированные формы слов.

¹⁰ *Martincová O., Vlčková V.* Designer, designér. // *Naše řeč.* 1990. R. 73, N 3. S. 166–168.

11 Актуальность кодификации адаптированной графической формы слова *design* и производных *designér*, *designérka*, *designéřský*, *designéřsky*, *agrodesign* неоднократно подчеркивалась в чешской лингвистической литературе. См.: *Hořejšová M.* *Design // Naše řeč.* 1976. R. 59, N 2. S. 109–112; *Kamiš K.* *Agrodesign // Naše řeč.* 1984. R. 67, N 5. S. 270–271. Однако эта рекомендация пока остается нереализованной.

12

Martincová O., Vilková V. *Designer ...*

13

См.: Главы, посвященные изучению этнического самосознания чешской народности и языковой ситуации в Чехии в XII–XIV вв., в об. "Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма", М., 1989; *Широкова А.Г., Нешименко Г.П.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

14

Стежковская Ю.Е. Интернациональные суффиксы имен существительных в современном чешском и сербскохорватском литературных языках // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках (в печати).

15

Гимпелевич В.С. Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском литературном языке // Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966; *Йирачек Й.* Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (Структурно-сопоставительное исследование). Вроц., 1971; *Смирнов Л.Н.* Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988. С. 5–41; *Тыртова Г.П.* Интернациональные суффиксы в словообразовательной системе существительных сербскохорватского языка // Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

16

Смирнов Л.Н. Опыт характеристики ... С. 29.

17

Сама возможность сочетания иноязычной корневой морфемы и исконного суффикса не вызывает сомнений, поскольку последние являются одним из важнейших средств адаптации заимствованных слов в чешском языке. См.: *Dokulil M., Kuchař J.* *Slovotvorná charakteristika...*

18

Суффикс *-ář* (*-ař*) (лат. *-arius*) в процессе фонетического и словообразовательного развития претерпел такие изменения, что в настоящее время сочетается практически только с чешски-

ми мотивирующими основами и как иноязычными носителями языка не осознается. См.: *Dokulil M., Kuchař J. Slovo tvorná charakteristika ...* S. 173; *Tvoření slov v češtině II...*; *Mluvnice češtiny (I). Fonetika. Fonologie ...* Ср. также: "... окончание -ař по происхождению не является чешским, но оно прижилось, вросло в чешский язык настолько идеально, что стало нашим". *Einer P. Čeština pokleperem a poslechem. Praha, 1948. S. 117.*

¹⁹ Здесь возможна параллельная мотивация имени со значением свойства: исходным существительным со значением лица и отсубстантивным прилагательным.

²⁰ Поскольку слово *husita* образовано посредством иноязычного суффикса (от исконной мотивирующей основы) и данный элемент сохраняется в структуре производных слов, вступая во взаимодействие с исконными деривационными суффиксами, мы сочли возможным включить этот пример в материал статьи.

²¹ Ср.: *design – designér – designérka, designéřský, designéřsky*. См.: *Hořejšová M. Design ...*

²² *Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.*

²³ Трехчленной (четырёхчленной, пятичленной) мы называем простые и двойные словообразовательные парадигмы, имеющие на второй ступени деривации (т.е. при непосредственной мотивации именем существительным со значением 'лица') три деривата (аналогично четыре, пять дериватов).

²⁴ *Тугушева Р.Х. Сопоставительный анализ экспрессивной лексики в близкородственных языках // Исследования по словацкому языку. Отв. редактор Л.Н. Смирнов. М., 1992. С. 181.*

Сокращения

- SSJČ – *Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971.*
SSČ – *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1978.*
SCS – *Klímeš L. Slovník cizích slov. 4. vyd. Praha, 1987.*
VSC – *Výslovnost spisovné češtiny: Výslovnost slov přejatých. Výslovnostní slovník / Ved. red. Chloupek J. Praha, 1978*

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИОННОЙ БАЗЕ УНИВЕРБОВ
(на материале словацкого и украинского языков)

К числу актуальных вопросов изучения динамики в синхронном состоянии языка относится и вопрос об универбизации. Хотя тенденция к универбизации как проявление одного из общих законов развития словарного состава языка в последнее время неоднократно привлекала внимание лингвистов, в ее исследовании немало "белых пятен": к числу насущных задач в разработке данной темы относится выделение и комплексное описание способов универбизации в отдельных славянских языках¹, сопоставительный анализ явления на материале различных языков, характеристика мотивирующей основы универбов. Кроме того, даже сам термин "универбизация" нуждается в уточнении, так как часто употребляется в разных значениях.

Впервые понятие универбизации было введено в славянское языкознание А.В. Исаченко, который рассматривал тенденцию к универбизации как проявление общего закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования путем его преобразования в одно слово². Им же были выделены все виды замены расчлененных наименований однословными, традиционно относимые к сфере универбизации³.

Хотя в работах М. Докулила, А. Едлички и других лингвистов были названы определяющие черты универбизированных наименований (сосуществование на синхронном уровне с многословным наименованием; явная мотивационная связь с ним), термин "универбизация" за время своего функционирования приобрел "целый веер" значений.

Употребляемый в широком смысле, он нередко становится в определенной мере синонимом понятия суффиксальной номинации¹, таким образом, не отражает никакой специфики образования ювых слов. При подобной интерпретации термина "универбизация" исходят из того, что любое новое производное слово всегда соотносимо с синонимичным ему словосочетанием, которое отражает его внутреннюю форму, а процесс образования такого слова естественно рассматривается как преобразование определенного словосочетания (реального или потенциального) в слово⁴.

В связи с этим важной представляется задача определения мотивационной базы универбов, поскольку решение именно этого вопроса даст возможность выделить универбизированные наименования среди всех однословных производных номинаций, которые всегда можно соотнести хотя бы с потенциальной описательной структурой. Функционально-структурный подход при зачислении в разряд универбов однословных новообразований предполагает их существование на фоне реальных синонимичных им многочленных наименований того же предмета мысли, мотивационная связь с которыми не утрачена на данном синхронном срезе функционирования языка. Решающую роль играет характер функционирования исходного словосочетания: это должно быть устойчивое, регулярно употребляемое наименование одного понятия⁵. При переходе такого наименования в моноксему устраняется лишь формальная расчлененность семантически единой номинационной структуры. Возникающие на базе лексикализированных синтагм, универбы являются вторичными наименованиями, они не имеют непосредственного отношения к предикативному уровню, т.е. являются знаками второй степени редукции⁶.

Именно лексический характер синтагм-мотиваторов служит одним из главных критериев выделения универбизированных наименований из массы других однословных номинативных единиц. Возникая из предикативной синтагмы, устойчивые словосочетания выполняют роль расчлененной леммы и уже сами становятся базой для образования специфических однословных наименований — универбов. Такие наименования являются номинативно равноценными отдельному слову, но, сохраняя систему грамматических значений, приобретенных в момент синтаксической интеграции, занимают как бы промежуточное положение между сло-

вом и словосочетанием. Среди критериев, подтверждающих отнесенность устойчивых наименований к лексическому уровню языка, называется и их способность к трансформации в монолексе-мы⁷. В специальной литературе для обозначения лексикализованных синтагм – исходных наименований, на базе которых возникают универбы, наиболее часто используются термины "составное наименование" и "комплексное наименование".

Ряд исследователей противопоставляет довольно активный процесс образования составных наименований в современном языке тенденции к универбизации. Д.Н. Шмелев связывает возникновение и функционирование в лексике составных наименований с тенденцией к семантической регулярности, т.е. к цельноформленности языковых единиц. Причем в некоторых случаях эта тенденция, по мнению ученого, оказывается несовместимой с тенденцией к лексической регулярности (одним из проявлений которой может быть универбизация), например, в случаях, когда расчлененность наименования соответствует структуре лексической парадигмы, членами которой они являются (ср. *белый хлеб – черный хлеб, мягкий вагон – жесткий вагон* и т.д.)⁸.

Соглашаясь с тем, что составные наименования являются едва ли не наиболее активным приемом пополнения словарного состава современных литературных славянских языков, особенно "терминологических" пластов этих языков, А.В. Исаченко, однако, подчеркивает, что это нисколько не противоречит общему закону семантической конденсации, так как при переходе "терминологических" сочетаний в обиходный язык их "эксплицитная" форма очень быстро заменяется "эллиптической" формой. Универбы больше отвечают структурному принципу остальных мотивированных слов, так как слово называет предмет по одному отдельному признаку, не всегда самому существенному⁹.

Наиболее часто в специальной литературе в качестве мотивационной базы универбов описываются двусловные атрибутивные наименования, в которых определяемый член выражен именем существительным, а определяющий – именем прилагательным. Действительно, это наиболее оптимальный и чаще всего встречающийся структурный тип исходной базы универбизации. Подавляющее большинство универбизированных наименований,

зафиксированных в толковых и двуязычных словарях словацкого и украинского языков, соотносятся с двусловными адъективно-субстантивными устойчивыми словосочетаниями, например, укр. *вантажівка* – *вантажна машина* (ВК, 1991), *заразка* – *заразна кімната* (ЮЩ), *карбідка* – *карбідна лампа* (ЛУ, 1992), *концентрак* – *концентраційний табір* (ЛУ, 1991), *насушник* – *насушний хліб* (ЯС), *резовики* – *резові чоботи* (ЯС), "*Спортивка*" – "*Спортивна газета*" (КН, 1992); слвц. *asfaltka* – *asfaltová cesta*, *nákladniak* – *nákladné auto*, *občianka* – *občianska legitimácia*, *osobák* – *osobný vlak*, *paralelka* – *paralelná trieda*, *paузák* – *paузovací papier*, *petrolejka* – *petrolejová lampa* (KSSJ). Поскольку данная статья не ставит целью описание всех способов универбизации, подобранные примеры иллюстрируют лишь наиболее продуктивный способ преобразования расчлененных наименований в слово – суффиксальную деривацию. Наиболее продуктивными словообразовательными формантами, используемыми при данном способе универбизации, являются следующие: слвц. *-k(a)*, *-ák/-iak*, *-áč/-iač*, *-ň(a)*, *-ár/-iar* и другие; укр. *-к(a)*, *-(н)ик*, *-ак* и другие.

Адъективно-субстантивная модель лексикализированных двусловных наименований является, бесспорно, идеальной (мотивировочный признак уже найден и зафиксирован в виде определяющего члена), хотя и не единственной исходной базой для универбизации (атрибутивная часть может быть выражена и другой частью речи: слвц. *roman J. Verneho* – *verne(o)vka* (KSSJ); укр. *азбука Морзе* – *морзякка* (SUS)). Характерно, что в славянских языках действует активное правило трансформации различных типов субстантивных словосочетаний с несогласованным определением в удобную для суффиксальной деривации адъективно-субстантивную формулу (например, *улица Пушкина* – *Пушкинская улица*).

Широкое распространение в качестве исходной базы универбизации двусловных наименований с одним определением (согласованным или несогласованным), устранение необходимости выбора мотивирующего признака при переходе такого рода лексических единиц в моноксемы в какой-то мере объясняет тот факт, что большинство исследователей ограничивает рамки процессов перехода в универб наименованиями двусловной структуры.

Вопрос о синтаксической форме составного наименования, способного преобразоваться в универб, поднимался в указанной монографии Е. Калишана. По мнению автора, мотивационной базой универбизированного наименования может стать любое словосочетание субстантивного значения, независимо от способа его грамматического (синтаксического) оформления, от семантико- категориальных свойств сочетающихся лексем, от наличия или отсутствия служебных слов, а также от количества лексем, входящих в состав этого словосочетания. Число слов принципиально не ограничено, хотя наименование в целом не может выходить за рамки одного состава предложения¹⁰.

Тезис о неограниченности числа слов, входящих в составное наименование, подвергающееся универбизации, о разнообразии синтаксической оформленности исходного наименования представляется приемлемым, но нуждается в уточнении.

Необходимо подчеркнуть, что при всем разнообразии типов составных наименований и их различной синтагматической протяженности их структура всегда двучленна. Если исходить из теории Я. Розвадовского о том, что любое наименование возникает как двучленное, поскольку в акте номинации учитывается как родовая принадлежность (*genus proximus*), так и видовое отличие (*differentia specifica*) обозначаемого явления¹¹, то в структуре многословного наименования одного предмета мысли наблюдается соотношение родового и видового аспектов в явном виде: субстантивный компонент играет роль идентифицирующего члена, а атрибутивный – дифференцирующего. Атрибутивная часть может состоять из нескольких слов – как согласованных, так и несогласованных определений (например, слов. *auto značka Praga – pragovka (KSSJ)*). В связи с этим необходимо разграничивать при универбизации мотиваторы семантический, в качестве которого выступает составное наименование в целом, и формально-структурный (или непосредственный), находящий отражение в морфологической структуре результирующей единицы – универба. В роли последнего выступает лишь одна из составных атрибутивного компонента исходного наименования, ведь при наименовании вполне достаточен один признак¹².

Рассмотрим процесс преобразования многочленного составного наименования в однословное образование на примере из украинского языка.

Один из вузов г. Киева носит официальное наименование "Український Міжнародний Університет "Кієво-Могилянська Академія". В настоящее время, благодаря широкому освещению в средствах массовой информации процесса возрождения этого старинного учебного заведения, в среде студентов и преподавателей Университета получило распространение универбизированное наименование "Кієво-Могилянська" (ЛУ, 1992)¹³. Но наиболее употребляемым названием нового киевского учебного заведения является двучленное по структуре "Кієво-Могилянська Академія". Если "громоздкое" полное наименование используется только в официальном стиле, а универбизированный его синоним несет печать разговорности и даже сленговости, то двучленное наименование является наиболее приемлемым для нейтральных стилей языка как по стилистической окраске, так и по синтагматической протяженности. Можно предположить, что последнее явилось промежуточным звеном при переходе составного наименования в моноксему.

Собранный нами языковой материал и анализ специальной литературы позволяет сделать некоторые выводы об особенностях соотношения универбов и исходных составных наименований. Смысловым мотиватором универба может быть разветвленная структура, представляющая собой название какого-то определенного объекта: учреждения, предприятия, организации и т.д. Универб, являющийся полным смысловым эквивалентом такого исходного наименования, также должен считаться именем собственным – его синонимом, причем контекстуальным. Например, слвц. универбизированное наименование типа *automobilka* в определенном контексте может восприниматься как эквивалент полного наименования конкретного завода соответствующего профиля. В таком случае атрибутивная часть исходного наименования, как правило, включает в себя, кроме непосредственного (формально-структурного) мотиватора универба, и другие определения: по месту нахождения предприятия, по имени собственному, по порядковому номеру и т.д. (например, слвц. *magnezitka – Slovenské magnezitové závody (DSZ)*). Но довольно распространено употребление слов данной группы в роли нарицательных наименований, обозначающих любое предприятие, выпускающее определенную продукцию. Именно такого рода общие универбизирован-

ные наименования и фиксируются словарями. Толкование подобных номинаций соотносит их с составными наименованиями общего значения с ограниченным числом компонентов (ср. с примерами из KSSJ: *likérka – továreň na výrobu likérov*; *celulózka – továreň na výrobu a spracovanie celulózu* и др.). Наличие именно таких общеупотребительных номинаций делает универбизацию не проявлением единичных случаев замены многословных наименований их однословными синонимами, а устойчивой тенденцией. Процесс стилевой нейтрализации таких универбов происходит очень быстро. О немаркированности некоторых названий такого рода свидетельствует то, что они могут становиться частью официальных названий предприятий (ср. слвц. *Slovenské celulózky a papiarne, Vagónka Poprad* (DSZ)).

Очевидно, в процессе преобразования многочленного наименования в универб может иметь место переходный этап. Роль промежуточного звена между исходной и результативной единицами в акте универбизации, если таковое действительно наблюдается, играет сокращенное наименование. Оптимальной для преобразования в универб является двусловная структура, состоящая из двух компонентов: субстантивной части и атрибута, выраженного согласованным или несогласованным определением. Схему поэтапного перехода развернутых номинаций в монологемы можно проиллюстрировать следующими примерами: *Київська дитяча художня школа № 3* (КДХШ № 3) – *художня школа* – *художка* (ВК, 1991); слвц. *momentná fotografická snímka* – *momentná snímka* – *momentka* (KSSJ), *továreň na výrobu polyetylénu* – *polyetylenová továreň* – *polyetylenka* (KSSJ).

Необходимо отметить, что существование сокращенного промежуточного звена при переходе номинаций более чем двусловной структуры в монологемы не является общим правилом. Существует целый ряд универбизированных образований, непосредственно соотносящихся с многословными наименованиями без какого-либо реального промежуточного звена (ср. слвц. *hodvábka – továreň na spracovanie hodvábu*, *záchránka – auto záchranej služby*, *zbrojovka – továreň na výrobu zbraní* (KSSJ)). О поэтапном переходе "громоздких" многословных наименований в универб через двусловную структуру с непосредственным (формально-структурным) мотиватором универба в виде атрибутивной части можно говорить только как о тенденции.

Особого внимания заслуживают случаи двойственной мотивации, когда универбизированное наименование может соотноситься с несколькими исходными составными наименованиями с одним лексическим значением, но с разной грамматической оформленностью атрибутивной части (например, слвц. *šatovka* – *šatová látka/látka na šaty* (DSZ), *textilka* – *textilová továreň* (DSZ)/*továreň na textil* (KSSJ) и др.). Так как одинаково возможна мотивационная связь новообразования и с согласованным, и с несогласованным определениями, в таких случаях трудно установить непосредственный мотиватор универба и, следовательно, деривационную модель, по которой он образован.

Очень важным оказывается определение мотивационной базы универбов при решении вопроса о статусе имен существительных со значением лица по профессии или роду занятий. Не вызывает сомнений универбизированный характер слов типа слвц. *očiar* (DSZ), *zubár* (KSSJ), *zvukár* (KSSJ), так как наблюдается существование данных двусловных наименований с устойчивыми двусловными словосочетаниями в лексической системе словацкого языка (соответственно *očný lekár*, *zubný lekár*, *zvukový technik*). В то же время занесение в разряд универбов целого ряда имен существительных с указанным значением вызывает возражения. Так, в коллективной работе “*Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*” к универбам отнесены немаркированные названия лиц по профессии, которая до этого не имела названия. Вряд ли описательную структуру, с которой соотнесены такие наименования, можно квалифицировать как устойчивое составное наименование, ср. слвц. *mazutár* – “*robotník energetických zariadení na mazut*”, *pečivár* – “*kto sa učí vyrábať trvanlivé pečivo*”, *plstiar* – “*kto sa zaoberá spracovaním plsti*”¹⁴. Представляется, что такого рода номинации возникли по определенным словообразовательным моделям, не связанным с универбизацией. Это чисто деривационные производные от имен существительных, обозначающих производственную сферу, к которой данное лицо имеет отношение по роду занятий, производимую им продукцию или материал, с которым оно работает. Характерно, что такие наименования входят в литературный язык без какой-либо стилистической маркированности, без разговорной или сленговой стадии¹⁵. Это объясняется тем, что, не имея мотивирующих мно-

гословных синонимов, они исполняют номинативную функцию по отношению к обозначаемым объектам действительности и в официальном стиле языка.

По-другому, видимо, решается вопрос о наименовании лиц по признаку отношения к предприятию, институции, движению, организации. Думается, что многословные сочетания с опорным компонентом типа слвц. *pracovník, člen, účastník, príslušník* и др. являются устойчивыми составными наименованиями, один из компонентов атрибутивной части которых становится формально-структурным мотиватором универбизированного производного, например, слвц. *hlinikár – pracovník Hlinikárne v Žiari nad Hronom, ochranár – člen zväzu pre ochranu prírody (DSZ)*.

При образовании универбов по данному признаку в словацком языке часто используется также суффикс *-ák/-iak* (*tatrovák – pracovník závodu Tatra (KSSJ), zväzák – člen Socialistického zväzu mládeže (KSSJ)*). Возникшие с помощью продуктивного при образовании сленговых выражений суффикса универбы на протяжении длительного времени сохраняют стилистическую маркированность: в словарях они обозначаются как разговорные (*zväzák*) или как сленговые (*textilák, priemyslovák (KSSJ)*) элементы. В официальном стиле функционируют составные наименования, мотивирующие данные универбы.

До сих пор спорным остается вопрос об отнесении к сфере универбизации различных типов сложных и сложносокращенных слов. Решающим критерием в этом вопросе следует считать характер соотношения исходной и результативной структур. Если при образовании сложных слов происходит чисто механическое соединение двух слов в одно целое, без сокращения объема высказывания (слвц. *pravdepodobný*) или только компрессия синтагмы, с сохранением всех компонентов высказывания (слвц. *svetonázor*), то такие образования, на наш взгляд, неправомерно относить к универбам. Универбизация предполагает конденсационный характер соотношения исходной и результативной структур. Сложносокращенные наименования мы также не относим к сфере универбизации, поскольку они в основном являются лишь графическими эквивалентами исходных составных наименований. Если же сложное или сложносокращенное наименование соотносится с устойчивым словосочетанием, один из компонентов ко-

орого был опущен при образовании моноксемы, его характеристика как универбизированного наименования представляется правданной. Словообразовательный формант производного слова становится своеобразным эквивалентом элиминированного компонента исходного наименования, ср. словц. hráč stredu pol'atredopoliar, zápasník vo vol'nom štýle – vol'noštyliar; člen komplexnej racionalizačnej brigády – člen KRB – káerbéčkar, pracovník Bratislavských automobilových závodov – pracovník BAZ – jazkár (DSZ). Интересно структурное соотношение между сложным или сложносокращенным универбом и его исходным наименованием с точки зрения мотивационной связи между ними. Универб, содержащий в своем морфологическом составе две (несколько) основы, имеет два (несколько) формально-структурных мотиватора. Подобные универбизированные наименования можно считать особой словообразовательной моделью универбизации.

При исследовании явления универбизации ставился вопрос о родовом соответствии между исходными и результативными единицами. М. Докулил считает правомерным говорить об универбизации лишь в тех случаях, когда однословное наименование перенимает грамматический род опорного компонента базового наименования. Отсутствие же родовой преемственности в соотношении исходной и результативной единиц как будто лишает последнюю статуса универба¹⁶.

Тезис о релевантности грамматического рода для актов универбизации не был поддержан в работах других авторов, посвященных универбизационным процессам в языке¹⁷. Его абсолютизация не находит подтверждения и при анализе конкретного языкового материала.

Думается, что нельзя ставить решение вопроса о мотивационной связи однословного наименования и синонимичного ему двусловного образования в зависимость от совпадения их родовой принадлежности. В противном случае придется отказать в статусе универба не только некоторым вторичным однословным новообразованиям, но и отдельным членам одного омонимичного ряда, условия появления которых совершенно одинаковы, а также части лексических значений одного и того же универба, имеющего в качестве мотивирующей основы составные наименования

разных родов, ср. слов.: *hodinovka* – *hodinová lekcia*(f), *hodinovka* – *hodinový beh*(m) (DSZ); *prípravka* – 1. *prípravná škola*(f), 2. *prípravný kurz*(m) (KSSJ).

Правило родового соответствия между исходными и результативными универбизированными единицами действительно лишь в отношении некоторого набора универбов. Это касается прежде всего определенного способа универбизации, а именно субстантивации, при которой "правило Докулила" о родовой преемственности находит системное выражение.

Общим правилом субстантивации является сохранение кондесатом формы рода в соответствии с родовой принадлежностью элиминированного существительного¹⁸. В украинском языке, где данный способ сокращения составных наименований является продуктивным, образуются целые ряды с одним опорным компонентом, служащие моделью для преобразования составных наименований: *історичний, філологічний, юридичний* (факультет); *дитяча, учительська, передня* (кімната); *колоскові, зернові, озимі, ранні* (культури) (ЯСУМ).

Своеобразно проявляется действие правила соответствия грамматического рода составного наименования и универба при суффиксальной универбизации. Словообразовательные системы интересующих нас языков предоставляют средства для выражения данной тенденции, поскольку при универбизации используются суффиксы, оформляющие субстантивные новообразования как женского (суф. слов. -k(a), укр. -к(a)), так и мужского (слов. -ák/-iak, -áč/-iač, -ár/-iar; укр. -ак, -ик и некоторые другие) рода. В некоторых случаях при универбизации используются различные суффиксы для образования универбов из составных наименований с одинаковой атрибутивной частью и разными субстантивными компонентами. Для выбора словообразовательного форманта при переходе таких словосочетаний в однословное наименование определенную роль играет род опорного компонента, ср. слов. *pásová píla*(f) – *pásovka, pásový traktor*(m) – *pásak*; *plechová nádoba*(f) – *plechovka/plechovica, plechový hrniec*(m) – *plecháč* (KSSJ).

Несмотря на наличие в арсенале универбизационных словообразовательных средств суффиксов, оформляющих имена существительные разной родовой принадлежности, все же нельзя

говорить о последовательном использовании этого свойства системы словообразования. Среди суффиксальных универбов находим немало образований, не соответствующих своим смысловым многочисленным аналогам по родовой принадлежности, ср. слвц. *delegačka* – *delegačný list(m)* (NO); *nafukovačka* – *nafukovacie ležadlo(n)* (KSSJ); *trojtonovka* – *trojtonové nákladné auto(n)* (KSSJ).

В связи с этим интересно проанализировать действие правила родовой преемственности при универбизации по отношению к разным универбизационным словообразовательным типам и средствам. Продуктивный при универбизации суффикс *-k(a)://-κ(a)*, характеризуется индеферентностью в плане соотношения родов мотивирующего и резульативного наименований. При образовании большого числа универбов на *-k(a)://-κ(a)* принцип сохранения грамматического рода исходного наименования "игнорируется". По-другому обстоит дело с продуктивным при образовании сленговых выражений слвц. суффиксом *-ák/-iak*. Словообразовательные типы с этим формантом обнаруживают тенденцию к соблюдению правила родовой преемственности: подавляющее большинство универбов с этим суффиксом, зафиксированных в нашей картотеке, соотносится с составными наименованиями, включающими имя существительное мужского или среднего рода, ср. слвц. *panelák* – *panelový dom*, *tranzistorák* – *tranzistorové radio*, *zlepšovák* – *zlepšovací návrh* (KSSJ); *osobák* – *osobné auto*, *vodičák* – *vodičský preukaz*, *zimák* – *zimný štadión* (DSZ) и многие другие. Нами обнаружено лишь два примера нарушения данного правила при этом типе словообразования: *telák* – *telesná výchova(f)* (DSZ), *vlniak* – *vlnená šátka(f)* (KSSJ). Малочисленность исключений из общего правила говорит об устойчивости данной тенденции. Очевидно, возможность использования суффикса *-k(a)*, характеризующегося широким диапазоном стилистической окрашенности включающих его однословных производных, для образования стилистически маркированных выражений позволяет придерживаться принципа родовой релевантности при преобразовании составных наименований в сленговой коммуникационной сфере, тогда как в более нейтральных стилях языка возможности применения данного принципа ограничиваются "давлением" продуктивных словообразовательных моделей, активных при производстве имен существительных определенных семантических

категорий и стилистической характеристики и диктующих таким образом родовую принадлежность суффиксальных образований, в том числе и универбов¹⁹.

Отличительной особенностью универбов, образованных путем нулевой суффиксации (усечение адъективного компонента составного наименования) является их принадлежность к определенному типу склонения, а именно к типу существительных мужского рода на твердый согласный, ср. укр. *автомат – автоматичний залік* (Н, 1991), *кібер – кібернетична установка* (У, 1991), *факультатив – факультативне заняття* (СУМ). Флективное оформление универба, относящее его к типу склонения женского рода, в принципе не свойственное отадъективным конденсатам, сигнализирует об усиленно экспрессивной окрашенности новообразования (например, *лабораторная работа – лаба* (PPP)).

Таким образом, при нулевой суффиксации действует определенная модель родового зачисления универбизированных новообразований независимо от рода субстантивного компонента базового словосочетания.

Определение мотивационной базы универбизации как устойчивого, регулярно употребляемого наименования одного предмета мысли, способного трансформироваться в однословную номинацию, позволяет выделить один из главных признаков универбизированных наименований. По синтаксической структуре и синтагматической протяженности исходные единицы универбизации могут быть различными, но при этом их состав сводится к двум компонентам: субстантивному члену и согласованной или несогласованной атрибутивной части, выраженной одним или несколькими словами. В процессе преобразования составного наименования, включающего более двух компонентов, предполагается существование сокращенной промежуточной структуры, как правило, двусоставной, атрибутивная часть которой и является непосредственным (формально-структурным) мотиватором универба. Родовое соответствие исходной базы и результативной единицы является обязательным правилом только для универбизации посредством субстантивации. При суффиксальном способе универбизации грамматический род опорного компонента исходного словосочетания оказывается релевантным лишь для отдельных сло-

вообразовательных типов. Таким образом, достаточным признаком универбизированного наименования является его сосуществование на одном синхронном срезе функционирования языка с устойчивым многословным наименованием, неутраченная мотивационная связь с ним и конденсационный характер соотношения исходной и резульативной структур.

Примечания

¹ Попытка комплексного описания всех возможных способов универбизации (и явления в целом) в одном из славянских языков, а именно в русском, была предпринята в монографии: *Kalisan J.* Семантико-конденсационная универбизация составных наименований в современном русском языке. *Poznań*, 1986.

² *Исаченко А.В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia. Roč.* 27. 1958. S. 339.

³ Существуют различные точки зрения на правомерность отнесения тех или иных способов достижения однословности наименования к сфере универбизации. Собственно универбизационными способами преобразования лексических единиц мы считаем следующие: суффиксальная деривация, эллипсис определяемого члена, некоторые случаи нулевой суффиксации. См.: *Сидоренко О.М.* Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві // *Мовознавство*. 1992. № 4. С. 42–47.

⁴ *Сахарный Л.В.* Структура слова-универба и контекст // *Словообразовательные и лексические процессы в языке*. Пермь. 1977. С. 27.

⁵ *Широкова О.Г.* Дериваційна універбізація в чеській мові (у зіставленні з російською) // *Функціонування і розвиток сучасних слов'янських мов*. К. 1991. С. 199.

⁶ *Тараненко О.О.* Смыслова основа процесів словотворення // *Мовознавство*. 1982. № 5. С. 24.

⁷ *Kalisan J.* Op. cit. S. 8.

⁸ *Шмелев Д.Н.* О некоторых тенденциях развития современной русской лексики // *Развитие лексики современного русского языка*. М. 1965. С. 9–11.

⁹ *Isačenko A.K.* O některých zákonitostech v oblasti pojmenování // *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Jazyk a literatura* 3. Praha. 1956. S. 19.

- 10 *Kaliszan J.* Op. cit. S. 9.
- 11 *Rozwadowski J.* О двучлѣновѣсти выразѡв. // *Язык польски.* 1921. № 5. S. 133.
- 12 *Isačenko A.W.* Op. cit. S. 9.
- 13 Представляется, что с синхронной точки зрения этот языковой знак является моноксемой, так как мотивировавшее его имя прилагательное "Киево-Могилянський" является устойчивым определением киевской Академии.
- 14 *Horecký J., Vuzásyová K., Bosák J.* a kolektív. *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny.* Bratislava. 1989. S. 302–303.
- 15 Там же. S. 303.
- 16 *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov. Praha. 1962. S. 116–117.
- 17 О несущественности родового соответствия исходных и результативных единиц см.: *Лопатин В.В.* Рождение слова. М. 1973. С. 44–45; *Русская разговорная речь.* М. 1971. С. 410.
- 18 *Русская разговорная речь.* М. 1971. С. 129.
- 19 *Kaliszan J.* Op. cit. S. 12.

Сокращения

ВК	– г. "Вечірній Київ"
КН	– г. "Киевские Новости"
ЛУ	– г. "Літературна Україна"
Н	– г. "Независимость"
PPP	– <i>Земская Е.А.</i> Общая характеристика словообразования разговорной речи // <i>Русская разговорная речь.</i> М. 1981.
СУМ	– <i>Словник української мови.</i> К. 1970–1980
У	– ж. "Україна"
ЮШ	– <i>Ю. Щербак.</i> Лікарі. К. 1990
ЯС	– <i>Тараненко А.А.</i> Языковая семантика в ее динамических аспектах. К. 1989
ЯСУМ	– <i>Гринчишин Д.Г.</i> Явище субстантивациї в українській мові. К. 1965
DSZ	– <i>Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny.</i> Bratislava. 1989
HN	– <i>Hospodárske noviny</i>
KSSJ	– <i>Krátký slovník slovenského jazyka.</i> Bratislava. 1987
NO	– <i>Národná obroda</i>
SUS	– <i>Slovensko-ukrajinský slovník.</i> Bratislava. 1985

Л.И. Масленникова

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
НА ПОЛЬСКИЙ ГОВОР
В БЕЛОСТОКСКОМ ВОЕВОДСТВЕ

(к социолингвистической характеристике говора деревни Студзянки)

1.0. В современной диалектологии при полевых исследованиях неизбежно принимаются во внимание социальные аспекты функционирования говора. Так, в зависимости от поставленной научной задачи учитываются социальные условия при выборе пункта для исследования, может быть значимой социолингвистическая дифференциация носителей диалекта и т.д. К тому же сам феномен диалекта (говора) социально ограничен, так как используется в среде сельского населения, обслуживая определенный и ограниченный коллектив людей в рамках внутренней жизнедеятельности этого коллектива (семейно-бытовые, производственные отношения в деревне).

1.1. Если же объектом исследования являются говоры, функционирующие в условиях билингвизма, то их изучение необходимо начинается с выяснения социолингвистической ситуации, определяющей статус каждого из контактирующих языков и взаимоотношения между ними. Потому что сам билингвизм возникает в результате функционирования языка (как средства коммуникации) в определенных социальных условиях.

Э. Хауген писал: "Лингвисты, занимавшиеся полевым исследованием конкретных явлений языкового контакта, неизбежно собирали также огромный материал по неязыковым аспектам этого вопроса. Сюда относятся такие вещи, как данные обстоятельства, при которых был усвоен и пускается в ход каждый из языков; о более широких социальных факторах, приведших к их усвое-

нию и употреблению; об отношении к употреблению этих языков; о способности и умении говорящих не только пользоваться каждым языком в отдельности, но и избегать интерференции или, наоборот, прибегать к ней; о тенденциях развития, ведущих к вытеснению того или иного из этих языков; о плюсах и минусах двуязычия; наконец, о связанных с этим политических и образовательных проблемах"¹. Столь обширное цитирование работы Э.Хаугена обусловлено тем, что он дает весьма широкий перечень проблем, очерчивающих социолингвистическую характеристику, в частности, и такого языкового идиома, как диалект, функционирующий в условиях языкового контакта.

Поскольку понятие билингвизма может рассматриваться применительно и к отдельной личности, и к коллективу говорящих, имеются различные подходы к этой проблеме: кроме психологии и психолингвистики она существенна также для социологии и социолингвистики.

Известно, что в лингвистике билингвизм (полилингвизм) понимается как результат языкового контакта. Под термином "языковой контакт", введенным в научный обиход А. Мартине и У. Вайнрайхом, подразумевается "попеременное использование двух или более языков одними и теми же лицами"².

Однако изучение процесса овладения вторичным (неродным) языком подразумевает такие исходные понятия, как речевое произведение, языковая система, принадлежность речевого произведения языковой системе, общение и механизм речи. Отсюда вытекает психолингвистическое определение билингвизма как психического механизма (включающего знания, умения, навыки), который позволяет человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам³. В сущности это развернутое определение того же самого объекта, который имеет в виду У. Вайнрайх, давая формулировку понятия билингвизма как "практики попеременного использования двух языков"⁴.

Существует психологическая типология билингвизма. Классификация типов может быть произведена по многим критериям. Для характеристики ситуации языкового контакта в сельском населенном пункте целесообразно оценивать билингвизм носителей говора по степени усвоенности ими вторичной языковой си-

темы. В соответствии с этим критерием выделяются три типа илингвизма⁵: 1) рецептивный – если билингв понимает речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, но не более того; при таком билингвизме достигается понимание текста, но порождение артикулируемой речи отсутствует; 2) с этим тесно связан репродуктивный билингвизм – умение, позволяющее билингву воспроизводить (т.е. цитировать) слух или про себя прочитанное и услышанное; 3) продуктивный билингвизм (его еще называют активным) – если данное умение позволяет билингву не только понимать и воспроизводить речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, но и порождать их; основное отличие от репродуктивного илингвизма – это умение творчески строить речь; при этом с точки зрения языковой нормы может строиться правильная и неправильная речь.

В принципе, основным последствием контактирования языков является процесс языковой интерференции, которая возникает вследствие "наложения двух систем в процессе речи" и определяется как "случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками"⁶. Результаты процесса интерференции имеют самостоятельное значение в лингвистическом аспекте (обнаруживаясь в модификациях различных структурных элементов языка), но также служат и для социолингвистической характеристики населенного пункта, позволяя структурировать данный коллектив носителей диалекта с точки зрения умений строить речь на неродном языке.

1.2. Следует также кратко остановиться на социолингвистической классификации по признаку (критерию) "способ усвоения умения". Здесь различается, прежде всего, естественный и искусственный билингвизм. В процессе непосредственного контакта двух этноязыковых идиомов возникает естественный билингвизм⁷. В этом случае обучение вторичному (неродному) языку происходит в тех же условиях, что и обучение родному языку, т.е. при непосредственном общении. Стимулом для обучения является потребность в коммуникации. Данный вид билингвизма – обычное явление в тех местностях, где совместно проживают разные этноязыковые группы населения. Искусственный би-

лингвизм возникает, как правило, в тех случаях, когда обучение языку происходит в школе или на специальных занятиях. В этом случае стимулом для обучения является не только потребность в коммуникации, но и другие мотивы. Когда естественные и искусственные условия обучения существуют одновременно, возникает промежуточный тип — синтезированный билингвизм.

1.3. Из приведенных выше кратких сведений о билингвизме и его классификациях, разработанных в разных научных дисциплинах, следует, что и сама ситуация двуязычия, и процессы интерференции являются социально обусловленными. Так, уже в самом факте языкового контакта, предполагающего, по определению, регулярное переключение с одного языка на другой, содержится социальный момент: использование того или иного языка обычно зависит от ситуации общения.

При любом типе билингвизма усвоение вторичного языка ощущается как необходимость и прежде всего — как социальная необходимость. Социальные условия, в которых индивид или определенная социальная группа испытывает потребность в усвоении вторичного языка, Э. Хауген назвал "языковым давлением". Языковое давление, по его мнению, обладает по отношению к индивидам такой же принудительностью, как и все другие социальные факторы. Степень языкового давления может быть различной в зависимости от конкретных социальных условий, в частности, например, от престижности языка. При этом, "некоторые проблемы, возникшие при изучении двуязычия, окажутся почти целиком связанными не столько с языком, как таковым, сколько с ситуациями общения между их носителями, принадлежащими к разным культурам. Собственно лингвистическая же задача здесь состоит в том, чтобы давать точную и существенную информацию о соответствующих языках"⁸.

1.4. В целом социолингвистический аспект изучения говора (языка) предполагает исследование функционирования говора (языка) в социальных группах и у отдельных индивидов в границах определенной территории, в частности — в рамках ограниченного языкового коллектива, каковым является население одной деревни (или более крупного сельского населенного пункта, или группы деревень, расположенных на относительно компактной территории). Если к тому же в данном населенном пункте существует ситуация двуязычия, то исследуется также и умение строить речь (степень

знания контактирующих языков), и качество порождаемой речи (ее особенности в сопоставлении с языком-эталоном, например, с литературным языком).

Полевое обследование речи отдельных жителей деревни дает основание объединить их в определенные группы, характеризующиеся сходством или тождеством ряда языковых черт в пределах одной группы и различием этих черт в разных группах. Такое структурирование языкового коллектива, основываясь на дифференцированности речи носителей говора, обусловлено вариантностью различных элементов языковой системы, сосуществующих в рамках исследуемого говора.

2.0. Задача данной работы состоит в том, чтобы, опираясь на кратко изложенные выше понятия, описать основные черты языковой ситуации и выявить социолингвистическую специфику функционирования польского говора в дер. Студзянки Белостокского воеводства на территории современной Польши. Полевое обследование проводилось в 1987 г. и 1989 г.

2.1. Деревня Студзянки (Studzianki) входит в состав гмины Васильков (Wasilków) Белостокского воеводства⁹. Она расположена приблизительно в 13 км. к северо-востоку от г. Белостока, к северу от речки Супрасль; в ней около 200 домов и приблизительно 900 жителей. Большинство коренных жителей занимается сельским хозяйством, однако многие работают в Василькове (небольшой городок) или в Белостоке (центр воеводства). Первые сведения об этой деревне восходят к середине XVI века. До 1939 г. эта территория входила в состав Польши. По свидетельству самых старших жителей деревни (1897–1917 гг. рождения), их родители говорили между собой и с детьми только по-белорусски. В деревне была польская школа, однако, возвратившись домой, дети переходили на белорусский язык. Молодежь вне деревни и с чужими говорила по-польски, а среднее и старшее поколение – "по-просту" (poprostu), т.е. по-белорусски, на местном белорусском диалекте, однако все понимали польскую речь (что обусловлено, прежде всего, генетической близостью польской и белорусской языковых систем). Некоторые информанты, которым сейчас более 60-ти лет, в 1938–1939 гг. еще не знали польского языка.

На основании этих сведений, полученных от коренных жителей старшего поколения, следует сделать вывод, что, по крайней мере, на протяжении XX века дер. Студзянки была двуязычной и что польская языковая система была вторичной, а белорусская — первичной, т.е. имел место белорусско-польский билингвизм.

В настоящее время в деревне имеется начальная польская школа. Существенным для этноязыковой идентификации жителей является их вероисповедание — католическое или православное¹⁰. Приезжающие в деревню православный священник и католический ксендз ведут уроки религии в двух разных группах детей — соответственно на русском и на польском языках. И значит, конфессиональная принадлежность родителей может определять языковую ориентацию и характер билингвизма младшего поколения.

2.2. Естественно, что билингвизм в деревне сохраняется. Как известно, ситуация билингвизма практически не бывает стабильной. Вследствие значительно более высокого социального престижа польского языка происходит сокращение сферы использования белорусского языка. Так, на протяжении жизни поколения нынешних 60–70-летних жителей деревни польский язык стал в деревне обычным средством общения наряду с белорусским языком. Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать что языковая ситуация в деревне в целом сейчас иная, чем 50 лет тому назад. В нашу задачу входит представить синхронное описание нынешней языковой ситуации в деревне.

Очевидно, что языковая ситуация в дер. Студзянки характеризуется прежде всего фактом белорусско-польского двуязычия, а также наличием в речи жителей деревни специфических особенностей, которые являются результатом языковой интерференции. Белорусско-польское двуязычие свойственно подавляющему большинству коренных жителей деревни. Исключения могут составлять лишь дети младшего возраста из семей с католическим вероисповеданием. В таких семьях дома между собой уже говорят обычно по-польски, и дети могут слышать белорусскую речь только от соседей. Однако более обычной является ситуация, когда дети с самого раннего возраста слышат и польскую, и белорусскую речь. По свидетельству информантов, по-прежнему велико число семей, в которых дома чаще говорят между собой по-белорусски, чем по-польски. Особенно это относится к семьям, в которых живы представители старшего поколения.

Различные возрастные группы жителей деревни по-разному характеризуются с точки зрения типологии билингвизма и, в частности — с точки зрения усвоенности каждой из контактирующих языковых систем (белорусской и польской). Тождество типов билингвизма наблюдается у людей, близких по возрасту. Поэтому структурирование исследуемого языкового коллектива по признаку усвоенности польской и белорусской языковых систем совпадает с разделением жителей деревни на несколько возрастных групп (другие факторы имеют, как показали наблюдения, менее существенное значение). К старшему поколению следует отнести, прежде всего, лиц, возраст которых старше 70-ти лет. У ряда представителей старшего поколения при вполне адекватном восприятии польской речи отсутствует умение строить речь по-польски. Поэтому во время беседы они на польскую речь отвечают по-белорусски; но возможно и построение фраз, содержащих польские лексические и грамматические заимствования (например: *pań'i xóde u xác'i s'éz"ec', paśóu do ustémpu; a jahó mác"i — ml'ä ćárka; my jéz"om na pšys"uŋga*), а также построение простейших польских фраз с употреблением словоформ, имеющих сходный с белорусским звуковой контур — типа: *pšystanäk, ćarka, burak'i* (ср. белор. *přystának, ćárka, burak'ie*); при этом, произношение максимально адаптируется к белорусским фонетическим навыкам, например: *na pšys"uŋga* (ср. польск. *przysięga*), *kuc"á s pańcáku* — Им. ед. *pańcák* (ср. польск. *z pęcaku* — Им. ед. *pęcak/pęczak*); *Krýs"a pšyv'ózła ks"onšk'ie* (ср. польск. *książki*). Все же чаще старики могут говорить также и по-польски (с ошибками), но построение польской речи требует от них значительных усилий, они быстро устают при разговоре и переходят на белорусский язык (особенно в тех случаях, когда уверены, что их собеседник понимает по-белорусски). Одна из информанток так определила это состояние “*Pań'i, já ták popróstu, bo jazýk n'i krúc"icca papól'sku havarýc*”. Лишь двое среди наших информантов старше 70-ти лет могли свободно строить речь по-польски и не сбивались на белорусский до тех пор, пока к ним обращались по-польски.

К старшему поколению по физиологическим признакам можно относить также людей в возрасте от 50-ти до 70-ти лет. Однако их белорусско-польское двуязычие существенно отличается от рассмотренного выше. Людям этой возрастной группы свой-

ственно активное владение как белорусским, так и польским языком, умение строить речь на обоих языках, свободное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения. С незнакомыми людьми они говорят по-польски. Внутри деревни при общении со своими сверстниками и людьми более старшего возраста обычно пользуются белорусским языком; в каждодневном общении с детьми употребляют либо оба языка, либо только польский. Отметим, что в рамках семьи социальная дифференциация при пользовании тем или другим языком в настоящее время выражена еще очень слабо; здесь оказывается важнее эмоциональная ситуация общения.

Среднее поколение (возраст от 30-ти до 50-ти лет) свободно владеет польским языком. Белорусский понимают все, однако строить речь по-белорусски большинство 30–40-летних может уже с трудом либо вообще не умеет. Различная степень владения белорусским в данной возрастной группе зависит от того, насколько активно используется этот язык в семейном общении, и отчасти — от лингвистических способностей индивида. Из представителей этой возрастной группы одни на белорусскую речь отвечают по-польски (чаще), другие могут и по-белорусски (реже). Они осознают, что их польская речь отличается от литературной польской речи. Весьма точно определила причину этих отличий одна из информанток (1956 г. рождения, работает на фабрике в Белостоке): "Рэпраўам, ja tak poprostu s'ufka'fstav'am, bo roz'ice poprostu rozmav'ajo".

Молодое поколение — это люди моложе 30-ти лет, школьники и дети дошкольного возраста. Общим для них является то, что они все: 1) понимают по-белорусски, но не могут строить белорусскую речь, 2) говорят только по-польски как внутри деревни, так и за ее пределами. На обращенную к ним белорусскую речь отвечают по-польски. Однако дети дошкольного возраста из семей, в которых старшее поколение пользуется в каждодневном общении белорусским языком, говорят и по-белорусски, и по-польски (например, с бабушкой — по-белорусски, а с мамой и с посторонним человеком — на польском языке, если к ним обращаются по-польски).

Сложность языковой ситуации в деревне осознается ее жителями. Так, один из информантов (из старшего поколения) определил ее довольно точно: "U nas poprostu rozmav'ajo, m'ko z'eš

popol'sku rozmav'ajo, davn'ej ž'ec'i f škol'e trudnoš"ci m'el'i s tym język'em (т.е. с польским)".

2.3. Предложенное выше разделение жителей на возрастные группы является весьма условным и дает несколько усредненное представление о типах билингвизма в каждой группе, очерчивает основную тенденцию в процессе контактирования двух языков. В реальной действительности четких границ между группами не существует. Так, некоторые 50-летние жители деревни по своим языковым умениям ближе к 30–40-летним, чем к 60-летним, а билингвизм детей дошкольного возраста более сходен с билингвизмом 50–60-летних, чем 20–30-летних жителей деревни. Это зависит от конкретных социальных условий в семье, от круга и уровня социальных контактов индивида.

В целом же в языковом коллективе жителей дер. Студзянки присутствует весь спектр умений, связанных с овладением вторичной языковой системой – польским языком. Здесь представлен и рецептивный, и репродуктивный, и все оттенки продуктивного билингвизма. Если говорить о направлении развития билингвизма, то следует констатировать плавный переход от рецептивного в группе представителей самого старшего поколения к продуктивному билингвизму среднего и младшего поколения. Польский язык (вторичная языковая система) усваивается и через непосредственный контакт с носителями польского языка (как в деревне, так и за ее пределами), и через школу. С точки зрения социолингвистики в этих условиях констатируется синтезированный билингвизм. Однако основной предпосылкой существования билингвизма в дер. Студзянки является непосредственное общение между носителями белорусского и польского языков, а также воздействие средств массовой информации (прежде всего, радио и телевидения). В школе же, как правило, не обучают с нуля польскому языку, а лишь расширяют и углубляют уже имеющиеся языковые навыки, устраняя (с большим или меньшим успехом) отклонения от польской литературной нормы. В этих условиях, думается, предпочтительнее говорить о естественном билингвизме, который корректируется в школе в направлении овладения польским языком на уровне литературной нормы.

В соответствии с теорией языковых контактов развитие взаимоотношений двух контактирующих языков проходит несколько этапов. На первом этапе – четкое разграничение в функциони-

ровании обеих языковых систем: первичная (в данном случае — белорусская) используется дома, в семье, среди соседей в деревне, а вторичная (польская) — только как средство коммуникации с другой этноязыковой общностью. Далее следует этап активной интерференции, которая обуславливает взаимопроникновение элементов обеих языковых систем. При наличии соответствующих социальных условий, обеспечивающих "давление" вторичной языковой системы, происходит переход к общению на втором языке. На завершающей стадии происходит полная идентификация со вторичной языковой системой, изменение этнического сознания.

2.4. Различные формы соотношения и взаимодействия контактирующих языков в их изменении от старшего поколения к младшему могут быть представлены схематически следующим образом: /говорят по-белорусски ~ понимают по-польски/ \longrightarrow /говорят по-белорусски и по-польски/ \longrightarrow /понимают по-белорусски ~ говорят по-польски/. Отсюда следует, что польский язык (вторичная языковая система) с течением времени усиливает свои позиции, расширяя сферу своего употребления в языковом коллективе деревни. В нынешних социально-политических условиях потребность в знании белорусского языка (первичная языковая система) сокращена до минимума. Сфера его употребления ограничивается обычно семьей, деревней, церковью. С уходом из жизни старшего поколения резко сузится коллектив говорящих по-белорусски и пользующихся этим языком в каждодневном общении. Можно прогнозировать, что при сохранении существующих социально-политических условий польский язык вскоре окажется доминирующим в языковом коллективе дер. Студзянки и для следующих поколений жителей деревни он может стать единственной первичной языковой системой, вытеснив постепенно белорусский и из сферы бытового общения.

2.5. Синхронное описание данного говора (и даже отдельных фрагментов данной языковой системы) дает представление о состоянии польской языковой системы в период активного контакта с белорусской системой и в условиях высокого социального престижа польского языка и нарастающего регресса белорусского языка. Языковая ситуация в дер. Студзянки отражает те языковые процессы, которые происходят по всей Белостокшине и, по-видимому, на всем протяжении польско-восточнославянского пограничья в границах современной Польши.

Активная полонизация восточнославянского этноса в данном регионе ставит перед исследователями вопросы: 1) какую разновидность польского языка усваивает полонизирующееся население; 2) как специфика языковой ситуации влияет на польский литературный язык, который здесь функционирует.

Как известно, белостокский регион находится в зоне, где соприкасаются и взаимопроникают западно- и восточнославянские языковые группы (северо-восточная его часть характеризуется также балтославянскими контактами). На территории, где расположена дер. Студзянки, восточнославянская языковая группа представлена юго-западным диалектом белорусского языка¹¹.

Польская языковая система функционирует в данном регионе в нескольких разновидностях. Помимо мазовецкого диалекта крестьян, переселившихся на восточные земли, польская языковая система реализуется здесь в виде территориальных говоров, на которых говорит полонизировавшееся восточнославянское население в деревнях, а также как региональная разновидность польского литературного языка — культурный диалект. Белостокский культурный диалект польского языка определяется как "польский язык... модифицированный в речи автохтонов"¹² (очевидно, что здесь имеется в виду польский литературный язык).

Жители дер. Студзянки имеют возможность воспринимать польский язык прежде всего в виде белостокского культурного диалекта (а через средства массовой информации также и в виде общепольского литературного языка).

Региональные особенности в польском языке образованных жителей Белостока имеют несколько источников, из которых наиболее существенным признается влияние белорусских говоров, функционирующих на Белостокщине¹³.

Сопоставление собранных нами данных о польском языке жителей дер. Студзянки и сведений о белостокском культурном диалекте, полученных нами путем непосредственного наблюдения или опубликованных в научной литературе, приводит к выводу, что польская речь интеллигенции Белостока и его окрестностей, имея на уровне идиолектов большие или меньшие отклонения от общепольской нормы, отличается от речи крестьян, в данном случае — от польской речи жителей дер. Студзянки. В речи образованных людей реализуется региональная разновидность лите-

ратурного языка, которая и служит базой для обучения польскому языку полонизирующегося белорусского сельского населения. А говоры, развившиеся на основе этого культурного диалекта, обнаруживают на системном уровне существенные расхождения с литературным польским языком, вызванные восточнославянским языковым влиянием.

Ситуация в белостокском регионе (соотношение "польский культурный диалект~ польские народные говоры") во многом сходна с той, которая существует на Виленщине.

Для носителей культурного диалекта (интеллигенции) характерно стремление в своей речи избавиться от региональных черт, которые они осознают как коммуникативно значимые, но отличающиеся от общепольской литературной нормы, и которые в их представлении являются непрестижными. Сельские жители (крестьяне) также осознают отличия в своей польской речи от общепольской нормы. Высокий социальный престиж литературного польского языка обуславливает стремление молодежи овладеть литературной формой языка и способствует "расслоению" языкового коллектива деревни. В этих условиях, описывая польский говор жителей дер. Студзянки, мы тем самым представляем сведения о путях и формах распространения и функционирования литературного польского языка в северо-восточной части современной Польши.

3.0. В данной работе будут рассмотрены лишь некоторые специфические черты вокализма этого польского говора, характеризующие его с точки зрения социолингвистической дифференциации исследуемого языкового коллектива. Для выявления фонетической специфики польской языковой системы в дер. Студзянки полученные данные сопоставляются с литературной нормой польского языка. Таким образом, литературная форма польского языка используется как язык-эталон, в сравнении с которым и говорится о своеобразии местной польской речи.

3.1. Одной из наиболее ярких особенностей исследуемого польского говора является широкая вариативность элементов его фонетической системы. При этом, варьирование определенных фонетических элементов присутствует в речи отдельных индивидов, либо характеризует целую группу носителей диалекта в противоположность другой группе, у которой такое варьирование отсутствует, либо фиксируется в речи любого носителя говора.

Если исходить из того, что говор является единой, далее неделимой единицей в цепи диалектного дробления языка и что диалектная речь носителей говора на данном синхронном срезе соответствует одной системе, то как сами факты варьирования, так и дифференцированность языкового коллектива дер. Студзянки по наличию/отсутствию варьирования тех или иных фонетических элементов в польской речи означают существование в данном говоре системы с вариативными звеньями¹⁴. Компоненты вариативных звеньев формируют в целом специфику фонетической системы исследуемого польского говора, функционирующего в условиях двуязычия. Для данной работы представляет интерес социолингвистический аспект вариативности и в частности – соотношение фактов фонетического варьирования в польской речи носителей говора с типами билингвизма, обуславливающими группировку носителей говора в рамках языкового коллектива.

В системе вокализма варьирование представлено весьма широко. Здесь прежде всего обращает на себя внимание произношение гласных, соответствующих гласным среднего подъема (и оральных, и назальных) в литературном польском языке.

3.2. Гласный *e* в исследуемом говоре является несколько более широким и менее напряженным, чем в литературном языке. Вследствие этого под ударением иногда произносится наряду с *é* также звук *ǎ*; варьирование *é*//*ǎ* отмечено в начале слова и после твердого согласного, например: *ǎl'a, ǎfc'a, mādal'*, но параллельно всегда произносится также *el'a, Efc'a, medal', smentaś* и т.д. Случаи такого варьирования немногочисленны.

Несколько чаще встречается произношение гласных верхнего подъема *i*, *y* и дифтонгов *ié*, *yé* в соответствии с литературным *é* (в говоре параллельно всегда может быть произнесен гласный *é*), например: *ru, ka*//*ryéjka* (3 л. ед.ч. от глагола *re-kać*), *mýerl'a* (//*merl'a*), *tyras*//*týeras*, *udyžy s'e*//*udyéže*//*udeže* (1 л. ед.ч. от глагола *udežyc*), *sýerek* (//*ser*), *gazyetk'i* (//*gazeta*), *sumānt, za of'icyera* (//*of'icera*), *kołypka, šyžej* (//*šežej*), *ščšyl'ik, žyēka* (//*žeka*), *kryem* (//*krem*), *aryēnda* (//*arenda*), *stryēxa, obežymy* (//*obežemy*) – 1 л. мн.ч. от глагола *obežec*), *vanýel'ija* – (//*vanel'ja*); *p'tēg'i, b'idā* (//*b'eda*), *kob'fēta* (//*kob'ita* (//*kob'eta*), *kan'f'iēty-*

(//kanf'ety), /pšy svojej/ v'îžy(//v'ežy), /ja/ v'im(//v'em), s'm'išna, obm'îžyč(//obm'ežyč), šn'fêk(//šn'ek), n'îemka(//n'emy), do kol'fêg'i(//kol'ega), pol'iva, kaval'îera (Род. ед. от сущ. kaval'är), xl'fêp(//xl'ep), sä l'fêtra(//sal'etra), zac'irka//zac'îerka - (//začerka), pojixał(//zajexał), ž'îen'(//vž'en'), n'ež'il'a(//n'ež-el'a), šek'ira(//šik'era), k'îedy и т.д.

В безударном положении гласный *e* может также варьироваться с *i*, *y*; при этом после мягких согласных может произноситься и гласный *ê* (более узкий и напряженный, чем *e*), например, в предударной позиции: p'(i//ê//e)l'(i//ê//e)gn'arka, p'in'enzy, naz'b'êramy//vyb'erajo, b'êdnota, šv'îžego, zv'(i//e)ženta, pšem'il'dovała, zatył'ifonovał, s'ež'el'i//s'iz'aka, našêvajo, ž(ê//e)mn'ačana, s"с"iis'n'en'a//s"с"ês'n'en'o, žž(ê//e)čam'i//žiča ka /m'el'i/, n'ivol'n'ik'i//z n'êvol'i, s kol'îžanko, do l'êkaža, ml'(ê//e)čarn'a, k'(i//ê//e)k'basa, k'il'išak//k'el'išk'i;

obyžala s"e, v(y//e)randa, tyl'egram, d(y//e)sečka, dyntystka, s(y//e)rovatka, z(y//e)rufka, c(y//e)mentu, f cyg'el'n'i, anygdota, š(y//e)rok'i, ž(y//e)l'atyna, nažyčony, čykul'ada//čekol'ada, zarynčajo//zarenčyny, r(y//e)gały, sprynžynufka;

В заударной позиции: Pav(y//e)k, strumyk, v'ateryk, majstyt, šedym, kred(y//e)ns, Jacyk, šerš(y//e)n', oš(i//e)m, Juz'ik; rašp'êl', gžeb'en', čšeb'(ê//e)š, Źov'(ê//e)k, veŋ'g'(i//e)l', b'eg'(ê//e)m; в том числе в составе окончаний: 1) Им. мн. существительных, прилагательных и местоимений – rapuc'i, spodn'i, n'ici, v'idel'cy, nožyc(y//e), renc(y//e), myšy, kal'bš(y//e), l'ekažy, kšyžy, varkoč(y//e), drožž(y//e), kartofl'ê, koral'(ê//e); teražn'ejšy /časy/, s"v'îžutk'i /jaječka/, tkack'i /dyvany/, k'epsk'i /kopyta/, uparty /l'už'i/, l'epšy /kovał'i/, ony fšystk'i tak'i; 2) Дат. ед. личных местоимений – tob'i, sob'i и сущ. женск. рода – krov'(i//ê//e), macc(y//e); 3) Тв. ед. сущ. мужск. и средн. рода – tvažym, pšed Grodnym, xlopčyk'im, z vork'êm, uxnal'êm (от tvaš, Grodno, xlopčyk, vorek, uxnal'), а также z dvojg'êm /žeci/; 4) М. ед. сущ. – na kol'b'i, na zomb'i, f knajp'(i//ê), f pokšyv'ê, na mal'v'i, v młyn'i, v van'i, na dol'i, na ren'c'(i//e), v m'ešci, f xac'(i//e), pšy Magž-(ê//i), po ob'ež'(i//ê//e), v l'es"(i//ê), v žel'az"(i//ê), pšy s"v'es-cy//nałusse, v mopcuy; 5) в окончаниях глагольных словоформ наст. времени – а) 2 л. ед.ч. – pujž'(i//ê)š, b'ežyš, płačyš (от

pujśc, brać, płać; б) 3 л. ед. ч. — grab'i, zdejm'(ě/e), ben'z'(ě/e), jeż(i/e), wyp'iji//p'ij(ě/e), żyji, l'izy, zab'eży//b'eże s'e, umży, kvokč(y/e) (от grab'ić, zdjon'ć, być, jechać, wyp'ić, żyć, l'izać, zabrać, umżec, kvoktać); в) 1 л. мн. ч. — zamkn'im, iizim//—pujz'em, pšyjez'im, ben'z'(i/e)m, b'ežym, p'očym (от zamknon'ć, iisć/pujśc, pšyjejać, być, brać, p'ec) и т.д.

В нескольких случаях зафиксировано произношение дифтонга *iē* в соответствии с литературным *e* в заударном положении:

trox'iē(//troxe//trox'i), konop'iē(//konop'i (форма Им. мн.), f skl'er'iē (М. ед. от сущ. skl'er) и в составе отрицательной частицы n'e — n'iedobry (но также n'idobra, n'(i/ě)gżećna).

Отмечены также случаи (немногочисленные), когда в соответствии с литературными *i*, *y* произносится *e* либо дифтонг *iē*, *ye*, например: tern'et, zaregl'ovać, mādęcyna, dyevany (но всегда параллельно tern'it, zarygl'ovać, mādęcyna, dyvany); в 3 л. ед.ч. наст. вр. глаголов — v'ež(y/e), pšyhoz'(i/e) — от v'ežyć, pšyhoz'ić; а также под ударением: täryēfa//täryfa, nar'yēvu (Род. ед. от naryf), h'iēdrant//h'idrant.

3.3 Гласный *o* также может заменяться более узким гласным *ô* или гласным верхнего подъема *u* (которые употребляются обычно параллельно с *o*), например, под ударением: un//on, d(ô//o)m, m(ô//u)t, vz"(u//ô//o)u, k(ô//o)m'in, а также dul'ar, cus", frunt. При этом в корневых морфемах, которые в литературном языке содержат чередование *o* : *u*, может произноситься либо *û* (как в литературном языке) — zdruj, smrut, vzur, либо *ô* (*ô*) — в соответствии с литературным *u*: modl's'e, rodmov'ix, rofar, narovn'i//porôvno; отмечается параллельно также употребление *û//ô* — gv(ô//u)s"с", m(ô//u)j, gor//zrup (императив от gob'ić), kr(ô//u)l'i, xr(ô//u)sty.

В безударных слогах в соответствии с литературным *o* может произноситься *ô*, *u* (параллельно с *o*), например, в предударной позиции: ôgony, (u//ô)bn'izyć, okšan'ixa//uxšan'ixa, spôkojny, s pužeck'i, s pôgardo, b(ô//u)rov'ina, zbôžova, m(ô//o)-tora, na stól'aža, turun'ska (от Torun'), dôxtora, dul'aruf, s(ô//u)-bota, podrôžeja, kôrony, kul'ega//kol'iēga, x(ô//u)l'era; там, где в литературном языке произносится *u*, в говоре может быть *u*, *ô*, например: v(u//ô)jenka, prôbovać; в заударной позиции: map'-

etof(ô//u)n, porznuu, koz'(ô//o)Ź, al'bô, podvurkô; в составе окончания Род. мн. суш. представлено варьирование o//u – báz zem-buf//cerkvof, z ruštuf//z l'uftof, z mordercuf//od n'emcof, od mu-xuf//tabletkof; в корневых морфемах, содержащих чередование o : u, в заударном слоге могут произноситься (в соответствии с литературным u) гласные u, ô, o, например: pšyv'us (3 л. ед. ч. прош. вр. от глагола pšyv'ešć), pošus" s"e (императив от глагола požož'ć se), но и pšyn'os (3 л. ед.ч. прош. вр. от глагола pšyn'ešć); sprokôj, samox(ô//u)t, pop'(u//o)Ź, g'ip'ôr (ср. z g'ip'uru).

Аналогичные замены e → ê → i, y и o → ô → u (как под ударением, так и в безударном положении) представлены в соседних мазовецких говорах, где это явление обусловлено влиянием белорусской языковой системы¹⁵.

Необходимо подчеркнуть, что случаи замены e > i, y и o > u, а также варьирование e//i(ê, îê), e//y(ÿê), o//u(ô) фиксируются относительно редко.

3.4. Более распространенным является произношение в безударном положении гласных ä, ə 16, a в соответствии с литературными e, o 17. При этом звуки ä, ə, a употребляются как варианты гласных среднего подъема и обычно в рамках варьирования с ними, т.е. e//(ä, a), o//(ä, ə, a) 18. Гласный e может заменяться на ä, a, т.е. e > ä, a, например, в предударных слогах: gäpäräcyja//reperuje (//zryparovaŹ), p'(ä//e)xoto, p'(e//ä)-truška, dubäl'tova, b'(e//ä)l'izna, ravärova//toveram'i, v'(e//ä)-čorem, na meretuže //maratura, m(e//ä//a)dal'ik, m'(e//ä//a)s"onca, t(e//ä)s"c"ova(//tys"c"ova), täl'egram(//tyl'egram), dämbovy//z dembovyx, s(ä//a)l'ery, zäpsuta, vaz(ä//a)l'ina, nervufka//närvovy, skl'(a//e)roza, l'(e//ä)gary, xl'äbufka, ps(e//ä)pustka, xšäsneho, čakamy//čekajo(//čykaŹä), č(e//ä)rvony(//čyrvony), z'(e//ä)l'ona, zac'(e//ä)rečka, ž"(e//ä)fcyna, r(ä//a)n'c"isty, j(ä//e)žen'a, j(ä//e)dnego(//z' jednego), k'(e//ä)Źbaska//k'(ê//i)Źbasa, h(e//ä//a)-ktary, h(e//ä)rbata;

в заударных слогах: kumpal', ceb(ä//a)r, cymant, l'it-(ä//a)r, majonas, kuçar; za rence//pod renca; gan(e//ä)k, sač(e//a)k, Mar(ä//a)k, rencak, kavaŹak, kadŹubak, p'ontak; в глагольных окончаниях наст. времени – 1 л. ед. ч.: zrob'a, puŹda, zan'osa, kradna; 3 л. ед. ч.: zasyp'a (от zasypać), rozum'(a//ä), pov'a, pojez'ä, pŹača; в формах суш. – suk'enak (Род. мн.), vdufcä (Дат. ед.),

na guža://na guža (М. ед.); väsel'a, žyc'a, ježen'a (Им.-Вин. ед. ср. рода); наречия: pryvatn'a, podobn'ä, zafša, dobža, troxa.

Гласный *o* может заменяться на *ä, ə, a* (т.е. *o > ä, ə, a*) в предударных слогах, например: p(o//a)tkova, pəʎəŋčona, pänčox'i, b(ə//o)tv'inka, vajčak'i, samal'oty, tavarovy, kärtäfl'ova, dastača, dərasta, pa sans"ecku, də səʎtysa://soʎtysem, na zəvədufce, zəʎv'ica, v'idčavata, ʎəžyska, pošərujə://vyšoruji, də raboty://rəbočizna, r(o//a)vərova, kal'ərova, k(o//a)l'ejaš, kəžux'i, g(o//a)l'ojka, x(a//o)l'iera(//xul'era), hanorova; в заударном положении фиксируется (но редко) вместо гласного *o* и параллельно с ним произношение гласного *ə* (в закрытом слоге), например: por'əʎ(//por'oʎ//por'uʎ), vevnəŋčš; в словоформах Им. ед. ср. рода сущ. отмечено варьирование *o//a* – žev(o//a), vapn(o//a).

3.5. В польской речи жителей деревни весьма распространено произношение гласного *o* в соответствии с литературным *e* в заударном слоге (такое произношение фиксируется параллельно с описанными выше вариантами с *ä, ə, a*), например: xaboř(//xab-(ä//e)r, fundamont, Juzof, vęnz(ä//e)ʎ, razem, trojo, butel'ok, krupn'ič(o//e)k, čter(e//o)x; в формах Тв. ед. сущ. мужск. и средн.рода – z m'astom, ružancom, za Supras"l'om, s" s"anom, s kon'om, kal'ošom, muražom(//stol'ažəm), ž'oxc'(o//e)m, naj_zdrojom, z dvojgom(//dvojg'əm);

Род. мн. женск. рода – z desok, z'el'onok; Им. ед. ср. рода прилагательных – smažono:/jajko/, fajno:/pudeŋko/, tan'o:/v'ino/, sačo:/v'adro/; 1 л. мн. ч. наст. вр. глаголов – kujom, žujom; Им. ед. ср. рода сущ. – pol'o, m'ejšn'o, s"c"iś"n'en'(o//ə//e), v'adr(o//a), futra, zbož(o//a//e), pov'ečšo.

Иногда гласный *o* произносится вместо *e* и в предударном слоге (например: f'il'(e//o)tovy).

3.6. Гласный нижнего подъема – *a*, как и гласные среднего подъема *e, o* может заменяться на *ə, ä* и в предударных, и в заударном слогах, например: p(a//a)kovač, bəvečna, f(a//ä)jerk'i, v(ə//a)tol'ina, vä l'covač, v'(ä//a)terek, t(ä//a)bl'etka, dəxufka, s(ä//a)čata, zəgarneča //zagadyvač, l'(ä//a)mpečka, ošəl'ovany //šal'ufka, opšə rpany, žəčosna, v z'ärečkah, c'äkuška, j(ä//a)ječka, kəretka, k(ä//ä)l'ectvo; zapəx, šl'ab(a//ə)n, ob'ät, asfəl't, sukman, zavəʎ, zatərk, tartək, band(ə//a)š, dogazəš, sygnəʎ, cvan'äk(//sv'in'ak, stol'äš//mul'aš, l'ežəʎ//poftažəʎ, ž'is"äj, akur(ə//a)t, ter(ə//ä)s, a dvok(a//ə)t, reg(a//ə)ʎ, M'ix(a//ə)ʎ.

3.7. Приведенные выше факты показывают, что произношение в безударных позициях гласных \ddot{a} , \dot{a} , a в соответствии с литературными e , o , а также \ddot{a} , \dot{a} в соответствии с литературным a , приводит к неразличению гласных $e - o - a$. Вследствие этого стремление носителей диалекта говорить "правильно", т.е. в соответствии с кодифицированной нормой, в ряде случаев приводит к появлению гиперкорректных произносительных вариантов. Так, в безударной позиции в соответствии с литературным a могут произноситься гласные среднего подъема, например: *ocseperovać, zemkneća, zemšova, gosxl'epuje s'e, l'(e//ä//a)mentuje, nerkotykm'em; pom'enta, razv(q//ə)l'ajo, voškovn'ica//vaškovać, s fal'bonkam'i, kantroktácija, šl'izgov'ica, čšebo, poš(q//a)p* (ср. литературные *odseparovać, zamknęća, zamszowa, rozchlapywać, lamentovać, narkotyki; pamięta, pozwalają, falbanki, kontraktacja, ślizgawka, trzeba, puřap*);

вместо литературного e отмечаются отдельные случаи произношения гласного o в предударных слогах, например: *f'il'(e//o)tovy, źoberka* (ср. литературные *fioletowy, rzeberka*), *konovećka* (от *konęfka*), а в соответствии с o иногда произносится e , например: *l'ekator, r(e//y)ndel'ak* (ср. литер. *lokator, rondelek*).

Кроме того, встречаются случаи, когда вместо гласных верхнего подъема y , u произносят соответственно e и \hat{o} , $o//e$, например: *do mādęcynu* (ср. литературное *medycyna*), *Sel'vestra* (ср. литературное *Sylwestra*), *zar(y//e)gl'ovać; g'ip'or - g'ip'orova //v g'ip'erovej* (ср. *z g'ip'uru*).

В некоторых словоформах зафиксировано варьирование гласных в позиции под ударением, например: *p'(a//e)kća, kĳ(a//e)mbeĳ, ks"(a//e)nc, pšys"(a//u//e)jga, c'(a//e)šac', zav'esy//na zav'asax, oć(e//a)py; řadyjko:// do řadejka* (ум. от *řadyjo*); *tāryfa:// tāryęfa*, а также произношение \acute{e} , \acute{y} в соответствии с литературным \hat{a} , например: *perĳo s'e, uperty, xurygan* (ср. литературные *paĳo sie, uparty, huragan*).

3.8. Таким образом, в исследуемом польском говоре параллельно с гласными среднего подъема в одних и тех же морфемах могут произноситься гласные, подъем которых ниже среднего (\ddot{a} , \dot{a}) или нижний (a). Вместе с тем, гласный нижнего подъема (a) также может варьироваться с гласными средне-нижнего подъема (\ddot{a} , \dot{a}). В результате можно констатировать следующие соответствия литературного и диалектного произношения: литер. $e \sim$

диал. *e*, *ä*, *a*, *o* (т.е. *e* > *ä*, *a*, *o*); литер. *o* ~ диал. *o*, *ä*, *ə*, *a*, *e* (т.е. *o* > *ä*, *ə*, *a*, *e*); литер. *a* ~ диал. *a*, *ä*, *ə*, *o*, *e* (т.е. *a* > *ä*, *ə*, *o*, *e*). Если к этому добавить также рассмотренное выше явление замены *e* > *ê*, *i*, *iê*, *y* *ÿe* и *o* > *ô*, *u*, то можно составить достаточно полную картину вокализма в исследуемом говоре.

3.9. Такая широкая вариативность гласных является следствием воздействия на польскую языковую систему местной разновидности белорусской языковой системы. Белорусский говор дер. Студзянки относится к юго-западному типу белорусских говоров, в которых система вокализма характеризуется, в основном, неполным недиссимилятивным аканьем¹⁹. Деревня находится в границах региона, для которого Э. Смулкова моделирует семифонемный тип ударного вокализма: *u*, *i*(*y*) – *ô*(*uo*), *é*(*iê*, *ÿe*) – *o*, *e* – *a* и четырехфонемный тип безударного вокализма: *u*, *i*(*y*) – *o* – *a*²⁰.

Даже беглые наблюдения над белорусской речью жителей дер. Студзянки позволяют сделать вывод о тождестве целого ряда белорусских и польских фрагментов вокальной системы. Приведенные выше данные из польского говора можно сопоставить с местными белорусскими. Так, под ударением: /hrósy/ m'îeu, xl'(i//iê)ba, mn'îe, s'(é//iê)dym, s'(é//iê)no, zajít' /iahó/, n'i xác'iu, pajíxała, s'c'írka, na vajn'í, na vasyl'u //vasyél'a, kuxaryé, vałasyé, łapux'îe, /dva/ bratyé, kasyé (но и kasačé, hul'tají), /dva/ v'iedry, starýejšyja, na z'amk'îe, u vókn'îe, bryéxa /kuón'/; iun//ion, buu, súol', l'úon; в безударном положении: n'iv'ásta, k'iróun'ik, małakó, koran' (ср. во мн. ч. karýen'a), u xác'(é//i), u šópc'i, u l'és'i; znóž'a (3 л. ед.ч. глагола); abmýjoš (2 л. ед.ч. глагола); jéž'om//zojž'em (1 л. мн.ч. глагола); pól'o, y'éc'or, p'ác'oro, s' F'éž'om, nášoho, hałodnyja//na starýje /l'îeta/.

Это подтверждает, что варьирование оральных гласных в польском говоре дер. Студзянки детерминировано влиянием белорусской языковой системы.

4.0. При этом функционирование различных вариантов обуславливается социальными факторами и по-разному характеризует разные группы жителей деревни и даже отдельных индивидов.

Говоря о социальных факторах, мы, в частности, имеем в виду структурирование языкового коллектива по признаку возраста. Однако возраст в данном контексте рассматривается не как био-

логическая (физиологическая) черта, а имеются в виду разные возможности обучения второму (польскому) языку, менявшиеся на протяжении последних 60–70 лет, а также разный социальный статус индивидов (характер трудовой деятельности, образовательный уровень индивида и членов его семьи). Напомним также, что с возрастным фактором связаны и типы билингвизма.

На фонетическую дифференциацию может оказывать влияние также ситуация, в которой происходит акт речи²¹.

Как известно, факты варьирования на фонетическом уровне осознаются либо не осознаются носителями языка (говора). Если носители говора выбирают в акте речи один из произносительных вариантов в зависимости от ситуации общения, то это означает, что ими осознается наличие самого факта варьирования. А употребление этого, а не иного варианта обычно определяется конкретными условиями общения, особенно если затрагивается представление о социальном престиже индивида.

Иллюстрацией к сказанному может послужить функционирование вариантов в системе вокализма исследуемого польского говора.

4.1. Факты произношения i (ie), y (ye) в соответствии с литературным e (под ударением и без ударения) неодинаково представлены в разных возрастных группах. Произношение дифтонгов встречается только у лиц из самой старшей возрастной группы (от 70-ти лет и старше); при этом такой вариант произношения не характеризует эту группу жителей деревни в целом, но присутствует в отдельных идиолектах (в рамках нескольких семей).

Произношение i , y на месте литературного e отмечалось не только у самых старших жителей деревни, но также и в группе 50–60-летних. У более молодых людей произношение i , y в соответствии с литературным польским e не зафиксировано; лишь изредка у представителей среднего поколения (30–50 лет) встречается произношение \hat{e} ($p\acute{s}ys\hat{e}ggam$).

В безударных позициях факты замены $e > i$, y (а также изредка $e > \hat{e}$) зафиксированы у представителей всех поколений (вплоть до детей 4–6 лет). Однако частота и характер употребления вариантов с i , y различны по возрастным группам. Варьирование $e // (i, y)$ довольно широко представлено в речи представителей старшего поколения (от 50–ти лет и старше). При этом люди в возрасте 50–60 лет уже осознают эту специфическую осо-

бенность своей польской речи, и некоторые из них в определенных ситуациях стараются избегать вариантов с *i*, *y*. В еще большей мере это характерно для поколения 30–40-летних. В результате может возникать гиперкорректное произношение. Так, в разговоре двух информанток (1927 г. и 1951 г. рождения) было отмечено, что старшая произносила l'ign'ina, а младшая (имеющая среднее специальное образование) – l'egn'ina (ср. литер. польск. lignina); в речи той же (младшей) информантки зафиксировано произношение šev'utka (от śivy), в то время как старшая произнесла s'šev'utka.

Количество гиперизмов возрастает от старшего поколения к более молодым.

В речи детей (школьного и дошкольного возраста) произносительные варианты с *i*, *y* встречаются относительно редко и, возможно, ограивчиваются определенными лексемами, а также морфемами, например: jedyn (но jedenastego), zdynervovać, fššec'ij /kl'aše/, krymova, Pavyk//Paveц, Jac(y//e)k, zv'(i//e)ženta, n'i vezme//n'e muv'ik; в формах наст. вр. глаголов – /kotek/l'ižy, n'e ben'z'i (но и ona maže, kopn'e), /ty/ płačyš (но и začn'eš); в Им. мн. сущ. – /pošky/ pan'i /jak'es"/, /brudna/ gen-cy//rence (ср. в литер. польск. в Им. мн. panie, ręce), но также и kap'e; в тех же морфемах возможны случаи гиперкорректного произношения, например: /An'ka/ l'ub'e(/l'ub'i) /grys" s'e/.

В речи людей среднего и младшего поколения почти полностью отсутствует замена *o* > *u*, довольно часто отмечаемая в речи старшего поколения. Зафиксированы лишь отдельные случаи произношения *u* в соответствии с литературным *o*, например: kruva(/krova), doktor, spokujn'utko, а также гиперкорректного произношения, например: narovn'i//porovno (при ruvn'utko), dyskotoval'i (ср. литер. dyskutowali); mama, psum dawała? (ср. Тв. мн. в литер. польск. – psom).

4.2. Влияние белорусского аканья на польский говор дер. Студзянки, так широко представленное в польской речи людей из старших возрастных групп, уже не столь отчетливо проявляется в речи среднего и младшего поколения. У них лишь изредка встречаются случаи произношения *a* в соответствии с литературным *o*, например: z(a//o)rgan'izoval'i, k(o//a)šul'a,

а также морфологизация *a* в составе окончаний, например: *na tal'eža* (ср. литер. *talerze*), Им. ед. сущ. — *vażywa* /*gos'n'e/* (ср. литер. *warzywo* — ед.ч., форма *warzywa* — собирает.). Возможно гиперкорректное произношение *o* вместо *a*, например: *jednospodovy* /*dax/* — ср. литер. польск. *jednosadowy*.

Случаев замены *e > a* не зафиксировано, за исключением морфологической позиции Им.-Вин. мн. прилагательных, например: *brudna* /*rency/*, *xc'iva* /*l'už'i/* — ср. в литер. польск. *brudne ręce*, *chciwi ludzie*. Значительно чаще отмечается произношение гласных средне-нижнего подъема: *ä* (в соответствии с литер. *e*, *a*) и *ə* (в соответствии с литер. *o*, *a*), например: *äl'äktron'ik*, *Säraf'inka*, *v(e//ä)rsal'ka*, *r(e//ä)l'ig'ia*; *Robärt*, *bombäl'*, *Al'äk*, *vujäk*; *ämerikan'ec*, *räjstopy*, *käretka*, *šämpan'iku* /*vl'ač/* и *žaržeta*, *fl'akən*, /*ja/gadəm*, *ogonəm* (Тв. ед. мужск. рода); гласные *ä*, *ə* всегда произносятся в рамках варьирования соответственно с *e*, *o*, *a*.

4.3. Произношение *o* в соответствии с литературным *e* в заударном слоге (как результат белорусского влияния), весьма распространенное в польской речи старшего поколения, встречается и в речи 30–40-летних жителей деревни, а также в речи детей (так, например, в Тв. ед. существительных — /*pšyjechaŭ* /*kon'om*, *z menšcyznom*). Но под влиянием школы (прежде всего — чтения письменных литературных текстов) такое произношение элиминируется весьма активно, поэтому молодежь и дети чаще говорят, например: *z Jack'em*, *pašem*, *haček*, а также /*on byl* / *bandytom* и *zložejem*, однако сохраняется произношение *o* в окончании Им. ед. ср. рода прилагательных, например: *fajno* /*pudefečko/*, *caŭo* /*v'adro/*.

5.0. Специфическим элементом польского вокализма являются назальные гласные. Как известно, на месте этимологических назальных гласных в литературном языке произносится сочетание VN²² в позиции перед взрывными согласными и аффрикатами; а перед фрикативными согласными произносится назальный гласный; в конечном открытом слоге с носовым резонансом произносится только гласный заднего ряда (т.е. *ɔ*), гласный переднего ряда в этой позиции произносится как оральный (т.е. *e*).

В исследуемом польском говоре назальные гласные обнаруживают качественные изменения, вызванные влиянием белорусской языковой системы²³. Однако в позиции перед взрывными и аффрикатами произношение назальных гласных в целом совпа-

дает с литературным, т.е. произносится группа VN; специфика диалектного произношения в этой позиции состоит в том, что первый компонент группы (V) может реализоваться в виде вариантов $e // i, y, \bar{y}e, \hat{e}, \ddot{a}$ и $o // \bar{o} // u$ ²⁴. Примеры: под ударением — demby, otrem'b'i, m'enta, tym pendem, pšenja, penčak, z'en'c', sen'z'a, p'eŋkny, p(e//e// $\bar{y}e$)ŋkać, st(e// $\bar{y}e$)ŋka, teng'i//teŋ'g'i; zomp, fstom'p'ic', narombac', p'ontak, mondry, v moncy, zajonca, žonzo, jenz'a, na son'z'e, ponč'k'i, ŋoŋka, okroŋg'ľa, pšys'(e// \hat{e} // \bar{o} //u)ŋga, st(\bar{o} //u)ŋka, boŋ'k'i, p'ac'oh'g'i; в предударном положении и в заударном закрытом слоге — zastempyvać, zembam'i, g'ľa mb'inova /studn'a/, pol'(e// \bar{a})ndv'ica, vandral'i, päntel'ka, r(e//y)ncam'i v(e//y)nzony /boček/, p'en'c'oro, kr(e// \bar{a})n'coŋka, sen'z'ina, mänčonco, r'ŋkavy, pšys'iyg'ľa; dostämp, ustemp, pam'en'c', z'es'an'c'; kompaŋa s'e, vontroba, k(\bar{o} //u)n'z'el'a, poŋan'z'il'i, monžejša, p'ŋnčona, okroŋgl'ak'i; goŋomp, stamtunt, xomont, tys'onc, otp'on'c', zamonš.

5.2. Весьма распространенным является также произношение VN и в позиции перед фрикативным согласным, т.е. в той позиции, в которой произносится φ, ξ в литературном языке, например, под ударением и в безударном положении: jenz'yk, fren'z'l'i, ugze(i//n')žl'i, m'ejšn'o, c'enžej, m'eŋxo//m'ieŋxo; vynzeŋek, odv'(e//o)nzuje, m(e// \bar{a})nžatka, peŋ'x'eže//pyŋ'x'eža (Им. мн. сущ.); z'onšy, konsaŋa, ks'onžečka, do s(\bar{o} // \bar{o})n's'ada //s(on//un')s'etka//pa san's'ecku, zdonžyму, vyvo;xujä (3 л. ед.ч. наст. вр. глагола), gaŋon's', ugžons (3 л. ед.ч. прош. вр. глагола).

Наряду с описанным произношением встречаются, как варианты, случаи, когда на месте φ, ξ литературного языка в группе VN перед фрикативным может произноситься назальный гласный (т.е. VN²⁵) под ударением и в безударном положении, например: v'enzol(//venzel), m'(e// \hat{e})nso(//m'enso), žeŋsy(//žensy), geŋsty(//gensty//g'ensty), geŋ's'i(//gen's'i//gejs'i), geŋ's'c'ej, gaŋen'zi, ks'ęŋzy, napreŋžona; v'onsk'i(//vonsk'i), g'onska, uv'ęzaŋ, v'ons'(//vons'), zv'ęšyć(//zvonsyć), xš'ęšcy, zdonžyŋ(//zdonžyŋ), f c'onžy, s'ęn's'at(//son's'at), važ'ęŋx'ef(//važ'ęŋx'ef), z v'ęnsam'i(//vonsam'i), v'ęnzajka(//odv'onzuje).

5.3. Отмечены случаи, когда в соответствии с литературным сочетанием "оральный гласный + назальный согласный" (т.е. VN не на месте этимологического назального гласного) перед фри-

кативным произносится $\tilde{V}N$ (наряду с VN), например: /ma/ \check{s} anse- (// \check{s} anse), o \check{r} a \check{z} ada, \check{s} e \check{n} s, p \check{e} nsja (//pensja), zak' \check{e} nz \check{z} ac' (//k'enz \check{z} ty) – ср. литературные kie \check{z} nac', c' \check{e} ns \check{a} (//c' \check{e} ns \check{a} – от c' \check{e} n'ka, c' \check{e} n'utka), \check{i} nstitut (// \check{i} nstitut), \check{z} ynsy (// \check{z} ynsy), k(o//o)nska (от kon'), k \check{a} mfora, k \check{a} mforovy, k(o//o)m \check{v} al'ija (при старательном произношении – k \check{a} m \check{v} al'ija), k \check{o} n'f'etk'i (//kan'f'(e// \check{i} e)ty, k \check{o} nf'itury (//k \check{a} mf'itury (//kan'f'itury), k \check{o} mvo \check{i} ent (//konvo \check{i} änt). Это означает, что в говоре назальность у гласных может присутствовать также и в тех случаях, когда это не соответствует литературному произношению.

5.4. В заударном открытом слоге этимологический назальный гласный \check{e} звучит как оральный e (как и в литературном языке) в рамках варьирования с \check{a} , a , например, z'el'a, s'em'a; в 1 л. ед.ч. наст. вр. глаголов – zrob'(e// \check{a}), z \check{z} ap' \check{a} , porve, vezme, \check{z} em'e, pujd(e// \check{a}), v'iza//hoz \check{a} , zan'os(e//a), zasne (//k \check{r} adna, sma \check{z} e, obby \check{a} , p'ore//b'ora; в Вин. ед. сущ. ж. рода – na kav \check{e} //na L'itva, /ob'ecaj/ guma, /vz'o \check{u} / z'em'a, f subota//f sobote, v mor \check{d} e//na z \check{g} oda, /ma/ fl'a \check{s} ke//na v \check{a} rsal'ka. Ср. под ударением: /otprava/ m \check{s} e, /ja/ s'p'e. Как гиперкорректное можно рассматривать в данных морфемах произношение типа: /ja/ p'ekom, pro \check{s} em /pana/, ide \check{u} и /ja sxovala/ vutkem.

В соответствии с литературным \check{e} в заударном открытом слоге произносится, как правило, оральный гласный o – в окончании 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголов (например: podn'oso, gryzo, хозо, gosno и т.д.), в окончании Тв. ед. сущ. и местоимений женск. рода (например: pot xat \check{o} , s ko \check{s} o, p \check{s} et'praco, s'c'oc'o, z mo \check{j} o s'ostro, ze tvo \check{o} и т.д.), в окончании Вин. ед. прилагательных, местоимений женск. рода (например: /maj \check{o} v'il'je/ svo \check{j} o, /dal k \check{s} on \check{z} e \check{c} ke/ m'e \check{s} kan'ovo – но также и /ja/ ca \check{t} a \check{s} kl'ajka /vyp'ije/. Нередки случаи, когда в соответствии с литературным \check{e} произносится -o \check{z} , а также -om (-on), например; в формах 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголов – k \check{u} am'o \check{u} ; Тв. ед. сущ., прилагат., местоим. – z Efko \check{u} , s Cel'in \check{o} \check{u} , s.pan'om, /kob'ety/ za mn \check{o} m /bral'i s'e/; Вин. ед. прилагат., местоим. – tak \check{o} \check{u} /agra \check{f} ke/ //za takom /cene/, f ka \check{z} don /drenka vb'ij \check{a} /, star \check{s} o \check{u} //star \check{s} om /s'ostre/, za n'o \check{u} (//na n'o), а также под ударением: /skaval'i/ z' i \check{o} \check{u} //z' n'o, 3 л. мн.ч. глагола by \check{c} – so \check{u} //som (но и so, s'p'o, kco).

5.5. Вариантность в произношении гласных, соответствующих в литературном языке назальным \check{e} , \check{e} , отсутствует в речи пред-

ставителей старшего поколения (более 60-ти лет), которые, как правило, произносят VN в позиции перед согласным и оральный гласный — в конечном открытом слоге.

В речи остальных жителей деревни в подобных случаях могут присутствовать произносительные варианты. И чем моложе житель деревни, тем чаще в его речи можно зафиксировать произношение типа *mɔnš*, *kɔmvoient*, з *Efkoɔ*, /*pom'enta*/ *tom p'erfšom* /*m'ijos* "с"/, *pošem pan'om*, *soɔ* /*katoł'icy*/, /*ja zafše*/ *p'ekom*. Это значит, что младшее (а также частично и среднее) поколение жителей деревни, осознавая отличие диалектного произношения назальных гласных от литературного, стремится к произношению этих гласных в соответствии с кодифицированной нормой, как к произношению социально более престижному. В речи 20—40-летних носителей говора, а также в речи детей школьного возраста отмечаются случаи произношения назального гласного (наряду с VN и VN) перед фрикативным, что соответствует литературной норме, например: *gęsty* (/gensty), *męža* (/do menž'a), *do v'ęžen'a* (/v' v'en'žen'u); *mɔš* (/monš), *vɔx* (/voɔx), *brozovy* (/bronzova), *ćpżufka*, /on'i/xɔ, *pot fól'iq*, *suxɔ* (/suxoɔ) /*ceglé brała*, а также в окончаниях местоим. женск. рода *ta* — в Вин. ед. и Тв. ед.: *tɔ* /nogé/, /rozval'i/ *tɔ* /xate/, (но и *toɔ* /košul'é/, /zrob'iła/ *toɔ* /tom /kave/, *tom* /oranžade m'el'i/ //za to /nuške/ //zl'el'i/ te /vode/) и *s tɔ* *synovo* (но и *s toɔ* /guro/ //s to /n'itko/).

Встречается также произношение типа *kofora* — наряду с *komfoga*, *kamforovú* — в соответствии с литературным *kamfoga*. Подобное произношение рассматривается как гиперкорректное.

Таким образом, дифференцированность произношения этимологических назальных гласных, а также случаи гиперкорректной назальности гласных в речи жителей деревни связаны, прежде всего, со степенью усвоенности ими польской языковой системы, или, иными словами, с интенсивностью воздействия литературного языка на местный польский говор.

6.0. Исходя из приведенных выше фактов, можно сделать вывод, что функционирование вокализма в польском говоре дер. Студзянки и его специфика обуславливаются, в основном, двумя факторами (извне воздействующими на языковую систему) — контактами с местной разновидностью белорусской языковой системы и усиливающимся "давлением" литературного польского языка (в основном, в его региональной разновидности — в виде белосток-

ского культурного диалекта). Рассмотренные выше явления, вызванные влиянием белорусской вокальной системы, по-разному распределяются в разных возрастных группах жителей деревни. При этом, глубина процессов интерференции в польском вокализме меняется по возрастным группам, уменьшаясь в направлении от старших к младшим носителям диалекта, что соотносится с изменением типа билингвизма, совпадающего, как правило, с возрастом индивида. Именно этим характеризуется динамика развития исследуемого польского говора.

С другой стороны, устранение из системы польского вокализма элементов, обусловленных влиянием белорусской языковой системы, соотносится с расширением и упрочением базы литературного польского произношения (хотя степень усвоенности литературной нормы весьма различна у отдельных индивидов даже в границах одной возрастной группы).

В этом отношении весьма показательны описанные выше факты варьирования в системе вокализма. Варьирование оральных гласных по-разному характеризует разные возрастные группы носителей говора и сокращается (либо вообще устраняется) тем заметнее, чем моложе индивид. Сокращение варианности оральных гласных означает ослабление влияния белорусского языка в данном польском говоре и сближение этого фрагмента вокальной системы с соответствующим фрагментом в литературном польском вокализме.

Варьирование при произношении этимологических назальных гласных также различается по возрастным группам, однако в этом случае, наоборот, количество вариантов возрастает в польской речи молодого поколения и сведено к минимуму (а чаще вообще отсутствует) в речи старших жителей деревни.

Усиление варианности при произношении этимологических назальных гласных демонстрирует осознанное стремление молодежи (а также и среднего поколения) достигнуть произношения, соответствующего литературной норме. Но неустойчивость артикуляционных навыков (которые в настоящее время вырабатываются уже с детства и в школе, и в некоторых семьях) препятствует "правильному" (т.е. соответствующему кодифицированной норме) произношению и вызывает появление различных произносительных вариантов. В этом факте варианности проявляется также тенденция к сближению с польской литературной нормой, тенден-

ция, обусловленная усиливающимся воздействием литературного языка на местный польский говор.

В целом, характер и интенсивность варьирования в системе вокализма зависят от степени усвоенности билингвами польской (вторичной) языковой системы. Отсюда следует, что определив психологический тип билингвизма у данного индивида (рецептивный, репродуктивный, разные оттенки продуктивного), мы можем прогнозировать наличие/отсутствие какого-либо из видов варьирования в рассмотренных выше фрагментах вокальной системы.

Примечания

¹ Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 63.

² Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953. P. 1; а также Haugen E. Language contact // Actes du VIII Congrès international de linguistes. Oslo, 1958. P. 771; подробно об этом см.: Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 5–9.

³ Определение Е.М. Верещагина. См. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969. С. 134.

⁴ Weinreich U. Ibidem.

⁵ Данная типология билингвизма приводится Е.М. Верещагиным. См.: Верещагин Е.М. Указ. соч. С. 22–26.

⁶ Хауген Э. Языковой контакт.... С. 62.

⁷ Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976. С.58.

⁸ Хауген Э. Языковой контакт.... С. 65.

⁹ Дер. Студзянки ранее обследовалась по сетке пунктов "Атласа восточнославянских говоров Белостокщины" в 1961 г. и 1972 г. (см. Atlas gwar wschodnioslowiańskich Białostoczczyzny. T. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980); в Атласе этот пункт имеет № 39.

¹⁰ По данным 1961–1972 гг. православные составляли 60% жителей деревни (см. Atlas gwar wschodnioslowiańskich Białostoczczyzny. T. I. S. 43).

11 Подробнее об этом см.: *Obreńska-Jabłońska*. Dialektologiczna problematyka badań slawistycznych na Białostocczyźnie // *Acta Baltico-Slavica*. Т. I. Białystok, 1964. S. 200–202; *Kuraszkiewicz W.* Tendencje białoruskie i ukraińskie w gwarach okolic Puszczy Białowieskiej // *Ibidem*. S. 247–254.

12 *Obreńska-Jabłońska A.* *Op. cit.* S. 199.

13 См.: *Wróblewski P.* Regionalizmy w języku inteligencji białostockiej // *Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień*. Warszawa, 1986. S. 309–320.

14 Подробнее о варьировании в диалекте см.: *Калмынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981. С. 6–7.

15 *Zduńska H.* Opisy fonologiczne polskich punktów “Ogólnosłowiańskiego Atlasu Językowego”. Zeszyt III. Mazowsze. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1984. S. 118–122.

16 Гласный э – среднего ряда, среднего подъема – в зоне, граничащей с нижним; иногда слегка лабиализован; произносится только в безударных слогах.

17 Гласные ä, э произносятся также в соответствии с литературным а (см. ниже).

18 Параллельно могут также употребляться варианты соответственно с *i, ê, îê, y, yê* и с *и, ô*.

19 *Smułkowa E.* Szkic systemów fonologicznych ruskich gwar Białostocczyzny wschodniej // *Slavia Orientalis*. XVII, 1968. № 3. S. 415–417; *Obreńska-Jabłońska A.* *Op. cit.* S. 199; *Kuraszkiewicz W.* *Op. cit.* S. 247–251.

О данном типе аканья см.: *Кривицькі А.А., Падлужны А.А.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984. С. 192–205, 208–217.

20 *Smułkowa E.* *Ibidem*.

21 *Dunaj B.* Cel, zakres i metody badania fonetyki polszczyzny miejskiej // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze*. Zesz. 79. Studia nad polszczyzną mowioną Krakowa, 2. Kraków, 1984. S. 15.

22 V – оральный гласный; N – назальный согласный.

23 Отметим, что аналогичные изменения назальных гласных происходят также и в польских говорах к востоку от польской государственной границы (на территории Литвы, Белоруссии и Украины), Подробнее об этом см.: *Масленникова Л.И.* Назальные

гласные в польских говорах в СССР // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1985–1987 гг. М., 1989. С. 209–222.

²⁴ Такое же варьирование этимологических оральных гласных *e*, *o*, как показано выше, обусловлено влиянием белорусской языковой системы.

²⁵ \tilde{V} – назальный гласный.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В первые десятилетия после Октябрьской революции советским лингвистам приходилось решать сложные задачи пересмотра идейно-теоретических и методологических основ науки о языке¹. Языкознание не могло остаться в стороне от новых веяний, характерных для общественных наук в целом, переходящих на позиции диалектического и исторического материализма. В связи с этим многие лингвисты искали пути и формы преломления в языкознании марксистских философских и идеологических концепций. Помимо идейно-теоретических импульсов стремление к построению марксистского учения о языке определялось объективной социальной потребностью практического применения лингвистических знаний для решения актуальных задач культурного и языкового строительства в молодом многонациональном советском государстве. Все это обусловило становление нового направления в советском языкознании 20–30-х годов – социологической лингвистики. Именно в эти годы в нашей стране в среде лингвистов обозначился существенный поворот к изучению социальной стороны языка, к социологическому анализу языковых явлений. В статье "Специфические особенности последнего десятилетия 1917–1927 в истории нашей лингвистической мысли" Е.Д. Поливанов писал: "... революция в области лингвистики выразилась у нас прежде всего в появлении новых – именно социологических тем и задач исследования"². Уже в первых трудах представителей данного направления поднимались и решались важные теоретические вопросы о социальной сущности языка, о социальной обусловленности его развития и функционирования, о роли языкознания в решении насущных задач культурной рево-

люции и т.д. Большое внимание уделялось разработке теории национального языка, теории и истории литературных языков.

1. На начальном этапе развития советского языкознания многие лингвисты стремились раскрыть специфику языка как социального явления, о чем ярко свидетельствуют труды Р.О. Шор, М.Н. Петерсона, К.Н. Державина, Н.М. Каринского, М.В. Сергиевского, А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского, Л.П. Якубинского и др. Конечно, нельзя сказать, что все они одинаково понимали социальную природу языка. Между ними в этом вопросе были и определенные расхождения. В некоторых работах просматривается простое следование взглядам представителей западноевропейской школы социологии языка (главным образом А. Мейе), для других характерно стремление с новых позиций дать более глубокую диалектико-материалистическую трактовку социальной сущности языка и языковых явлений. Не обошлось и без крайностей вульгарно-социологического характера. Приведем лишь некоторые высказывания по данному вопросу. Так, в книге Р.О. Шор читаем: "...язык предполагает существование человеческого общества, являясь... его необходимым и важнейшим орудием; ...язык есть прежде всего социальное явление, культурно-исторический факт"³. И далее: "язык есть необходимая предпосылка и орудие социальных отношений"⁴. В аналогичном ключе высказывался и М.Н. Петерсон: "...язык, как продукт культурно-исторического процесса, непременно предполагает совокупность индивидуумов, социальную среду"⁵. Излагая основные положения социологии языка в трудах А. Мейе, он подчеркивал: "Главнейшая функция языка – служить средством общения между людьми"⁶. С этими формулировками перекликаются и определения А.М. Селищева: "Речь – одно из существеннейших явлений социальной жизни"; "речь... представляет собой деятельность социальной среды – среды взаимодействующих индивидуумов"⁷.

Более глубокую и самостоятельную интерпретацию языка как общественного явления находим в работах Е.Д. Поливанова. В статье "Круг очередных проблем современной лингвистики" он указывал, что лингвисты уже давно признают язык явлением физическим, психическим и социальным. Однако, замечает Поливанов, в отношении последнего момента лингвистическая литература XIX и начала XX вв. "страдает значительным платонизмом,

т.е. говорит не о том, что есть в лингвистике, а о том, что теоретически должно в ней быть"⁸. Он считал, что к числу "элементарнейших" требований марксистской лингвистики относится тезис — "язык должен изучаться как трудовая деятельность, но не индивидуальная, а коллективная"⁹.

Наряду с этим в лингвистической литературе 20–30-х годов встречается и вульгарно-социологические трактовки социальной природы языка. Особенно заметно это проявлялось в тех случаях, когда тот или иной автор акцентировал классовый характер языка, ср., например, такое высказывание: "...наличие той или иной экспрессивной окраски может привести к изменению значения слова. Именно в этих сдвигах значения находит свое наиболее яркое выражение борьба классов и общественных групп"¹⁰. В рассматриваемый период элементы "классового" подхода обнаруживаются при тактовке языка и языковых явлений у многих отечественных лингвистов. Не были свободны от них и работы Поливанова, который писал, в частности, о законности наряду с территориальной диалектологией "социально-групповой (классовой) диалектологии"¹¹ или о литературном (стандартном) языке как "классовом или кастовом"¹².

Однако наиболее последовательно и недвусмысленно вульгарно-социологическая позиция в области языка проявлялась в трудах Н.Я. Марра и его сторонников. Они, как известно, относили язык к социальным явлениям надстроечного порядка и считали, что он носит классовый характер. Исходя из этого, они резко критиковали лингвистов — "социологов" за то, что в их работах не делались попытки подойти к языку и языковым явлениям как "к идеологическим общественным формам"¹³. Чрезмерно прямолинейные взгляды по вопросу о классовости языка высказывали и некоторые представители группы "Языковедный фронт", в том числе один из ее лидеров Г.К. Данилов, который, например, писал: "... язык пролетариата любой страны представляет особую систему, в большей или меньшей степени отличную от языка отечественной буржуазии"¹⁴.

В наше время научная несостоятельность подобных формулировок не требует доказательств. Между тем в 20–30-х годах тезис о классовом характере языка был достаточно широко распространен, он признавался и поддерживался не только лингвистами, но и философами, историками, а также некоторыми теоретиками-

марксистами, в том числе и Н.И. Бухариным. Он считал, что язык и мышление составляют "две наиболее общие идеологические надстройки"¹⁵ и говорил о "классовом расщеплении языка"¹⁶.

2. Важное место в ранних работах отечественных социолингвистов занимал широкий круг вопросов социальной обусловленности развития и функционирования языка, его социальной дифференциации, соотношения литературных и нелитературных разновидностей национального языка и т.п. Эта проблематика, рассматриваемая как в диахроническом, так и синхроническом аспектах, нашла отражение в серии статей и монографий, см., например, труды К.Н. Державина¹⁷, Н.М. Каринского¹⁸, А.М. Селищева¹⁹, М.В. Сергиевского²⁰, В.М. Жирмунского²¹, Л.П. Якубинского²² и др. Именно в этот период в советском языкознании сложилось "новое лингвистическое направление, получившее наименование социальная диалектология"²³. Термин "социальная диалектология" понимался тогда довольно широко, им охватывались не только территориальные и социальные диалекты в собственном смысле слова, но и любые социально обусловленные разновидности конкретного языка. Так, например, Сергиевский выделял во французском языке литературную разновидность, разговорный язык (большинства городского населения) и народный язык в узком смысле слова (речь крестьянства и "пролетарских элементов городского населения")²⁴.

В методологическом отношении большое значение имели идеи увязки эволюции языка с историей народа, его носителя (здесь, правда, тоже встречались упрощенно-социологические построения). В положительном плане можно отметить интересное высказывание Поливанова, который совершенно правильно подчеркивал принципиальную роль "социального субстрата" (в современной терминологии – "социальной базы") той или иной языковой формации. В статье "Где лежат причины языковой эволюции?" он писал: "Путей или способов, какими могут экономические (и политические) или вообще культурно-исторические явления воздействовать на языковую эволюцию, много, но в качестве основного момента здесь нужно указать на следующее: экономическо-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек в его эволюции"²⁵.

В рамках данной статьи нет возможности хотя бы кратко проанализировать проблематику, основное содержание и выводы упомянутых выше исследований, относящихся к направлению, называемому "социальной диалектологией". Мы остановимся лишь на двух вопросах: об изучении языка города и о теории национального языка, в той или иной мере связанных с осмыслением понятия литературный язык и соотношения литературных и нелитературных языковых идиомов.

В рамках "социальной диалектологии" особое место занимало изучение языка города (городской речи). Известно, что в Институте речевой культуры в Ленинграде с конца 20-х годов под руководством В.М. Жирмунского в течение ряда лет работал кабинет социальной диалектологии, "объединявший полевую работу по собиранию диалектологических материалов по языку деревни и по языку города с методологическими усилиями, направленными на изучение языка как общественного явления и его исторически обусловленной социальной дифференциации"²⁶. Наибольшие заслуги в изучении языка города бесспорно принадлежат Б.А. Ларину, по инициативе которого осуществлялась теоретическая и практическая деятельность в этом направлении. В 20-х годах под его руководством группа ленинградских студентов занималась изучением "городских диалектов", а сам Ларин проводил обследование речи рабочих: текстильщиков, керамиков, бумажников, печатников²⁷. В 1928 г. им были опубликованы первые в нашей стране специальные научные статьи, посвященные теоретическому осмыслению проблемы языка города: "К лингвистической характеристике города (Несколько предпосылок)" и "О лингвистическом изучении города"²⁸. В свое время они носили новаторский характер и имели важное теоретико-методологическое значение. Как нам представляется, и современный исследователь данной проблематики может найти в них полезные идеи и стимулы для своей работы.

В указанных статьях Ларин обосновал необходимость научного изучения языковой жизни ("языкового быта") города. Он отметил неразработанность данной проблематики: "Если картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней, — писал Ларин, — оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города"²⁹.

Ларин хорошо понимал, что язык города не является чем-то однородным, что он имеет сложную социальную стратификацию, что социальный состав населения и общая демографическая картина города и его "языкового быта" постоянно видоизменяется из-за притока "разнообразного населения, которое, ассимилируясь, привносит, однако, кое-что и свое"³⁰. Особенно большое значение Ларин придавал изучению внелитературных разновидностей городской речи. В связи с этим он справедливо отмечал: "Мало материалов и почти нет исследований по всем – кроме литературного – говорам города. Этот последний пробел, мне кажется, более всего задерживает развертывание стоящих на очереди работ по социальной лингвистике"³¹.

Из теоретических вопросов, поставленных в упомянутых статьях Ларина, назовем прежде всего вопрос о статусе и сущности языка города (городской речи), по которому и в современной социолингвистике продолжаются дискуссии. В этом отношении несомненной заслугой Ларина является выделение и обоснование нового объекта лингвистического исследования – языка города. При его характеристике он использует не всегда четкую и однозначную терминологию, но суть авторской концепции по данному вопросу представляется тем не менее достаточно ясной. Он разграничивает, с одной стороны, всю совокупность различных языковых идиомов, которыми пользуются городские жители (это определенное лингвистическое целое он называет "языковым бытом города", "языковым разнообразием города", "диалектологией города") и, с другой стороны, отдельные конкретные формы разговорной речи горожан (их он обозначает терминами "говоры города", "внелитературные и нелитературные типы речи", "городская разговорная речь"). Если в первом случае имелся в виду сложный конгломерат письменных и устных языковых идиомов, представляющих всю картину языковой жизни города, то во втором – специфические коммуникативные разновидности, отличающиеся и от литературного (письменного) языка, и от местных ("деревенских") говоров. В соответствии с таким пониманием Ларин ставил разные задачи по исследованию языка города: 1) изучение "состава и структуры языкового быта города"; 2) изучение отдельных "городских говоров" и прежде всего городских аргю.

В теоретико-методологическом аспекте большое значение имела также рассматриваемая Лариным проблема соотношения социальной структуры города и социальной дифференциации и вариативности городского языка. Он считал, что всякая устойчивая социальная группа характеризуется определенной "общностью языка" и поэтому уделял значительное внимание социальным вариантам речи, социально-групповым диалектам (арго или жаргонам). Однако и в этом вопросе ему удалось избежать вульгарно-социологической прямолинейности. Ларин вполне справедливо указывал, что между социальной расчлененностью городского населения и социальной вариативностью языка города нет жесткого однозначного соответствия. Говоря о размежевании населения больших городов по национальному и социально-экономическому признакам, он замечал: "И то и другое деление имеет соответствие в языковом размежевании, однако не полное и не прямое"³².

Важное место в программе изучения языка города, предложенной в статьях Ларина, занимала также проблема взаимодействия различных нелитературных разновидностей разговорной городской речи между собой и нелитературных разговорных идиом с литературным языком в письменной и устной форме. Многие аспекты данной проблематики сохраняют актуальность и значимость и в наши дни.

Рассмотрение трудов Ларина знаменуют начальный и очень важный этап научной разработки проблемы языка города в отечественной социолингвистике³³.

3. Принципиально важной чертой зарождавшейся в нашей стране социолингвистики явилась новаторская постановка и теоретическая разработка концепции национального языка как исторической категории эпохи становления и развития капиталистического общественного уклада и формирования наций. Л.П. Якубинский в статье "Капитализм и национальный язык" впервые в советском языкознании сформулировал положение об объективно-исторической закономерности формирования национальных языков. Он писал: "Образование национального языка определяется образованием нации и национального государства в эпоху поднимающегося капитализма"³⁴. Конечно, здесь проявился некоторый схематизм в социологической трак-

товке данного вопроса. Тем не менее указанная статья имела несомненное положительное значение, так как в ней была выражена верная идея социальной и историко-культурной обусловленности возникновения национального языка и сделана попытка показать, что в связи с развитием капитализма преодолевается диалектная раздробленность и складывается единый язык как общенациональное средство коммуникации. Якубинский писал: "В отличие от феодализма, которому присуще языковое районирование и особенность языковых районов, капитализм развивает общий межрайонный и надрайонный язык"³⁵. Более обстоятельно и разносторонне с привлечением фактического материала разных языков данная проблематика была разработана в книге В.М. Жирмунского "Национальный язык и социальные диалекты". Правда, и в этой книге еще давали себя знать упрощенно-социологические взгляды автора, в частности, явное преувеличение признака классовости в отношении национального языка. В его концепции понятие "национальный язык" как будто бы охватывало совокупность всех "социальных диалектов", обслуживающих капиталистическое общество в целом, однако из-за "привязки" национального (общего) языка к господствующим классам его общенациональная функция фактически оказывалась не выявленной, ср.: "Рядом с языком господствующих классов, который является господствующим языком данного общества, мы находим другие социальные диалекты; разнообразные крестьянские, мещанское просторечье, диалектически окрашенный язык рабочих"³⁶. В связи с этим Жирмунский приходит к выводу, с которым вряд ли можно согласиться: "... характерным признаком языкового развития капиталистического общества является его принципиальное двуязычие: единому языку господствующего класса (языку "общему", "национальному", "литературному" — по недостаточно прочно установившейся терминологии) противостоят территориально раздробленные диалекты подчиненных общественных групп (крестьянства, городской мелкой буржуазии, отчасти пролетариата — в особенности на заре его развития, когда он еще не утратил бытовых связей с крестьянством и мещанством"³⁷. Уже из этой цитаты видно, что в социолингвистической литературе 30-х годов не было достаточно четкого размежевания понятий и терминов "национальный язык" и "нацио-

нальный литературный язык". Наряду с этим в книге Жирмунского имеется немало интересных и важных наблюдений о соотношении и взаимодействии формирующихся национальных литературных языков и территориальных диалектов, о различии их социальных функций, о процессе складывания единых общенациональных норм литературного языка³⁸.

В последующие годы советские лингвисты значительно обновили и углубили теорию формирования национальных языков и провели на ее базе целую серию исследований, в том числе и на материале истории славянских литературных языков³⁹. Однако приоритет в разработке ее основ принадлежит прежде всего Якубинскому и Жирмунскому⁴⁰.

4. Советские языковеды уже в первые десятилетия после Октябрьской революции активно разрабатывали также комплекс существенных социолингвистических проблем, связанных с характерными особенностями функционирования русского языка в первые годы Советской власти⁴¹, с формированием и развитием многочисленных молодых литературных языков ранее бесписьменных народов нашей страны (ср., например, создание около 50 новых письменных языков, что помогало бороться с безграмотностью значительной части населения страны, способствовало развитию образования и национальной культуры многих народов, не имевших в царской России собственной письменности). Не случайно Поливанов одной из отличительных черт советского языкознания в рассматриваемый период называл активное участие лингвистов в практической деятельности на пользу общества.

На этом фоне вполне понятно и обращение языковедов к вопросам языковой (речевой) культуры и языковой политики. В этой связи особый интерес представляют работы Г.О. Винокура: статья "Культура языка (Задачи современного языкознания)" // Печать и революция. М., 1923, кн. 5, с. 100–111 и книга "Культура языка. Очерки лингвистической технологии". М., 1925, в которых фактически были заложены основы теории языковой культуры.

Винокур совершенно правильно подчеркивал, что развитие нашей общей культуры невозможно без развития культуры лингвистической. Он горячо выступал против недооценки лингвистических знаний, против безразличного отношения к языку и неумелого, неграмотного использования речевых средств. Отмечая низ-

кий уровень языковой культуры в обществе, Винокур писал: "Убийственное равнодушие и высокомерное безразличие к вопросам языка – этого основного и важнейшего фактора человеческой культуры, ...привело в конце-концов к тому, что мы не только потеряли живое и непосредственное чувство языка, чувство стиля, но и вообще совершенно не умеем справляться с самыми элементарными повседневными лингвистическими нуждами"⁴². В своих работах Винокур поднимал актуальные вопросы теории и практики языковой культуры. Он говорил о необходимости рациональной организации речевой деятельности: "Наша речь должна быть известным образом построена. Она есть объект культурного ПРЕОДОЛЕНИЯ, нуждается в определенной СТИЛИСТИЧЕСКОЙ организации"⁴³. Именно такая рациональная деятельность составляет, по его мнению, проблему культуры языка. В понятие рациональной организации языка, речевой деятельности – считал Винокур – входит "как направление лингвистических процессов по определенному руслу, так и непосредственное воздействие на самое строение языка"⁴⁴.

Следует отметить, что у Винокура было своеобразное понимание термина "языковая политика" ("лингвистическая политика"). Он считал, что если мы признаем принципиальную возможность регулировать по своей воле социальную речевую деятельность, то тем самым признаем возможность языковой политики. Правда, в его работах понятия "культура языка" и "языковая политика" порой перекрещивались, оказываясь в какой-то части тождественными. Дело в том, что Винокур настаивал на разграничении "политики (политических мер) в области языка" (это он не считал "языковой политикой") и "сознательной лингвистической деятельности", целью которой должен быть сам язык (речь членов данной социальной среды), забота "об исправлении недочетов нашего лингвистического быта"⁴⁵. Последнее, то есть "сознательная лингвистическая деятельность", в его понимании и была "языковая (лингвистическая) политика", которую он призывал не смешивать с "социальной политикой в области языка".

Вместе с тем ряд советских лингвистов в работах 30-х годов давал более широкую трактовку термина "языковая политика", в некоторых пунктах соотносимую с современным пониманием этого термина. Якубинский в статье "Ф. де Соссюр о невозможности

языковой политики" отстаивал мнение, что вполне возможно организованное вмешательство общества в языковой процесс, организованное руководство этим процессом (в известной мере, правда, абсолютизируя возможности такого вмешательства). Он подчеркивал: "...факты показывают, что язык в действительности преобразуется говорящими, что он для них вполне досягаем"⁴⁶. Элементы упрощенно-социологического характера находим и в определении языковой политики, содержащемся в книге Иванова-Якубинского, ср.: "Языковая политика – это сознательное вмешательство класса в развивающийся языковой процесс, сознательное руководство этим процессом"⁴⁷. Однако, в этой книге немало и вполне здравых идей, которые не потеряли своего значения и в наши дни, например: "...если языковая политика хочет быть общественно полезной, она должна быть рациональной и целесообразной политикой, а для этого она должна опираться на научную теорию"⁴⁸.

Все это показывает, что в начальный период развития социолингвистики в нашей стране ставились и интересно решались многие теоретико-методологические и практические вопросы, которые привлекают внимание исследователей и в современный период. Первые советские социолингвисты, научные работы которых создавались в условиях жесткой идеологической борьбы и, естественно, несут печать своего времени, по ряду проблем выступили подлинными пионерами и заложили теоретические основы, ставшие впоследствии отправным пунктом серьезных социолингвистических исследований диахронического и синхронического плана. Важно подчеркнуть, что несмотря на некоторые методологические ошибки, крайности и заблуждения вульгарно-социологического характера, их труды внесли значительный вклад в становление и развитие отечественной социолингвистики.

Примечания

¹ Это нашло свое отражение в публикации целого ряда монографий и сборников статей, см., например: *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929; *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М., 1931; *Шор Р.О.* На путях к марксистской

лингвистике. — М.—Л., 1931; Языковедение и материализм. М.—Л., 1931; *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. М.—Л., 1932.

2 *Поливанов Е.Д.* Специфические особенности последнего десятилетия 1917—1927 в истории нашей лингвистической мысли // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 53.

3 *Шор Р.О.* Язык и общество. М., 1926. С. 100.

4 Там же. С. 100.

5 *Петерсон М.Н.* Общая лингвистика // 'Печать и революция'. Кн. 6. М., 1923. С. 31.

6 *Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Ученые записки Института языка и литературы. Т. I. (лингвистическая секция). Издание РАНИИОН. М., 1927. С. 11.

7 *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928. С. 7.

8 *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. С. 182.

9 *Поливанов Е.Д.* Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория (Тезисы доклада) // Статьи по общему языкознанию. С. 177.

10 *Шор Р.О.* Указ. соч. С. 121.

11 *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. С. 177.

12 *Поливанов Е.Д.* Революция и литературные языки Союза ССР // Статьи по общему языкознанию. С. 189.

13 *Аптекарь В.Б. и Быковский С.Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. X. Вып. 8—9. Л., 1931. С. 11.

14 *Данилов Г.К.* К вопросу о марксистской лингвистике // Литература и Марксизм. Журнал теории и истории литературы. РАНИИОН. Кн. шестая. М., 1928. С. 116.

15 *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. М.—Пг., 1923. С. 234.

16 *Бухарин Н.И.* Указ. соч. С. 236.

17 *Державин К.Н.* Борьба классов и партий в языке Великой Французской Революции // Язык и литература. Т. II. Вып. I. Л., 1927.

18 *Каринский Н.М.* Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.—Л., 1936.

- 19 *Селищев А.М.* Указ. соч.
- 20 *Сергиевский М.В.* Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI–XVII вв. // Ученые записки Института языка и литературы. Т. I. (лингвистическая секция). Издание РАНИИОН. М., 1927.
- 21 *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- 22 *Якубинский Л.П.* Язык крестьянства // Литературная учеба. М., 1930, № 4; *его же:* Язык пролетариата // Литературная учеба. М., 1931, № 7.
- 23 *Гухман М.М.* У истоков советской социальной лингвистики // Иностранные языки в школе, 1972, № 4. С. 3.
- 24 См.: *Сергиевский М.В.* Указ. соч.
- 25 *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. С. 86.
- 26 *Жирмунский В.М.* Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968. С. 23.
- 27 См.: *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 214.
- 28 *Ларин Б.А.* К лингвистической характеристике города (Несколько предпосылок) // Известия Гос. пед. института им. Герцена. Л., 1928. Вып. I. С. 175–185; *его же:* О лингвистическом изучении города // Русская речь. Новая серия. Вып. 3. Л., 1928. С. 61–75; *Ларин Б.* Мовний побут міста // Червоний шлях. Харків. 1928, № 5–6. С. 190–199.
- 29 *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. С. 175.
- 30 *Ларин Б.А.* Там же. С. 177–178.
- 31 *Ларин Б.А.* Там же. С. 189.
- 32 *Ларин Б.А.* Там же. С. 180.
- 33 Подробнее об этом см.: *Смирнов Л.Н.* Проблема изучения языка города в истории советской социолингвистики // Socjolingwistyka. 6. Warszawa – Kraków. 1987. S. 45–50.
- 34 См.: *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. С. 67.
- 35 Там же. С. 71.
- 36 *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты... С. 6.
- 37 Там же.

38 Подробнее об этом см.: *Десницкая А.В.* Как создавалась теория национального языка (Из истории советского языкознания) // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974. Ср. также развернутый критический анализ концепции Жирмунского в кн.: *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. С. 3–27.

39 См., например: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, а также раздел "Языковые проблемы формирования наций" в кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 95–221.

40 *Десницкая А.В.* Указ. соч. С. 398.

41 См., в частности, *Селищев А.М.* Указ. соч.

42 *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1925. С. 3–4.

43 *Винокур Г.О.* Указ. соч. С. 23.

44 *Винокур Г.О.* Культура языка (Задачи современного языкознания). С. 106.

45 *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1925. С. 72.

46 *Якубинский Л.П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 81.

47 *Иванов А.М.* и *Якубинский Л.П.* Очерки по языку. С. 37.

48 *Иванов А.М.* и *Якубинский Л.П.* Указ. соч. С. 39.

Содержание

Предисловие	3
<i>Е.И. Демина</i> . К вопросу о современной литературно-языковой ситуации в Болгарии	7
<i>П.А. Дмитриев</i> . О некоторых особенностях языковой ситуации в Сербии и Хорватии	22
<i>М.И. Ермакова</i> . Проблемы нормы и кодификации в современном верхнелужицком литературном языке	56
<i>М.А. Осипова</i> . К словообразовательной адаптации заимствований в современном польском языке: речевые ошибки	75
<i>Ю.Е. Стежковская</i> . О взаимодействии исконных и иноязычных словообразовательных морфем в современном чешском языке	87
<i>Е.Н. Сидоренко</i> . К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков)	110
<i>Л.И. Масленникова</i> . Влияние литературного языка на польский говор в Белостокском воеводстве (к социолингвистической характеристике говора деревни Студзянки)	125
<i>Л.Н. Смирнов</i> . Из истории отечественной социолингвистики	154

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

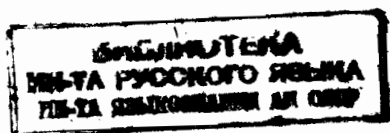
Ответственный редактор

доктор филологических наук *Л.Н.Смирнов*

Сборник подготовлен в редакционно-издательской группе

Института славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать с оригинал-макета 18.05.93. Формат 84x108/32. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 300 экз. Заказ 00000. С.015.

8/11